ВАЛЕНТИН ПИКУЛЬ

РЕКВИЕМ КАРАВАНУ PQ-17

ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН

Реквием каравану PQ-17

Валентин Саввич Пикуль

Аннотация
Валентин Пикуль. Реквием каравану PQ-17.
ПРОЛОГ
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. АТЛАНТИКА
МАЙ 1941 ГОДА
«ТОПИ ИХ ВСЕХ!»
ОТ ФЛОРИДЫ ДО БРЕСТА
«НЕ ДЕЛАЙ ЭТОГО, ДАДЛИ!»
И ПОШЛИ КАРАВАНЫ
В УГЛАХ ТРЕУГОЛЬНИКА
СОВМЕСТНАЯ РАБОТА
ВОЛКИ БЕГУТ НА СЕВЕР
РУССКОЕ ЗОЛОТО
ТЕЛЕГРАММА СТАЛИНА
ПАМЯТНИКИ
ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ИДУ НА ФЛАГМАНА
ВЕЛИКОДУШИЕ
БОЛЬШОЙ РИСК
ОБСТАНОВКА
ТВЕРДАЯ ПОЗИЦИЯ
ХВАЛЬ-ФЬОРД
КОНТАКТЫ

СЕВАСТОПОЛЬ-МУРМАНСК
ОНИ ИДУТ
ДЕНЬ НЕЗАВИСИМОСТИ
БЛЕСТЯЩИЙ МАНЕВР АНГЛИИ
СПАСАЙСЯ, КТО МОЖЕТ!
И ОН ВЫШЕЛ
КТО ЕГО ОСТАНОВИТ?
ПОБЕДИТЕЛИ
ПОСЛЕДСТВИЯ
А КТО ВИНОВАТ?
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. ЛЕДЯНАЯ КУПЕЛЬ
ПОСВЯЩАЕТСЯ ЛЮДЯМ
(ИЮЛЬ 1942 ГОДА)
ВОЛКИ И ОВЦЫ
ЖЕСТОКАЯ ВИБРАЦИЯ
В ЛЕДЯНОЙ КУПЕЛИ
«ПОДАТЬ СЮДА ЧЛЕНА ПРАВИТЕЛЬСТВА!»
ЧЕРЧИЛЛЬ – СТАЛИНУ. СТАЛИН – ЧЕРЧИЛЛЮ.
ПОСЛЕДНИЕ
НА ВЫСОКОМ УРОВНЕ
НЕНОРМАЛЬНЫЙ БРЭНГВИН
И ПРОШЛИ С БОЕМ
ВОЛЧЬЕ ЛОГОВО
КОРАБЛИ ЮНОСТИ
НЕОБХОДИМОЕ ПОСЛЕСЛОВИЕ. РАЗГОВОР С ЧИТАТЕЛЕМ

Аннотация

Книга Валентина Пикуля «Реквием каравану PQ-17» посвящена одному из драматических эпизодов Второй мировой войны – гибели союзного каравана в северных широтах. Это произведение, которое сам автор назвал документальной трагедией, можно уверенно назвать визитной карточкой писателя. Валентин Пикуль проявил себя в этой книге как литератор-документалист, не лакирующий действительность, а ищущий истину.

Валентин Пикуль
Реквием каравану PQ-17
ПРОЛОГ

В ЭТОЙ ДАВНЕЙ ИСТОРИИ МАЛО БЕСПРИСТРАСТНЫХ СВИДЕТЕЛЕЙ – ЕЩЕ МЕНЬШЕ ОБЪЕКТИВНЫХ СУДЕЙ. НО СЛЕЗЫ НЕ ВЫСОХЛИ…
ПО ВЕЧЕРАМ ЕЩЕ СКОРБЯТ СТАРУХИ МАТЕРИ НА ЗЕЛЕНЫХ БЕРЕГАХ ВОЛГИ, ТЕМЗЫ И МИССИСИПИ.
НО СНАЧАЛА МНЕ ХОЧЕТСЯ СКАЗАТЬ…

Мой отец начал жизнь матросом на балтийских эсминцах, а закончил ее комиссаром морской пехоты в руинах Сталинграда. От него я перенял любовь к флоту и юношескую тягу к стремительным кораблям. Сейчас мало кто знает, что с 1942 по 1945 год в нашем флоте существовало воинское звание — юнга. Оно присваивалось подросткам, которые освоили флотскую специальность, дали воинскую присягу и могли наравне со взрослыми нести самостоятельную вахту возле механизмов. К числу таких счастливцев принадлежал и я. Мне

было 15 лет, когда я стал рулевым на эскадренном миноносце. Удивляться тут нечему: война — время большого доверия к юности.

Нам, юнгам, очень хотелось попасть в самую заваруху морской войны, и мне здорово повезло — я служил на Северном флоте. Наши эсминцы охотились за подлодками противника. В составе союзных эскортов они конвоировали караваны с поставками по ленд-лизу, Не все еще в нашей стране отчетливо представляют, какой длинный и страшный путь проделала через океан простая банка свиной тушенки, пока ее где-нибудь в окопах под Курском не вскрыл штыком наш героический солдат…

О том, что все виденное было историей, я понял гораздо позже — к сожалению! Сумбурные восприятия флотской юности легли в основу моего первого романа (кстати, не совсем удачного), и я думал, что уже никогда не вернусь к этой теме вторично: меня надолго увлекла русская история. Помню, что в 1969 году я готовил к печати очередной исторический роман «Пером и шпагой» — роман о секретной дипломатии XVIII столетия, — и вдруг, в самый разгар работы! — меня властно заполонила тема каравана PQ-17, я отложил наше давнее и взялся за наше ближнее.

Это была как бы встреча с юностью…

В памяти возникли бензиновые пожары на танкерах; казалось, я снова вижу, как стонуще умирают транспорта, а на их палубах танки и паровозы, словно обезумев, расшибают грузовые контейнеры. С первых же слов я понял, что у меня получается реквием — вроде последнего «прости» всем тем, кто с палубы корабля шагнул прямо, в бездну.

В сокращенном варианте «Реквием» был спечатан сразу же после написания.

Ленинградский журнал «Звезда» опубликовал его в майском номере за 1970 год, посвященный 25-летию Дня Победы. Я никак не ожидал, что больше всего откликов получу от читательниц. «Реквием каравану PQ-17» женщины почему-то восприняли гораздо острее, нежели читатели-мужчины. Здесь же позволю себе выразить глубокую благодарность всем, кто указал мне на недостатки и явные промахи, которые я постарался исправить, готовя книгу к отдельному изданию.

Естественно, в такой краткой вещи, как эта, немыслимо отразить всю полноту описываемых событий, и потому более подробную картину судьбы PQ-17 читателю следует искать в специ-

альных работах.

***

По ночам в Атлантике, этой извечной колыбели флотов всего мира, жутко становилось иногда человеку…

Ты встречал мертвецов с пропавших кораблей, и волна несла их на своем ликующем гребне, а мертвецы не тонули, раздутые, как и бушлаты на них, насыщенные капкой и воздухом.

Ты слышал, как во мраке вдруг начинали работать дизеля, питая током опустошенные за день батареи подлодки, а вот и она сама низкая длинная тень с бульбой рубки, которую заплескивает море.

Ты видел, как проносилась растворенная в ночи теплая громада крейсера, а куда он идет — об этом зачастую не ведали даже те люди, что несли вахту на его мостиках.

Ты невольно вбирал голову в плечи, когда из ночных туч, с воем поглощая пространство, падала тяжелая «каталина» на двух звенящих моторах, из фюзеляжа ее рушилось что-то похожее на бочку — это еще одна мина прибавилась в океане.

И чаще всего погибал человек в Атлантике

самой худшей из всех смертей, которая зовется безвестной. Это не та общедоступная смерть, когда тебя подберут, накроют шинелью и уложат в братскую могилу. У этой смерти нет даже могилы…

Моряки предельно точны в своих докладах:

— Срок автономности вышел… в эфир на связь с базою не выходит… позывные — без ответа! Ну, значит, конец.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. АТЛАНТИКА

– Нет, сэр, – невозмутимо ответил Брукс. – Но я хотел бы отметить один факт, о котором часто забывают... Страх может подавить человека. По-моему, нигде это чувство не проявляется с такой силой, как при проводке конвоев в Арктике... Знаете ли вы, адмирал Старр, каково приходится людям там, между островом Майен и островом Медвежьим, в февральскую ночь? Это тяжелая, мучительная борьба... Каждая ваша мозговая клетка напряжена до предела... Вы находитесь как бы на грани сумасшествия. Знакомы ли вам эти ощущения, адмирал Старр?

Ол. Маклин. Корабль его величества «Улисс»

МАЙ 1941 ГОДА

В мае 1941 года британские станции радиоперехвата нащупали в эфире учащенную работу самолетов германской метеоразведки. Лаборатории службы погоды, летящие над океаном, взяли под наблюдение колоссальный район — от Исландии, где уже высадились англичане, до сплоченных ледников Гренландии, где недавно стали хозяйничать американцы. Немцев интересовало состояние, паровых льдов, плотность туманов, скорость ветра и сила волнения на море…

Начальник английской морской разведки предстал перед Дадли Паундом, первым морским лордом.

— Сэр, — сказал он, — у меня такое предчувствие, что Берлину неспроста понадобился долгосрочный прогноз погоды. Хочется верить, что мы уже держимся за хвостик веревки, с другого конца которой вьется петля для висельника.

Дадли Паунд отреагировал на это без улыбки:

— Надеюсь, Годфри, вы не дадите меня повесить?

— Нет, сэр! Мы приложим все старания, чтобы сунуть в петлю вашего берлинского коллегу — гросс-адмирала Редера.

— Благодарю вас, Годфри, вы всегда так любезны…

Восемнадцатого мая 1941 года германский линкор «Бисмарк» отвалил от пирса оккупированной польской Гдыни. Гарнизонный оркестр исполнил при этом печальную мелодию, прозвучавшую в это тихое утро траурно-щемяще. Впрочем, гитлеровский адмирал Лютьенс рассчитывал, что операция под кодовым названием «Рейнское учение» завершится благополучно.

— Если бы не эта грустная баллада, совсем некстати сыгранная в нашу честь, никто бы и не заметил нашего отплытия. Я надеюсь, — говорил Лютьенс на мостике «Бисмарка», — что, пока мы не вырвемся на простор океана, в Англии даже кошка не шевельнется. Смотрите, как пустынно море: все корабли задержаны в портах, чтобы нас никто не заметил…

Но «кошка» шевельнулась в другом углу Европы — в тихом нейтральном Стокгольме, где британский атташе Дэнхем встретил в клубе своего приятеля-офицера шведского флота.

— Кстати, — как бы между прочим сказал швед,

сдавая в игре трефового туза, — сегодня на рассвете наш крейсер «Готланд» случайно разглядел в тумане «Бисмарка»! Судя по мощному буруну под форштевнем он куда-то здорово поторапливался.

Дэнхем тут же покрыл туза козырной мастью:

— Вы проиграли пять марок и вряд ли уже отыграетесь, ибо посол просил меня не задерживаться сегодня в клубе…

Скорой походкой он отправился в посольство. В три часа ночи в Лондоне разбудили начальника морской разведки:

— Депеша из Стокгольма под грифом «весьма срочно». Атташе Дэнхем сообщает, что «Бисмарк» проскочил проливы…

Но и шведский крейсер «Готланд» был замечен на «Бисмарке», отчего, настроение адмирала Лютьенса испортилось.

— Придется радировать в Берлин, что нас, кажется, уже рассекретили…

Эти проклятые нейтралы шляются где хотят, и никак нельзя заткнуть им глотку одним хорошим залпом!

Гросс-адмирал Эрих Редер вчитался в полученную от Лютьенса радиоквитанцию расшифровки и тоже расстроился:

— Неприятная встреча! Впрочем, шведов вроде

бы и нельзя упрекнуть в излишней болтливости. Будем надеяться, что они хотя бы два дня подержат язык за зубами.

Однако рано утром 21 мая флотские радиостанции Германии уже стали перехватывать приказы Британского адмиралтейства об активном воздушном поиске «Бисмарка».

— Но, — сказал Редер, не теряя хладнокровия, — как докладывает наша агентура, британские линкоры метрополии еще околачиваются на рейдах Скапа — Флоу, а «Хууд», если верить остолопам из авиаразведки Геринга, застрял на ремонте в Гибралтаре… Нет, мы не станем отменять операцию!

В расстановке сил британского флота Редер ошибался.

Несколько дней подряд внимание всего мира было приковано к северной Атлантике, где Гитлер решил опробовать мощь своего суперлинкора на самом рискованном оселке — на английском! В мировой печати совсем незамеченным проскочило, краткое сообщение, которое в другие времена могло бы стать газетной сенсацией: где-то между Африкой и Южной Америкой германская подлодка торпедировала американское судно «Робин Мур»… Фашистский флот наглел от

нечаянных успехов.

Теперь слово за английской воздушной разведкой!

***

— Джонни, Джонни, мы теряем высоту, Джонни… Разве ты не слышишь нас, Джонни? Машину трясет… мы разваливаемся… но я вижу,.. хорошо вижу его, Джонни… это он, Джонни!

Британский самолет, разбрасывая по кускам свои крылья, с воем врезался в норвежские скалы. Офицер корпуса горных егерей поднял руку, останавливая бегущих солдат своей роты:

— Не лезьте туда, ребята! Лучше подождать гестапо.

До чего же сладко дышится по утрам в фиордах Норвегии, вот и первые ландыши проклюнулись в траве… Гестаповцы разбили фонарь кабины стрелка-радиста, внутри которой, скорчившись, лежал англичанин, почти мальчик. А глаза потухшие…

— Во, бесстыжие глаза! Они, кажется, успели разглядеть именно то, что вся Германия сейчас прячет от Англии.

— Меня волнует другое, более насущное, — отозвался старший в команде. — Успел он радировать

или не успел?..

Он уже мертв, этот англичанин. Через три дня на далекой родине между полоской жидкого клевера и бурым торфяным полем проедет на велосипеде скучающий мальчишка-почтальон и будут над ним распевать в небе жаворонки.

Почтальон постучится в старый дом и с поклоном вручит родителям похоронную… Все будет именно так. Но он — успел!

А в коридорах Британского адмиралтейства — сквозняки, как и на эсминцах, что просвистаны штормами.

— Сэр! Кажется, мы его обнаружили.

— Опомнитесь, Хью, не совсем-то мне верится…

Первый морской лорд даже рассмеялся. Солнечный свет за окном был так ярок. Серый костюм безукоризнен. Он задержал спичку возле сигареты — выждал подтверждение.

— Именно так, сэр! — сказал офицер-оперативник. — Наша воздушная разведка засекла его в Корс-фьорде.

Спичка обожгла пальцы. Беглый взгляд на карту: Корс-фьорд — это уже близ Бергена. «О, как далеко забрались эти паршивцы!» Но голос лорда спокоен:

— Это все, что вы знаете, Хью?

— Да, сэр. Но и это дорогой ценой, сэр…

Так англичане установили место новой стоянки гитлеровского линкора «Бисмарк». Позже один из посланных к Бергену самолетов, сумев остаться незамеченным для немцев, произвел аэрофотосъемку.. Расшифровка снимков показала, что рядом с «Бисмарком» базируется и тяжелый германский крейсер «Принц Эйген».

Адмирал Лютьенс перед выходом в море сказал в узком кругу своих офицеров:

— Вот уже два опытных адмирала ушли со своих постов, и я не желаю быть третьим! Я стану выполнять не партийные программы фюрера, а лишь приказы оперативного руководства…

Не все понятно историкам второй мировой войны. В этой фразе Лютьенса, оброненной как бы случайно, они пытаются отыскать некий потаенный смысл. Мы же этого, делать не станем.

Пойдем, читатель, следом за «Бисмарком» в океан. Нам нужен факт и выводы из этого факта.

В мае 1941 года Европа перестала пахнуть ландышами.

Май, веселый май, куда делись твои чистые радости?..

Великая страна на Востоке еще спит спокойно.

Не знают отцы и матери — не ведают дети их. Один лишь месяц нам осталось жить в мирной тишине.

Море, полное чудес, плескалось тогда у моих ног, и я кричал от восторга, если видел корабль. В моем представлении корабли могли нести людям только радость.

2-1 = 1

Их было у Гитлера всего два, всего два линкора, неповторимых по своей мощи: «Бисмарк» и «Тирпиц». Почти близнецы, от одной матери — Германии, от одного отца — фашизма. Они были спущены на воду недавно, с официальным водоизмещением 35 000 тонн.

Впрочем, это — для дипломатов, для мирных конгрессов…

Предвоенная гонка вооружений имела свои злокачественные тайны. Риббентроп заверил Англию, что водоизмещение «Бисмарка» и «Тирпица» составит 35000 тонн, длина их почти четверть километра, а ширина — 36 метров; так что Англия может спать спокойно. Но британские адмиралы сразу заметили подозрительное несоответствие в цифрах: «С шириной корпуса у немцев что-то неладное. Очевидно, они задумали раскатать свои линкоры в плоский блин, сделав

их мелкосидящими, как сковородки». Берлин подтвердил, что осадка линкоров всего 7 метров (плюс какие-нибудь сантиметрики). А это значило, что Гитлер готовит линкоры для мелководной Балтики — против СССР! Такое положение вполне устраивало политиков мюнхенского сговора с Гитлером, и Англия вроде бы успокоилась…

Но Москва побочными каналами дипломатии уже дала понять Уайтхоллу, что ширина линкоров образовалась от резкого увеличения тоннажа, а глубина их осадки превысит 10 метров, так что в Финском заливе им нечего делать, зато в Атлантике… да-а, на этой старинной английской кухне они могут переколотить всю посуду. Начальнику британской морской разведки его офицеры не раз советовали:

— Сэр! Это ведь так просто — снять трубку телефона и позвонить советскому военно-морскому атташе. России нет смысла скрывать от нас подлинный тоннаж линкоров Гитлера…

Пленные гитлеровские моряки в один голос уверяли англичан, что «Бисмарк» и «Тирпиц» имеют водоизмещение не больше 42 тысяч тонн. Но они называли не полное, а стандартное водоизмещение. Германские архивы, вскрытые после войны, показали полный тоннаж линкоров в 52

700 тонн, и эти данные точно совпадали со сведениями, которые добыла перед войной советская разведка…

«Бисмарк» и «Тирпиц», два великана, могли развивать скорость до 30 узлов, обладая при этом дальностью плавания в 17 500 миль; линкоры несли на себе по 8 башенных орудий всесокрушающего калибра, имели в ангарах самолеты, торпедное вооружение и команды в 2400 человек.

Геббельсовская пропаганда считала их непобедимыми.

Это в какой-то степени правда, ибо ни один флот Европы не имел тогда таких могучих и совершенных кораблей…

Сейчас «Бисмарк» отстаивался в оккупированной стране, на зеркальной тиши рейда, уже готовый к «прыжку пантеры» на просторы Атлантики чтобы начать планомерный разгром и всего и вся, что встретится ему по курсу. В содружестве с крейсером «Принц Эйген» «Бисмарк» должен был стать могучим рейдером в океане. Иначе говоря, разбойником-одиночкой!

Адмирал Лютьенс уже имел в подобном разбое немалый опыт. Совсем недавно на линкорах «Шарнхорст» и «Гнейзенау» он совершил дерзкий

прорыв к берегам Америки, где ему удалось пиратствовать по всем правилам большой дороги…

Двадцать первого мая 1941 года якоря были выбраны…

***

В глубоком Датском проливе, что огибает Исландию с севера, в канале между минным полем и кромкой пакового льда, на английском крейсере «Суффолк» работал радар. Экраны локаторов заранее отметили приближение гитлеровского флагмана. «Суффолк» по радиопеленгу наводил на цель корабли флота метрополии. Они подошли и вцепились в «Бисмарка» клыками своих орудий.

Огонь был открыт противниками почти одновременно с дистанции в 24 километра. «Бисмарку» удалось сразу же поразить «Хууд»; броня английского линкора, принесенная в жертву скорости, пропустила через себя немецкий снаряд, и он лопнул внутри погребов. Адский взрыв потряс один из лучших кораблей британского флота — из 1400 человек команды в живых остались только трое.

Немцы немедля перенесли огонь на новейший линкор англичан «Дюк-оф-Уэллс», и, сильно

дымя, тот беспомощно отвернул в сторону. «Бисмарк» же имел два прямых попадания. Один из снарядов вскрыл в его носу обширные нефтехранилища, и теперь длинный жирный хвост тянулся по морю. Турбины в 138000 лошадиных сил, прокатывая гребные валы винтов, сейчас уносили «Бисмарка» от преследования курсом на зюйд.

Подоспели британские крейсера и всадили в него первую торпеду. Огрызаясь огнем, «Бисмарк» уходил на Брест, и стрелки тахометров в его рубках указывали полное количество оборотов. К вечеру англичане опять настигли линкор, снарядами они развороти ли ему надстройки… Карта боя рисует поразительную дугу: обогнув Исландию и Британские острова, «Бисмарк» лежал теперь на курсе, прямом как стрела, — на Брест, только на Брест (уже дымилась его крупповская шкура, — которую надо было спасать).

А берлинские фанфары завывали на весь мир: радио Геббельса трубило о легкой победе над «Худом», о той страшной угрозе, которая нависла теперь над Атлантикой — этой главной военной артерией англичан. И тогда Британское адмиралтейство бросило против «Бисмарка» самые значительные свои корабли.

От баз метрополии отошли линкоры «Кинг Георг V» и «Родней», авианосец «Викториуз», крейсера, эсминцы, подводные лодки. От Гибралтара устремился в битву линейный крейсер «Ринаун», от берегов Африки спешил линкор «Рамилиуз», летели в океан авианосец «Арк Ройял», крейсер «Шеффилд» и дивизионы эсминцев.

Англичане хотели спасти престиж своего флота. Но они сами не заметили, что, бросая почти весь свой флот против одного линкора, они невольно теряли этот престиж. Самолеты-торпедоносцы, поднятые с палуб авиаматок, нанесли по «Бисмарку» удар, и удачный: наконец-то линкор захромал, гася свою предельную скорость. Дождевые шквалы забушевали над Атлантикой, и на рассвете 25 мая британские крейсера потеряли «Бисмарка». Дальнейшие поиски его и погоня за ним быстро истощили топливные цистерны британских кораблей.

«Принц Эйген» пропал за пеленою дождевой мглы. Вся ярость травли обрушилась на «Бисмарка». Британские торпедоносцы в спешке свалили боевой груз на свой же крейсер «Шеффилд», который с большим искусством увернулся от попаданий. Наконец одна из торпед заклинила рули на «Бисмарке», при сильном шторме линкор

развернуло лагом к волне, и турбины бешено выли от усилий котельных установок. Экраны локаторов на «Бисмарке» отмечали появление британских эсминцев еще за 10 миль и огонь башен линкора отгонял их прочь.

Насосы британских кораблей уже дохлебывали последние тонны горючего, когда «Бисмарк» сумел вторично оторваться от погони. Брест был уже недалек: казалось, еще немного, и спасение придет. Но над волнами пролетела косая тень британского «Норфолка» — эфир вздрогнул от призывов крейсера: «Он здесь, он тут, я его вижу...» И горизонт снова ожил. Башни линкоров дрогнули, орудия безжалостно и точно нащупывали цель.

На дистанцию в 50 кабельтовых к «Бисмарку» подскочил «Родней», и частыми залпами — в упор — англичане лихо расстреляли его орудийные башни. Главная посудина Гитлера (искромсанная, пылающая, недвижимая) погибала, еще продолжая работать машинами, но орудия ее уже молчали. При погружении в воду раскаленные докрасна надстройки линкора окутались клубами шипящего пара, и это шипение скоро перешло в резкий протяжный свист. А в задраенной боевой рубке тонул обгорелый труп

адмирала Лютьенса. Это произошло 27 мая в 11 часов утра в Атлантическом океане, всего в 400 милях от оккупированного немцами Бреста…

Англичане успели подобрать из воды лишь немногих. А потом, когда победители — все в ожогах и пробоинах — ушли по домам, поверхность моря взбурлила. Оттуда, из глубин океана, выскакивали лоснящиеся, как тюлени, рубки подводных лодок, украшенные пауками свастик. Подлодки имели приказ снять с «Бисмарка» журнал его боевых действий и, если это окажется возможным, спасти адмирала Лютьенса с его штабом… Подводники истошно призывали уцелевших, но океан безмолвствовал.

…Английские историки пишут: «Отныне немцы больше не возвращались к честолюбивым планам, характерным для весны 1941 года, а использовали оставшиеся в их распоряжении „надводные силы только на Балтике и против судов, доставлявших снабжение на север России“.

***

Именно в день потопления «Бисмарка» выступил по радио Ф. Рузвельт, объявив о «чрезвычайном положении нации».

— Война, — сказал президент США, — прибли-

жается к берегам западного полушария. Подходит к нашей родине… Битва в Атлантике теперь идет на всем протяжении от арктических вод Северного полюса до мерзлоты континента Антарктики…

Рузвельт умел предвидеть события. Он еще раньше предупредил свой народ:

«Пусть никто из вас не думает, что Америка избежит войны, что она найдет пощаду, что на западное полушарие не нападут..»

Тогда же США начали накопление стратегического сырья и дефицитных товаров. Богатейшая в мире страна жадно заполняла свои кладовые на случай войны.

Но война в мае 1941 года стояла уже возле рубежей СССР!

Однако в нашей стране потопление «Бисмарка» не вызвало сильной реакции; странные «и не всегда объяснимые ситуации этого боя изучались лишь офицерами флота. Было ясно, что Home Fleet в борьбе с „Бисмарком“ совершил немало грубейших просчетов, весьма постыдных для чести моряков Англии… По авторитетному мнению советского адмирала А. Г. Головко, „случай с „Бисмарком“ весьма характерен для понимания дальнейшего, вплоть до истории с PQ-17“.

«ТОПИ ИХ ВСЕХ!»

Историческая справка

Протокол Лондонской морской конференции от 1930 года был признан и подписан Германией в ноябре 1936 года.

Там в, 22-й статье сказано:

«…Подводная лодка не имеет права потопить или вывести из строя судно, предварительно не обеспечив безопасность пассажиров, команды и судовых документов. Корабельные шлюпки не могут считаться средством, гарантирующим безопасность, если поблизости нет другого судна, которое взяло бы на борт и пассажиров, и команду».

Прошло три года. Ровно через 12 часов после объявления войны пассажирский лайнер англичан «Атения» был взорван германской подлодкой «U-30» (командир Лемп). 112 пассажиров, среди них женщины и дети, так и погибли в море, наверное, даже не зная о 22-й статье Лондонского протокола. Гитлер при этом нагло заявил, что англичане сами, невзирая на детей и женщин, потопили свой пароход, чтобы их пожалели

добрые американские дядюшки. В бортовом журнале «U-30» была вырвана страница с целью замести это первое преступление фашистских подводников, а команде внушили, что они должны «изгладить из своей памяти все события этого дня». (Это первое преступление фашизма на море. детально описано в 3-й главе книги лорда Э. Рассела «Проклятие свастики», которая вышла в русском переводе в 1954 г.) Двадцать третьего сентября, когда догорала разбомбленная Варшава, Гитлер с Редером издали приказ; все торговые суда, которые начнут радиопередачу в эфир при встрече с германской подводной лодкой, должны быть безжалостно потоплены. А так как любой корабль, встретив подлодку со свастикой, неизбежно, начинал взывать по радио о помощи, то это значило — приговор экипажам судов уже подписан заранее!

В ответ на вооружение британцами своих торговых, кораблей гросс-адмирал Эрих Редер объявил, что теперь в мире вообще не существует судов торговых.

— Мы будем топить всех, — сказал он.

С болью в сердце гросс-адмирал согласился с Гитлером, что топить суда нейтральных стран пока еще рановато.

— Но мы будем топить и нейтралов, если они идут в море без яркого освещения!

Тогда же адмирал Карл Дениц (главарь подводных сил Германии) издал приказ расстреливать из пулеметов людей, спасающихся после торпедирования их судна.

В сентябре 1940 года англичане, нуждаясь в кораблях, обменяли свои базы в океане на 50 старомодных эсминцев США. Эти корабли с четырьмя чадящими трубами были ужасное барахло: семь из них перевернулись в Атлантике кверху килями, так и не повидав берегов Европы. Но гитлеровские адмиралы вдруг проявили беспокойство:

— Кажется, пришло уже время нашим подлодкам навести порядок в американских водах.

Ретивых адмиралов одернул Гитлер:

— Перед великой Германией сейчас иные задачи: нам нельзя ссориться с США, пока не завершится поход на Восток…

Двадцать второго июня 1941 года начался поход гитлеровских полчищ на Страну Советов, но Гитлер еще колебался.

— До середины октября, пока не возьмем Москву, — убеждал он адмиралов, — не должно быть никаких морских инцидентов с США…

Шестого декабря при сильной вьюге, когда мороз достигал 38 градусов, наши войска под Москвой обратили хваленый вермахт в бегство, а на следующий день японцы учинили разгром американского флота в Пирл-Харборе, и эти два известия застали Гитлера врасплох… Но, оправившись от потрясения, он тут же спустил собаку с цепи. Адмирал Дениц полностью разделял идеологию нацистов. Он очень любил провожать в море свои подлодки такими словами:

— Вперед, мои небритые мальчики! Фюрер верит вам, он следит за каждым вашим шагом… Атакуйте! Преследуйте! Топите всех!

Тогда же, в январе 1942 года, Гитлер принял в своей ставке японского посла Осиму и заверил его, что германский флот еще задолго до объявления войны США уже немало испортил крови американцам, поглощенным любовью к наживе. Осима молчал. Гитлер говорил, что американцы вообще неспособны к войне, ибо, они спят и видят во сне лишь доллары. Осима молчал. Гитлер сказал, что его подлодки давно топят американские корабли, где бы они ни встретились. Осима молчал, и это выводило фюрера из себя. А в таком деле, как война на море, утверждал Гитлер, придерживаться гуманных взглядов преступно…

Осима, черт его побери, молчал…

— Желаю и кораблям вашего флота, — говорил Гитлер, — чтобы они тонущих в плен не брали! После торпедирования противника подлодки должны всплывать и расстреливать не только шлюпки, но и тех паршивых неудачников, которые кувыркаются среди обломков, отыскивая доску понадежней. Обучение новых команд обходится противнику дорого — это же чистая экономика!

Осима обнажил в улыбке квадратные зубы и сказал, что японцы только так и поступают с врагами.

На самом же деле они поступали несколько иначе, об этом в советской печати сохранилось свидетельство:

«Первым на борт подлодки забрали 18-летнего юнгу, застрелили его и выбросили за борт. Остальным крепко связали руки и под разглагольствования на ломаном английском языке… били и истязали. Примерно в полночь началась (по словам японцев) настоящая забава. Каждого американца заставляли бежать по палубе между строем японских подводников, вооруженных дубинками, мечами и штыками. В конце этого строя жертва… сбрасывалась за корму. Так было

покончено с 60 американскими матросами…»

Но тут прозвучал ревун срочного погружения и японская субмарина быстро ушла в пучину, оставив на поверхности океана 35 американцев со связанными за спиной руками. Несколько человек-это почти чудо! — сумели в таком положении удержаться на волнах, пока их случайно не заметило индийское судно. Они-то и поведали миру, как действуют японские подводники…

В конце аудиенции Гитлер с большим чувством пожимал холодную руку японского посла Осимы:

— В вашем лице я приветствую моего доблестного союзника, который не станет тратить слова и время напрасно…

Злодейство никогда не проходит безнаказанно, и, может, именно потому американские матросы любили эту песню:

***

Топи их всех, подряд их всех!

Японцев и немцев-всех!

Гитлера с Тодзйо на их кораблях — На авианосцах, на крейсерах!

***

С самого начала война на море приобрела характер войны «неограниченной» (то есть беспощадной). Наша страна вступила в эту войну, когда варварство уже было введено в систему. Жестокость врага особенно проявилась при столкновении с нашими кораблями.

Гросс-адмирал Эрих Редер был сторонником крейсерской войны на широких океанских театрах.

Адмирал Карл Дениц являлся яростным, убежденным апологетом войны подводной.

Между этими двумя доктринами крутился на сухопутье Гитлер, пока не понимая, кому верить — Редеру или Деницу?

ОТ ФЛОРИДЫ ДО БРЕСТА

— Клянусь дьяволом! Это были молодые загорелые ребята в трусиках, все бородатые. Когда мы уже барахтались в воде, они снимали нас киноаппаратом с мостика. При этом у них был такой вид, словно они развлекались.

— Простите, капитан. Они вам угрожали?

— Нет, они долбанули нас торпедой под самый мидель без всяких угроз.

Будто так и надо! Когда же я подплыл к их борту, они встряхнули, меня за воротник и угостили коньяком. Будь я проклят, но такого хорошего я еще не пробовал в жизни. Это был настоящий коньяк…

— А вы не спросили их, зачем они вас торпедировали?

— И спросил. Но они с хохотом отвечали, чтобы я подал иск за понесенные убытки. Рузвельту или Черчиллю.

— Они не издевались над вами, капитан?

— Да нет. Поговорив со мной, сколько им надо, они треснули меня коленом под зад. Я кувыркнулся за борт и поплыл дальше, чтобы найти доску.

Но перед этим они угостили меня еще сигаретой.

— Наверное, немецкая сигарета была из опилок?

— Прекрасная сигарета! Я же говорю вам — у них все самое лучшее. Они отлично живут, эти сорванцы, которые повадились шляться возле наших берегов. Если уж быть честным до конца, то мне только одно не понравилось в этих фашистах…

— Что же именно?

— Они перестреляли команду в воде, и в живых остался только я один из числа всего экипажа…

Операции по разбою близ побережья Америки носила громкое название «Raukenschlag», что в переводе на русский язык означает — «Удар в литавры».

Вот когда настали веселые денечки! До чего же приятно с торпедами в аппаратах шлепать на дизелях с открытыми люками вдоль побережья Флориды.

Райские кущи видит молодой зверь, наблюдая за чужой мирной жизнью, утонувшей в сиянии неоновых огней. На много миль протянулись красочные курорты и чудесные пляжи Майами… Стук дизелей сменился утробным рычанием мотбров — подлодка ушла в глубину. Ральф Зеггерс

в шелковой безрукавке и трусиках, беспечно насвистывая мелодию из Массне, брал через перископ пеленги на ярко освещенные маяки. Если подойти к берегу поближе и всплыть, то можно бесплатно слушать музыку негритянских джазов, которые отлично работают по вечерам. И — вдруг…

— Что за наваждение? — удивился Зеггерс. — Берег пропал!

Только что ярко горевший неоном и блиставший огнями высотных зданий берег США вдруг почернел, как уголь. В действие пришел приказ Ф. Рузвельта о затемнении, и он вызвал яростную, почти дикую реакцию среди «тихих» американцев:

— Нам сорвали великолепный курортный сезон! Если этого не понимает Адольф Гитлер, то наш президент мог бы и понять…

Богатые дельцы из окон своих отелей теперь наблюдали факелами сгорающие танкеры. Женщины в купальных костюмах, лежа под зонтами, лениво посматривали вдаль, где подлодки топили транспорта. На золотые пески Майами океан стал выбрасывать трупы — обезображенные мазутом, изъеденные соляром…

США организовали оборону побережья слиш-

ком поздно, когда вражеские подлодки уже свободно шныряли возле Гаваны и Ньюфаундленда, их видели даже в устье Амазонки, они шлялись у берегов Мексики и Гвианы. Это был своего рода «блицкриг» — молния, блеснувшая из-под воды, и могучая активная страна оказалась награни растерянности. Дело дошло до того, что Рузвельт просил Черчилля вернуть в США несколько кораблей, которые американцы столь щедро подарили англичанам, и Англия… вернула.

— Эти янки не знают, что им делать, — сказал Черчилль.

— Я знаю, что делаю, — ответил Зеггерс штурману. — Упреждение на ноль тридцать с интервалами в десять секунд… Носовые аппараты, к залпу…

Внимание, ребята… пли!

Подводную лодку сильно тряхнуло на залпе, первый отсек доложил в центропост:

— Торпеды вышли!

Отработали рулями на погружение, чтобы субмарина, облегченная от груза торпед, не выскочила наверх. В руке штурмана, обвитой массивным браслетом, уже стучал секундомер.

Ральф Зеггерс, крепко зевнув, невозмутимо

заметил:

— Секунд двадцать — не больше, и поросята отыщут свое любимое корыто…

Он не ошибся: на двадцать первой рвануло взрывами.

— А теперь посмотрим на дела рук божьих, — весело сказал Зеггерс, и мотором он поднял перископ из глубин шахты.

Цветная испанская косынка облегала его жилистую шею. Сильная цейсовская оптика приблизила судно, тонущее с резким дифферентом на корму. Видеть обросшее ракушей и водорослями днище корабля было так же неприятно, как рассматривать обнаженные скальпелем внутренности человека…

Штурман раскрыл бортовой журнал:

— Диктуй, Ральф… Каков тоннаж? Куда попадание?

Ударом руки Зеггерс переключил реверс, и тяжеленная труба перископа медленно, как обожравшийся удав, уползла обратно в шахту.

— Нейтрал! — сказал Зеггерс, морщась, как от запаха падали. — Триста килограмм тротила мы залепили в нейтрала. Поверь, сейчас, на закате солнца, все в мире кажется красным, и я принял флаг Португалии за британский… Не отмечай в

журнале!

Штурман, вскинув острые волосатые колени, долго хохотал, пачкая белые шорты ржавью и мазутом рифленого настила.

— Извини, Ральф, но так редко выдается веселая минутка… То-то сейчас там бегают эти чесночные португальцы!

Корветтен-капитан косынкой вытер вспотевшее лицо, от самого кадыка до глаз заросшее густой бородой.

— Продуть балласт к чертовой матери! — прогорланил он, и воздух с шипением ринулся в цистерны, выгоняя прочь за борт стылую океанскую воду. — На всплытие! Абордажную партию с двумя ручными пулеметами — наверх…

Быстро, быстро, ребята!

Из пушки по гибнущему кораблю всадили для верности три снаряда, чтобы тонул поскорее, В руках полуголых матросов долго трещали автоматы. Крики людей, убиваемых прямо в лицо, постепенно стихли. Последним спустился с мостика командир, долго возился с кремальерой главного люка..

— Принять балласт, — велел он. — Свидетелей нашей ошибки не осталось. Они что-то орали, эти нейтралы; видать, хотели сообщить, что их

война не касается… Это было смешно!

— Ральф, — построжал штурман, а что мы скажем нашему «папе» Деницу, когда вернется?

— Так и скажем, что виноват дурацкий закат…

Расстреляв все торпеды и опустошив топливные цистерны, субмарина Зегтерса отходила к Бермудским островам — там с судна снабжения лодка накачивалась горючим «до пробки», грузила боезапас — и снова шла за добычей. Наконец они сдали позицию другой подлодке и не спеша потянулись через Атлантику на базы Лориана. Из Биская, где корабли Франке снабжали немцев горючим и апельсинами, лодка вышла на связь с Килем. Главный штаб отдал приказ: экономическим режимом следовать на подходы к Бресту, занять там удобную позицию, чтобы действовать сообразно обстоятельствам.

— Брест блокирован англичанами, а в гаванях Бреста — весь наш большой флот открытого моря, — призадумался Зеггерс. — Очевидно, кильские умники решили вклеить нас в какую-то секретную операцию… Что бы это могло быть?

Урча под водой моторами, субмарина заняла место у входа в Ла-Манш, Воздух внутри корабля был ужасен, а всплыть они не могли. Усталые батареи теперь интенсивно выделяли водород,

замыкание рубильников стало взрывоопасным.

— У меня гудит в башке, — простонал Зеггерс. — Третий уже месяц болтаемся в море…

Среди ночи акустик попросил соблюдать на лодке тишину.

— Что ты там услышал? — спросили его.

— Шум… необычный шум со стороны Бреста.

— Винтов?

— Да! Но такие винты несут только очень большие корабли. Слышу и винты эсминцев! Они визжат, как мокрые тарелки, когда их протирают… Очень много кораблей идет из Бреста!

Зеггерс не выдержал напряжения и в рубке под мостиком выкурил сигарету.

Потом, словно в оправдание своей слабости, он разбил оксилитовый патрон регенерации воздуха (дышать стало легче).

— Кто-нибудь… нажмите кнопку тревоги, — наказал он через люк внутрь поста. — Кажется, наш флот собрался прорваться из Франции обратно на родину через эту английскую канаву.

— Безумие, — прошептал штурман. — Так шутить с англичанами нельзя. Разве дуврский барраж пропустит наши крейсера через Ла-Манш и Па-де-Кале? Они же расстреляют флот батареями…

Зеггерс жадно хлебал кофе из горлышка термоса.

— Я думаю, — сказал он, — фюрер знает дело не хуже нас…

На рассвете через глаз перископа Зеггерс восхищенно отсчитывал идущие на прорыв корабли… Да! Немцы проводили одну из самых дерзких операций своего флота. Из «мышеловки» Бреста сейчас рвались на волю, как большие крысы, «Шарнхорст» и «Гнейзенау», с ними шел и «Принц Эйген», — из пределов оперативного простора они рвались на простор стратегический!

Хроника ТАСС (февраль 1942 года.)

12 — Сражение в проливе Па-де-Кале между английской авиацией и германской — эскадрой. В составе эскадры линкоры «Шарнхорст» и «Гнейзенау», бежавшие из Бреста в Северное море.

15 — Капитуляция Сингапура.

22 — ТАСС опровергает вымышленное сообщение газеты «Ници-Ници» о том, будто бы какой-то представитель советского посольства поздравил японскую императорскую ставку по случаю падения Сингапура.

24 — В Анкаре с провокационной целью инсценировано покушение на германского посла в Турции Палена.

25 — Сообщение Совинформбюро о том, что в районе Старой Руссы войсками Северо-Западного фронта окружена 16-я немецкая армия. Разгромлено несколько дивизий противника, оставивших на поле боя около 12 тысяч убитыми.

26 — Посол СССР в США т. Литвинов выступил в Нью-Йорке в клубе иностранных журналистов: «Мы хотели бы, чтобы, все силы союзников были введены в действие...»

ТАСС разоблачает очередную ложь германского информационного бюро о том, что турецкий пароход «Чанхая» был якобы атакован советской подводной лодкой...

Хроника ТАСС мало говорит о положении на наших фронтах. После победы под Москвой наступило вроде бы предгрозовое затишье.

«НЕ ДЕЛАЙ ЭТОГО, ДАДЛИ!»

Еще никто не знал, куда перегоняет Гитлер свои крейсера и линкоры, но англичане об этом уже догадывались. Гитлер недавно заявил, что Норвегия вскоре станет «зоной судьбы», — Любой немецкий корабль, — сказал фюрер в ставке, — если он не находится сейчас в Норвегии, значит, он находится не там, где ему следует быть…

Центр морской войны в Европе недолго блуждал по зыбким водам — сейчас он быстро (подозрительно быстро!) перемещался в полярные районы, прямо к рубежам Советского Союза.

Теперь, когда с «Бисмарком» было покончено, Британское адмиралтейство трясло ознобом при одном лишь упоминании о другом линкоре Гитлера — «Тирпиц». Английский флот не мог быть спокоен, пока «Тирпиц» бродит по морям и океаном. История с «Бисмарком» воспитала в верхах Британского адмиралтейства страх перед гитлеровскими линкорами! Это и понятно:

«Бисмарк» пошел на грунт, имея погреба пустыми, — он дрался до последнего снаряда, и бесподобная живучесть линкора наводила ан-

гличан на грустные размышления…

Разведка сбилась с ног, разыскивая теперь громаду «Тирпица», который и был обнаружен англичанами на якорной стоянке в Аас-фьорде близ Тронхейма — на самом краю Европы, возле берегов СССР. Попытки бомбить его с воздуха оказались безрезультатны, а с воды «Тирпиц» был окружен сетями…

Из дальнейших событий почти незаметно, путем сцепления различных обстоятельств, с неумолимой последовательностью сложилась трагическая судьба каравана PQ-17.

***

«Не делай этого, Дадли!» — по-английски звучит так: «Dont do it, Dudley!..»

Именно так в годы войны называли в Англии сэра Дадли Паунда, который в чине адмирала руководил главным штабом Британского адмиралтейства и был, таким образом, ближайшим соратником премьера У. Черчилля. Писать об этом как-то даже неприятно, но все-таки придется. Дело в том, что первый морской лорд Дадли Паунд был лодырь и… трус.

Я не стал бы сообщать здесь об этих его каче-

ствах, щадя самолюбие англичан, но сами же англичане говорили об этом, никого не таясь. Дадли Паунд жил по принципу «как бы чего не вышло», и потому-то сначала матросы, затем офицеры королевского флота, а потом уже и вся Англия окрестили его:

«Не делай этого, Дадли!»

Над гаванями Бреста, где дымили корабли гитлеровского рейха, постоянно велся воздушный барраж. Англичане знали если не все, то почти все о перемещении вражеских кораблей, и в этом им отважно помогали герои французского Сопротивления.

Десятого февраля 1942 года, начиная с 9 часов вечера, англичане бомбили Брест и его гавани. Потом самолеты улетели домой через «канаву» Ла-Манша.

Оставленный в небе разведчик недолго крутился над Брестом: неисправность в радаре заставила его вернуться на аэродром. Какое-то время гавань Бреста осталась вне наблюдения английской разведки.

И тогда она, эта гавань, стала наполняться дымом.

Немцы ставили густую дым-завесу, скоро темное облако нависло надо всем Брестом, заслоняя

с воздуха, ковши гаваней. А за час до полуночи, под командованием вице-адмирала Цилиакса, гитлеровские крейсера и линкоры пошли на прорыв… После их ухода, когда дым относило ветром, химслужба зажигала новые шашки. А потому когда британский разведчик прилетел снова, то за плотной стенкой дыма он не мог разглядеть, стоят ли там корабли, и тревога в Англии объявлена не была.

Между тем германские корабли шли на максимальных оборотах. Лишь на следующий день, в 11 часов утра, на траверзе Соммы британский разведчик с неба случайно обнаружил гитлеровскую эскадру. По радио он тут же известил об этом Лондон, а Лондон не поверил, что немцы способны на проведение такой дерзкой операции.

«Не делай, этого, Дадли!» узнал обо всем после полудня. Он узнал о прорыве линкоров, когда немецкая эскадра уже прошла самую узость проливов, между Кале и Дувром, и лишь тогда соблаговолили объявить по флоту тревогу.

Вот, кажется, настал выгодный момент бросить на немецкие корабли все силы Home Fleeta и покончить с ними одним крепким ударом…

«Не делай этого, Дадли!» — наверное, сказал себе Дадли.

Но были причины более веские, почему Дадли не сделал того, что обязан был сделать. Вот что пишет западногерманский историк Фр. Руге, в прошлом адмирал гитлеровского флота:

«Хотя это предприятие привлекло к себе большое внимание... оно означало тем не менее окончательный отказ от океанской войны и облегчило (!) положение британского флота в особенно тяжелое для него время».

Наверное, именно потому-то «морской лев» сладко вздремнул, когда германская эскадра прошла под самым носом его, не боясь потрогать этого «льва» за кончики усов. Правда, с большим опозданием англичане бросили против эскадры торпедоносцы, катера и эсминцы, но все их храбрые атаки закончились впустую, и можно считать, что Гитлер провел свои корабли беспрепятственно... Гросс-адмирал Редер и его штаб записали в актив себе «тактический успех», а над Англией, пронеслась волна негодования; даже консервативная «Таймс» с большим неудовольствием пробурчала, что «начиная с XVII века во внутренних водах Англии еще не случалась ничего более позорного для морской гордости англичан».

Честная трудовая Англия в каске и с противо-

газом через плечо была возмущена. Это Англия спрашивала тогда:

— Почему? Почему дали немцам прорваться?

На самом же деле все ясно: из Северного моря путь гитлеровского флота лежал в Скандинавию, а оттуда — через гавани Тронхейма и Нарвика — они, эти корабля, направляли свои жерла против русских коммуникаций в океане.

Именно поэтому Черчилль, выступая в парламенте, откровенно тогда заявил, что он с величайшим облегчением приветствует уход германских кораблей из Бреста.

Это был сознательный тактический проигрыш Уайтхоала ради призрачных политических целей!

Правда, угроза для Англии продолжала существовать. Но она была отведена от берегов самой Англии. Теперь угроза направлена прямо против русских. И если англичане встретят корабли большого флота Германии, то эта встреча может состояться уже в русских водах. Тут уместен вопрос: стараясь перехитрить очень хитрого противника, не перехитрили ли англичане самих себя?

Советский посол в Англии Иван Михайлович Майский (впоследствии академик) в те дни очень

часто встречался с Черчиллем.

Черчилль ему говорил тогда:

— Врага надо обманывать всегда. Можно иногда обмануть и широкую публику для ее же пользы. Но никогда нельзя обманывать союзника…

Это были только слова. Черчилль обманывал.

« — Dont do it, Dudley!»

И ПОШЛИ КАРАВАНЫ

Скапа-Флоу — «собственная спальня» флота его величества, хотя в этой, «спальне» уже побывала германская лодка «U-47», взорвав дремлющий на рейде линкор «Королевский дуб». Впрочем, сейчас тут спокойно… За сетями минированных бонов, за извечным недосыпом брандвахты, за частоколами свай, заколоченных в грунт, отстаиваются корабли Home Fleeta. Здесь живет, красит борта, грузит торпеды, отсиживает сроки в карцерах, ремонтируется и колобродит «домашний флот» короля — флот метрополии, флот открытого моря, под килями которого дно в Скапа-Флоу выстлано на два фута пустыми консервными банками.

Иногда в гаванях режут слух горны. На палубах в четких каре, белея гетрами, строятся отряды морской пехоты. Равняясь побортно, корабли поют хвалу тем, кто водит их в океан. Там, в кабинетах мрачного Уайтхолла, сидят стратеги и политики, которых флот не знает. А этих он знает по именам:

Товей… Фрейзерг. Хамильтон! Сухощавые люди

без возраста, с лицами цвета кирпича, мундиры их мешковаты, манеры резкие, — эти адмиралы водят конвои далеко, вплоть до берегов СССР, где вода закипает в откатниках студий, где она смерзается на броне палуб крейсеров в глыбы серого пузырчатого льда.

А по воскресным дням в Скапа-Флоу от молов и пирсов идут на берег, отчаянно галдя, многотысячные толпы матросов. Трепещут на ветру черные траурные ленты, завязанные флотом Англии один раз и уже навсегда — в день гибели Нельсона. Кабаки и бары мгновенно рассасывают матросов, и толпа вчерашних докеров, клерков, слесарей, кондитеров и шахтеров — эта толпа, шагающая враскачку, быстро редеет. Теперь они до утра будут шуметь здесь, в своей «спальне», как дома.

Голые акробатки на эстрадах сгибаются в дугу, их животы, перетянутые ленточками, блестят от пота. Потертый конферансье отпускает сальности в микрофон столь серьезно, будто в церкви читает требник. Потом из-за ширмы выпорхнет певица с запудренным синяком под глазом:

Плыви, плыви, мой караван, В далекий путь — за океан. — Последний раз играет джаз, Последний раз пою для вас…

Кстати, вся эта история с караванами началась недавно.

Двадцать второго июня 1941 года Англия издала вздох облегчения…

«Для многих англичан, — писал Ральф Паркер, — война за одну ночь 22 июня сразу отодвинулась куда-то далеко. Бомбардировки английских городов прекратились. Возвращались эвакуированные, и в это лето Лондон, заполненный английскими и колониальными войсками, веселился почти беззаботно, отдыхая после напряжения прошлой зимы. И все это потому, что Россия приняла на себя основной удар…»

Многие из англичан не сомневались тогда, что Гитлер победит. Однако русские выдержали первое, самое тяжкое испытание «блицем». Тогда же (почти с первых дней войны) и возник вопрос об открытии второго фронта в Европе!

Первым прорвался в СССР северным маршрутом Гарри Гопкинс, один из близких друзей Рузвельта, понимавший необходимость дружбы американского и советского народов. Мужественный и решительный. американец, он на «каталине» пролетел вокруг Скандинавии в Архангельск, откуда быстро добрался до Москвы, где имел две беседы со Сталиным; содержание

этих важных бесед Гопкинс тут же сообщил своему президенту. Закон о ленд-лизе, введенный США ранее только для Англии, Рузвельт распространил вскоре и на СССР, цепь взаимопомощи в борьбе Объединенных Наций против фашизма, таким образом, замкнулась!

Путь караванов в Россию лежал, как и в первую мировую войну, через арктические воды. Путь опасный, но самый короткий и уже проверенный.

Трансиранский маршрут был надежнее, зато гораздо длиннее, а несовершенство дорог в Иране надолго задерживало доставку грузов. Существовал еще третий путь — через Владивосток, но было почти невозможно «перекатить» грузы через всю Сибирь до фронта, и сам этот путь вскоре закрылся (Япония вступила в войну с США).

В декабре 1941 года арктическим путем прошел в Мурманск британский крейсер «Кент», секретно доставив министра иностранных дел Идена, который выехал в СССР для дипломатических переговоров. Как раз на пути «Кента» в 1916 году загадочно погиб английский крейсер «Хэмпшир», на борту которого плыл в Россию лорд Китченер. С Иденом же ничего не случилось: с палубы корабля он пересел в бронированный дипсалон

Кировской железной дороги.

Британский министр посетил освобожденный от оккупантов город Клин, где в музее Чайковского наблюдал следы вандализма гитлеровцев. Иден заметил тогда:

— Все это ждало бы и Англию, если бы немцы высадились на наших островах… Это настоящие подонки человечества!

Поездка на фронт укрепила, в Идене уверенность в несокрушимости Красной Армии, и при отъезде он заявил:

— Теперь я собственными глазами видел, что немецкая армия может терпеть поражения, отступать и бежать… Миф о германской непобедимости взорван вами!

Тем же морским путем — от Мурманска до Скапа-Флоу — Иден благополучно вернулся на родину, и хотелось верить, что этот путь в СССР почти безопасен. Гораздо рискованнее показалась англичанам операция по возвращению на крейсере «Адвенчур» делегации ВЦСПС, гостившей в Англии.

Дело в том, что число советских делегатов было 13, среди них две женщины, к тому же выход в море пришелся на черную пятницу. Как бы подтверждая все эти дурные приметы, из тумана

вывернулся бродяга танкер и своим носом рассек борт «Адвенчура». Однако просвещенные мореплаватели не растерялись.

Англичане спасли положение тем, что к тринадцати делегатам Подсадили четырнадцатого (совсем не делегата), и тогда все опять пошло как по маслу…

Казалось, караваны будут идти и идти! Первый караван назывался «Дервиш», под литерами PQ-00 он пришел к нам в августе 1941 года вскоре после визита Г. Гопкинса в Москву.

***

А над судоверфями Кельна, Готенхафена (Гдыня) и в базах Киля — сплошной лязг и грохот; рабочие давно на казарменном положении. Идет небывалое по размаху строительство подводного флота. Дениц желал превратить войну из-под воды в решающий фактор победы. Помогал ему в этой гонке автомобильный эксперт Меркер, в жизни своей моря не видевший. Но зато Меркер осуществил на практике поточный метод: подлодки собирали на верфях, как автомашины, посекционно, отсек к отсеку. Широко применялась электросварка, и каждые три дня стапеля Германии сбрасывали в море по две но-

вые субмарины. Подводников пугал теперь при погружениях страшный треск сваренных корпусов, чего не знали на лодках при заклепочной системе.

Флот Германии настойчиво уходил под воду — уже не хватало кадров для замены погибших, для комплектации новых экипажей. Тенденция заполнить все коммуникации мира «волчьими стаями» заразила и Гитлера; сейчас фюрер носился с идеей создания подводных транспортов и танкеров. Его подстегивал пример японских подлодок, которые, прорывая блокаду, приходили в Германию с грузом олова и хинина, а в Японию увозили секретную диппочту и новейшее немецкое радиооборудование…

Весной 1942 года, оправясь после поражения под Москвой, Гитлер развернул новое наступление на советском фронте. Наши войска были сброшены с Керченского полуострова, мы потерпели тяжкое поражение под Харьковом, где врагу удалось окружить нашу армию, враг шел через задонские выжженные степи на Кавказ, на Сталинград.

— Или мы закончим войну в этом году, — утверждал Гитлер, — или ее будут кончать за нас другие…

Стихии мира были поделены при нацизме: земля Гитлеру, воздух — Герингу, а вода — Редеру. Гитлер был недоволен своим флотом, особенно надводным (он считал линкоры «дорогими игрушками»). С позиций ефрейтора он оскорбительно третировал надводный флот и его командование. Гросс-адмирал Эрих Редер не раз выслушивал обидные упреки.

— Мне осталось одно! — кричал на него Гитлер. — Все ваши хваленые линкоры и крейсера переплавить в мартенах ради драгоценного металла. Вы угробили мне «Бисмарка», так берегите же, словно глаз свой, хотя бы «Тирпица»! Я уже изнемогаю от ваших дорогостоящих акций, которые всегда бесполезны…

Теперь, когда Гитлер развертывал новое наступление на Восточном фронте, в Берлине обратили особое внимание на полярные конвои. Союзная артерия ленд-лиза тянулась через Атлантику до причалов Архангельска. Прервать эту артерию, лишить советский народ связи с союзниками, обескровить русских в полной изоляции — такая задача встала в 1942 году перед большим флотом Германии. И этот флот был решительно отодвинут Редером на самые крайние рубежи — к берегам СССР…

На Тронхейме базировался флагман «Тирпиц». Несли в Нарвике вахту «Шарнхорст», «Адмирал Шеер» и «Лютцов». Рыскали во мраке полярной ночи шакалы первого ранга — «Кельн» и «Нюрнберг». Число новейших миноносцев было увеличено до 20. Свора подводных лодок блуждала у границ пакового льда, а 428 самолетов прочесывали русские полярные небеса… Армада!

Эрих Редер знал, какой панический страх испытывают англичане при появлений «Тирпица». И адмирал умел использовать этот страх как главный козырь в той отчаянной игре, которую вел с флотами противников и в борьбе с самим фюрером… Редер понимал: случись хоть одна неудача с «Тирпицем», получи он хоть одну пробоину, и тогда Гитлер действительно поставит флот открытого моря на консервацию, а на смену Редеру, естественно, придет Дениц…

Пятого марта 1942 года немецкий самолет случайно обнаружил в океане караван PQ-12, идущий в Россию, а на следующий день Редер отдал приказ, выстраданный им в ночной бессоннице: «Тирпицу» выйти в море на перехват каравана PQ-12. Сопровождать его эсминцам под общим командованием Цилиакса… С конвоями, идущи-

ми в Россию, следует кончать в этом году!»

К этому времени поведение Гитлера определялось двумя факторами, которые почти несовместимы: желая победить противника, нацистские моряки еще больше желали смыться от противника, если он был хоть немного сильнее.

В УГЛАХ ТРЕУГОЛЬНИКА

Заранее в Норвегию поступало много горючего из Германии для «Тирпица» и его эскадры, Корабли пожирали топливо с такой быстротой и в таких дозах, что становилось страшно за весь «тысячелетний рейх». Сейчас они, стоя на рейдах, лишь слегка закусывали, а что будет, когда в море их желудки-котлы разовьют чудовищный, неистребимый аппетит?

И вот они тронулись…

Три эсминца сопровождения заливало волной до мостиков, ветер сбивал с антенн соленые хрупкие сосульки. Над узким носом «Тирпица» постоянно нависало белое облако пушистой пены. В отсеках линкора спертая духота, синий маскировочный свет, как в покойницких. Подвахту качало в гамачных сетках, по трубам отопления, сипло клокоча на изгибах, рвался раскаленный пар. Им еще ничего, а вот эсминцы вице-адмирала Цилиакса треплет так, что на них страшно смотреть.

А в кают-компании «Тирпица» на широких круглых столах уютно поскрипывают приборы

для офицерских тарелок, на дне которых плещется янтарный жир норвежского супа. Свежий номер «Марине рундшау» переходит из рук в руки.

Любопытно, что этот официоз немецкой военно-морской мысли сейчас заговорил внятно и убедительно… «Все силы флота Германии, — призывал журнал, — на завоевание полярных коммуникаций!»

Вот туда и шел сейчас «Тирпиц», чтобы вдрызг разнести корабли союзного конвоя PQ-12.

Конвой PQ-12 был сформирован в Лох-Ю (Шотландия), откуда он и вышел 23 февраля, имея два корабля в ордере под флагами СССР. 14 транспортов шли в охранении крейсеров, а в океане — в полной готовности — блуждал флот метрополии под брейд-вымпелом опытного Адмирала Джона Товея…

Среди ночи Редера вызвал вдруг к телефону Гитлер.

— Адмирал, — испуганно, спросил он, — а не случится ли так, что наш «Тирпиц» напорется в океане на англичан, у которых в запасе окажется хорошенький авианосец?

— Да, мой фюрер. Силы прикрытия англичан, помимо трех линейных кораблей, могут иметь

и авианосец…

— Тогда, — вмешался Гитлер, — разрешаю нашим кораблям вступать в соприкосновение для боя только в том случае, если прежде вам удастся ликвидировать этот авианосец.

— Мой фюрер, — отвечал Редер, — вы не учли морального фактора. Одно лишь известие о выходе «Тирпица» сломает всем англичанам шею… Вы увидите, как это будет ловко!

— Посмотрим, — неуверенно хмыкнул Гитлер.

Воздушная разведка немцев засекла PQ-12 еще на подходе кораблей к вулканическому острову Ян-Майену, что одиноко и печально стынет, нелюдим, в океане. Именно туда, на перехват каравана, и стремился сейчас «Тирпиц».

Поразив конвой PQ-12, гитлеровцы рассчитывали иметь двойной успех, ибо потеря союзных кораблей отражалась и на Англии, и на СССР…

Шторм усиливался. С неба косо летел дождь пополам со снегом. Метеосводки были отчаянно безнадежны. Днем 6 марта британская подлодка «Сивулф», которая базировалась на советских базах, держала свою позицию как раз невдалеке от Тромсе. Пронзительный вой сирены внутри ее отсеков разбросал матросов, как резиновые мячики, к приборам, к маховикам, к манипуляторам.

Рыжебородый командир поднял перископ, его худое, изможденное лицо свела судорога страшного напряжения:

— Я вижу черного кота на крыше, он чешет спинку о трубу!

Это значило, что сейчас он ничего не видит. Но с «асдика» акустики исправно подавали все данные — и пеленг, и курс, и скорость противника.

Значит, кто-то ползет сейчас рядом.

— Продвинемся… на двух моторах! — решил командир лодки.

Скоро из баламути океана выступили борта кораблей, прошедших столь близко, что пробитая заклепками сталь заполнила весь объектив перископа.

Это было ужасно…

— Ныряй! — Командир вытер с лица холодный пот. — Нам, — сказал он на спасительной глубине, — предстоит сообщить сенсацию на Скапа-Флоу, иногда невредно попугать нашего Дадли!

Выждав прохождение эскадры, «Сивулф» всплыла и дала сообщение на базу, что «Тирпиц» вышел в океан. Корабли PQ-12 сразу же получили приказ из Лондона — изменить генеральный курс. «Тирпиц» между тем, поглощая тонны горючего и смазочных масел, продолжал резать

слякоть и волны. Все его гидро- и радиощупальцы находились в движении, как пальцы рук слепца. Однако он ничего не ощущал перед собой — ни одного корабля противника.

Гидролокаторы «нибелунги», отчаянно пища, прозванивали под килем океан до самого грунта; нет ли угрозы оттуда, из этих глубин, что сдавлены мраком и холодом?..

Офицеры линкора давно побросали журналы «Марине рундшау» — теперь они были сильно озабочены другим:

— Летчики Геринга дурно воспитаны, они взяли за правило обманывать флот... Где же он, этот PQ-12?

— Да, герр капитан-цур-зее, я только что спустился из локаторного гнезда.

На экранах — ни одной блохи в океане!

Нет, океан не был пустынен, хотя встреча противников и не состоялась.

Морские специалисты позже проанализировали:

«В шторм и туман противники разминулись, хотя 8 марта обе боевые группы и конвой находились одно время в углах равностороннего треугольника, стороны которого имели в длину всего 80 миль...»

Проще говоря, и «Тирпиц», и союзный конвой слепцами прошли рядом, влажно и жарко дыша в лицо друг другу жерлами своих орудий и аппаратов. Но «Тирпиц» не один: у него есть ловкие поводыри, в данном случае — эсминцы Цилиакса.

— Ищите, — приказал им Цилиакс, и они, как послушные псы, дорвались в разные стороны, чтобы найти себе жертву…

Вот их имена: «Фриц Ин», «Герман Щенман» и «Z-25».

***

Советский лесовоз «Ижора», груженный досками в Архангельске, производя ремонт в машине, отстал от обратного конвоя QP-8, который уже семь дней пробирался из СССР в Англию. Лесовоз — скромный труженик, неказистый и старательный, каких немало блуждает по морям. В его холодной кают-компании, над столом, что накрыт кухонной клеенкой, висел еще довоенный плакат: «Все на борьбу за сокращение сроков стоянки! Дадим стране самые высокие показатели труда!» (Караваны, идущие из СССР, именовались в обратном порядке — не PQ, а QP.) Вот эта «Ижора» имела несчастье напороться в океане прямо

на «Тирпица» — флагмана всего гитлеровского флота. Цилиакс обратился к командиру линкора с просьбой:

— Капитан-цур-зее, не откажите в любезности дать один залп из главного калибра по этим бревнам.

На что получил презрительный ответ Топпа:

— Вам известно, во что обходится Германии один бортовой залп моего «Тирпица»? Мы же стреляем чистым золотом…

Столь драгоценный верзила не пожелал связываться с робким лесовозом, а поручил это дело миноносцам. Мы не знаем, что именно переживали советские люди на борту «Ижоры», когда увидели, что беспощадный противник уже выходит на дистанцию залпа… Во всякое случае, верно одно: они не спустили флага, хотя надеяться на снисхождение врага им никак не приходилось:

Цилиакс вел переговоры с эсминцами через радиофон:

— Подойдите к нему ближе, начинайте прямой наводкой… Снарядов десять, я думаю, вполне хватит для такого корыта!

Выпустили десять, двадцать, тридцать…

«Ижора», которую рвали снарядами в куски, не тонула.

Вдруг истошный вопль раздался в наушниках Цилиакса:

— Русские начали радиопередачу… кодом!

Дело принимало дурной оборот. Но тут во всю свою мощь заработали на «Тирпице» глушительные установки. «Бум-бум-бум, — „ — раздавалось в эфире, уррл… ур-р-рл… ур-р-р-рл… бум-бум!“ Сильными помехами немцы забивали сигналы советского корабля.

— Рассадите им радиорубку! — командовал Цилиакс.

Флот британской метрополии уловил трепетные сигналы. Адмирал Товей, державший флаг на линкоре «Кинг Георг V», принял с вахты свежую квитанцию.

Он был удивлен:

— Их топят, но… где же координаты этой «Ижоры»?

— Радист оборвал передачу. Видимо, убит за ключом, сэр…

Прошло полчаса. «Ижора» не тонула. Орудийные площадки эсминцев вдруг замолчали, словно в недоумении.

— Продолжайте, — велел им Цилиакс.

«Фриц Ин», «Герман Шенман» и «Z-25» снова открыли огонь. Элеваторы таскали и таскали к

орудиям свежие снаряды, но вдребезги разбитая «Ижора» не сдавалась. Наконец обессиленный Цилиакс понял, что эта бесподобная живучесть корабля вызвана наличием на нем нетонущего груза.

— Все дело в том, — заметил при этом Топп, — что у русских повышенный коэффициент прочности. Их изделия неказисты на вид, но зато они подвержены разрушению на самых высоких нормах международных стандартов… Увы, этот лесовоз превосходит все нормы!

Цилиакс, уже взбешенный, распорядился на эсминцы:

— Пожалейте своя погреба… Если не взять снарядами, так черт уж с ним, разоритесь на две торпеды!

Начался красивый и точный заход «Фрица Ина» в атаку на неподвижную цель.

Дело простое — как на полигоне. Но красотой все и закончилось. Две торпеды выстелили свои следы мимо заколдованной «Ижоры». Командир «Тирпица» кривил в усмешке губы:

— Кажется, этот русский пароход, весь в дырках, обойдется Германии намного дороже одного моего бортового залпа…

Цилиакс через радиофон велел эсминцам по-

дойти к нему.

— Я хочу видеть краску стыда на ваших лицах! — сказал адмирал командирам.

Возле борта флагмана закачались, черпая воду низкими палубами, три неудачника-эсминца. А еще дальше дымила «Ижора» со своими архангельскими досками.

Цилиакс выждал, когда притихнет рев вентиляторов.

— Где ваша доблесть! — заорал он. — Неужели вы не способны разломать даже этот плавающий сарай?

С мостика «Z-25» гаркнул в рупор молодой командир:

— Мы не виноваты, что сарай не горит и не тонет.

— Вы дождетесь, что, он еще и вас потопит, — ответил Цилиакс.

«Фриц Ин», описав циркуляцию, вдруг поднял сигнал, чтобы все перед ним расступились и не мешали. На полной скорости, выбрасывая из труб пламя и копоть, он пошел прямо на «Ижору». Сближение росло стремительно: «Фриц Ин» целился курсом так, чтобы пройти впритирку с бортом русского лесовоза.

Рискованный маневр, но он удался против-

нику…

Когда борта кораблей поравнялись, с эсминца сбросили за корму серию глубинных бомб, поставленных на кратчайшую дистанцию взрыва. Эти бомбы, едва коснувшись воды, сработали. Мощные взрывы, убивающие подлодки насмерть, ударили «Ижору» под самое ее днище, почти выталкивая корабль из моря, и только тогда лесовоз затонул. Помните, люди, эту «Ижору»!

В бесполезных поисках каравана PQ-12 эсминцы сопровождения сожгли все топливо, и с «Тирпица» последовал приказ отойти для заправки нефтецистерн на Тромсе, Линкор, уже покрытый панцирем льда, двигался теперь в одиночку — как рейдер (согласно излюбленной теории гросс-адмирала Редера). Немецкие офицеры молчали, боясь ушей гестапо даже на мостике линкора. Но каждый из них понимал, что сейчас «Тирпиц» ступил на ту дорожку, на которой погиб «Бисмарк»…

Страх витал над колоссальными мачтами!

Страх следует расшифровать до конца: гитлеровцы боялись встречи с линкорами англичан ничуть не меньше, чем англичане боялись немецких линкоров, А потому, лишь только радиоперехват обнаружил в море не транспорта,

а британскую эскадру, «Тирпиц» сразу же отвернул обратно, чтобы не связываться с «большими дядьками» из Home Fleeta. Белое облако воды, взбитой от скорости в пену, теперь дробилось под форштевнем в мельчайшую сетку водяной пыли. Спешили…

Но 12 британских «альбакоров», поднятых с палубы авианосца «Викториуз», возле Лофотенских островов все же настигли противника. Каждый самолет нес под крыльями по две торпеды. Рядовые труженики войны в этом случае оказались намного смелее своего высшего командования. Ведущий покачал крыльями, чтобы ведомые обратили внимание на его действия, и швырнул свою машину в атаку прямо на «Тирпица» прямо в… ошибочную (!) атаку: заходя на линкор с кормы, против ветра. Ведомые исполнительно и точно повторили ошибку своего ведущего.

Огонь немецкого флагмана был страшен, 84 зенитки линкора, казалось, в мгновение ока выстроили в небе непрошибаемую стенку огня и стали.

Британские торпедоносцы рушились в море, рубя волны плоскостями, море рвало их фюзеляжи, вскрывая кабины, из которых людей, как ошметки, выбрасывало прочь при взрывах. Надо

отдать должное мужеству британских экипажей: ни один из них не отвернул — каждый сбросил свой груз у цели.

Но… все 24 торпеды прошли мимо «Тирпица»! Английские историки признают, что экипажи «альбакоров» имели очень много мужества, но очень мало боевой подготовки…

В самый разгар атаки на ходовом мостике линкора возник неприличный инцидент. Вице-адмирал Цилиакс велел «на руль к повороту», чтобы укрыть «Тирпиц» в гавани. Но капитан-цур-зее Топп вырвал штурвал из рук рулевого, ставя его обратно.

— Я имею приказ фюрера; не рисковать!

— А я исполняю приказ гросс-адмирала Редера: рискнуть!

Да, Берлин очень дорожил своим «Тирпицем» — Гитлер берег его, как пушинку.

Не дай-то бог, если кто ее сдует…

Операция закончилась ничем: «Тирпиц» укрылся в фиордах Норвегии, а Джон Товей привел свою эскадру в Скапа-Флоу. Используя паузу в боевых действиях, немцы быстро и решительно перебазировали в Тронхейм и тяжелый крейсер «Адмирал Хиппер». Германская эскадра на Севере снова усилилась… В это время лондонские

газеты справедливо писали: «Битва за Арктику началась. В ближайшие недели она может стать даже более важной, нежели битва за Атлантику». Это правда: на коммуникациях к Мурманску сам собой завязался исключительно сложный стратегический узел!

Против флота Германии стоял героический Северный флот.

Флот совсем небольшой. По сравнению с британским он был просто незначительным…

Там, на аспидных скалах (которые зимой в снегу, а по веснам их забрызгивает полярная сирень и черемуха), там жили и воевали удивительные люди. Они уходили от этих родных скал в море Баренцево.

Прямо в Ледовитый океан! Прямо в необъятный… Очень много этих людей ушло и больше не вернулось.

Мы уже не встретим их на нашей зеленой земле. В синем море мы их тоже не повстречаем.

Но для нас они живы в каждой капле океанской воды.

Мы слышим их голоса в порывах океанского ветра.

СОВМЕСТНАЯ РАБОТА

Советские эсминцы типа «семерка» — прекрасные корабли с отличными боевыми качествами. Они были вооружены по принципу «кашу маслом не испортишь», иностранные справочники иногда относили их к классу легких крейсеров.

Артиллерийская автоматика наводки «Б-13» вызывала законное восхищение у наших союзников. Огневая мощь «семерок» была намного выше, чем на союзных эсминцах, но эти корабли, построенные для внутренних морей СССР, плохо выдерживали океанскую волну, которая часто ломала шпангоуты, мяла борта, от груза обледенения проседали их палубы. Впрочем, к чести наших моряков, они в любую заваруху выводили свои эсминцы без боязни. Война изменила нормы требований живучести, а так называемый «запас прочности» вполне удовлетворял наших миноносников. Для большей остойчивости днища «семерок» были обложены слоем обыкновенных печных кирпичей, и эти кирпичи выводили наши эсминцы из гибельных критических кренов…

Шторм и сегодня заливал палубы. От ветра и скорости антенны выгибало в дугу. Их было три -«Гремящий», «Сокрушительный» и британский «Ориби», три союзных эсминца 28 марта вышли для встречи каравана PQ-13.

«На наших кораблях вахта наружных постов была одета в ватники и полушубки; комендоры возле пушек стояли в валенках, поверх которых краснели большие галоши, В рацион команд для обогрева входила и водка — в „наркомовских“ дозах. Британские экипажи одевались хуже: матрос натягивал на себя 5-6 комплектов теплого белья, столько же пар носков, а сверху реглан, который на морозе ломался по сгибам, как ржавая жесть. Чтобы подкрепить силы команды, на камбузе „Ориби“ выпекали особо калорийные пудинги — из муки, мяса и почек. Обычный грог англичане считали негодным для таких собачьих условий, и матросам выдавался крепчайший ром…

Шли хорошо. За приседающими на разворотах кормами эсминцев бились высокие буруны, словно глыбы сверкающего расплавленного фосфора.

Конвой возглавлял британский крейсер «Тринидад», который сообщил на корабли подкрепления, что им перехвачено немецкое радио: где-то поблизости рыскают германские эсминцы «Z-24»,

«Z-25» и «Z-26», но увидеть их невозможно в этой свистопляске, когда один снежный шквал следует за другим.

Впрочем, на «семерках» уже знали о присутствии в океане германских миноносцев, об этом их оповестила еще на выходе из Ваенги воздушная разведка флота. Караван — до встречи его с североморцами — уже имел потери: из 19 транспортов 4 были потоплены с воздуха, один взорван подлодкой; погиб и конвойный тральщик «Сулла». Теперь, на подходах к Кильдину, следовало ожидать нападения врага. Здесь, вблизи Кольского залива, когда до Мурманска уже считанные мили, немцы всегда прилагают бешеные усилия для своих последних атак…

Советские эсминцы заняли место в конвойном ордере. «Сокрушительный» (под брейд-вымпелом комдива-1 П. И. Колчина) вышел на левый траверз конвоя, «Гремящий» вступил в охранение на правом, «Ориби» переместился в замыкающие конвой. В отдалении море трепало союзные эсминцы «Фьюри» и «Эклипс».

Антон Иосифович Гурин, командир «Гремящего», в потемках мостика вырвал из зажима микрофон трансляции:

— Внимание, внимание… Мы вступили в охра-

нение. Будьте бдительны на вахте. Лишних передвижений по палубе не производить. Поздравляю всех с началом операции…

Ночь как ночь. Вахта как вахта. Ничего особенного.

Ночные визиры на крыльях мостиков чутко проглядывали ненастье и мрак.

Время от времени с «Гремящего» видели, как стремительная тень «Тринидада» неслась, прижатая к воде, пропадая опять в небывалой ярости воды и снега:

Гурин велел осмотреться по отсекам, и доклад был малоутешителен: вода, которая появляется непонятно откуда, уже гуляет по кубрикам…

— Нам не привыкать, — сказал на это Гурин.

С высоты мостика виден остроконечный полубак эсминца, и два орудия то глядятся в пропасть между волн, то их взметывает кверху — и тогда они целятся в низкие тучи. Потоки воды летят через людей даже на ходовом мостике. Люди освоились. Пригляделись к мраку. Внизу, на полубаке, поверх мерцающего льда, копошатся фигуры людей. С ломиком в руках вышел боцман: еще раз проверить крышки клюзов, заглушки вентиляции. За боцманом тащится длинный трос, привязанный к полубаку.

— Осторожный у нас мичман, — смеются на мостике. — Словно акробат в цирке… лонжей страхуется!

Впрочем, и все сколько бы ни смеялись, а без троса на полубак не сунутся.

Спасенных тут нет! Еще не было человека, которого бы удалось спасти, если его смоет море. Здесь тебе не Сочи, тут тебе не Ницца… Опомниться не успеешь, даже не вскрикнешь, как тебя уже не стало. И мимо пройдет корабль, внешне почти равнодушный к твоей пропащей судьбе…

С мостика Гурин следит, как боцман укрывается под срезом полубака.

— Сигнальщики! Внимательней смотреть!

— Есть — смотрим…

***

После неудачного выхода «Тирпица» состоялась конференция командований германским флотом, в работе которой принял участие и Гитлер… На фразу гросс-адмирала Редера: «У англичан нет повода для восторгов» — фюрер выкрикнул:

— У меня тоже нет повода к восторгам! Довольно-таки стыдно ограничить победу линкора одним русским лесовозом, стоимость которого гораздо ниже стоимости истраченного эскадрой

топлива!

Гитлер на листке из блокнота начертал магическую цифру истраченных тонн нефти — 8100 и передвинул листок Герингу, которого просто колотило от бешенства, когда речь заходила о флоте… Геринг и сейчас задохнулся от гнева.

— Обжоры! — сказал он морякам. — Еще один такой выход «Тирпица» в море — и моя авиация останется без горючего.

Гитлер далее говорил о форсировании строительства сверхмощного авианосца «Граф Цеппелин». Район действия авиации, базирующейся на береговых аэродромах, фюрера уже не удовлетворял. Гитлер мечтал иметь палубную авиацию, чтобы расширить сферу ее пиратских полетов от Нордкапа до Шпицбергена… Редер сомневался; Германия способна построить авианосец любых размеров, но Германия никогда не сможет обеспечить его опытным экипажем, ибо это дело для немцев новое, незнакомое… «Разделение стихий» между боссами фашизма не располагало их к единодушию, и вражда Геринга к заправилам германского флота была хорошо известна.

— Все то, что летает, это мое! — внушительно заметил Геринг, Грозя Редеру своим толстым пальцем… (Этот гигантский авианосец Гитлера

не был достроен из-за нехватки стали).

Конференция приняла решение об активизации борьбы с северными конвоями.

Было оговорено, что караваны следует подвергать «обработке» из-под воды и с воздуха, начиная от берегов Исландии до самого Кильдинского плеса вблизи Мурманска. Пока все надежды Гитлера строились на блицкриге, он пропускал караваны в Россию почти беспрепятственно…

— До сих пор вы только торчали там в русских воротах Арктики, — обругал конференцию Гитлер, — а надо было ломиться в эти ворота, пока они не слетят с гнилых русских петель!

Теперь для союзных моряков наступали трудные времена.

Тридцатого марта до 11.00 караван PQ-13 шел в неведении обстановки, слепо доверяя свою судьбу кораблям союзного эскорта. Но в 11.27 три немецких миноносца, вырвавшись из сутолоки волн, пришли на дистанцию залпа. Одна из торпед взорвала борт «Тринидада» между трубой и мостиком. Подбитый крейсер открыл огонь. Эсминец «Z-26» был поражен им сразу, и быстро ушел под воду.

Противник на выходе из атаки не стал подбирать тонущих, англичанам тоже было сейчас не

до них…

Гурин принял радиограмму от комдива-1.

— Пчелин, — приказал рулевому, — разворачивай на…

И тут сигнальный старшина Фокеев доложил:

— Пять всплесков! «Сокрушительный» под обстрелом…

Над морем вдруг пронесло — в ряд! — горящие факелы. Это из труб миноносцев отлетали назад багровые сгустки пламени. «Z-24» и «Z-25» шли на полном ходу после атаки на «Тринидада», чтобы теперь поразить караван веерами торпедных залпов. «Сокрушительный» резко отвернул влево, давая залп всем бортом сразу из четырех стволов. Жахнул по врагу и главный калибр «Гремящего». Со второго же залпа они накрыли противника.

— Попадание… в машину! — разом заголосили сигнальщики.

— Ясно вижу, — ответил Гурин, даже не тронув бинокль.

Эсминец врага запарил машиной, ускользая в заряде липкого снега. Третий корабль противника полыхнул яркой вспышкой огня и тоже побежал прочь, сбивая с надстроек зеленое пламя. «Семерки» не дали немцам прорваться к судам каравана.

— Ох и врезали! — радовались матросы. — Прямо в примус… аж кастрюлькой накрылись и побежали!

Бой был краток, как удар меча. За эти считанные мгновения, что насыщены ветром и скоростью, противник успел дать по советским эсминцам пять залпов.

«Гремящий» и «Сокрушительный» ответили семью залпами. Видимость сократилась до трех кабельтовых — все вокруг серое, вязкое, сырое, промозглое. Вот из этой слякоти вырвался на пересечку нашего курса британский эсминец «Фьюри».

Его ухающие, как филины, автоматические «пом-помы» развернулись на «Сокрушительный». К обоюдному счастью, на «Фьюри» быстро обнаружили свою ошибку, а огонь союзников оказался неточным (убитых и раненых у нас не было). Горячка англичан даже понятна: «Тринидад» торпедирован, а на «Эклипсе» противник снес за борт две пушки, покорежил снарядами рубки.

Теперь надо было выручать союзников, и Гурин поспешил на помощь британскому крейсеру. Это была печальная картина. Раненный торпедой «Тринидад» медленно двигался в неразберихе

шторма с креном на левый борт. А рядом с ним, словно желая поддержать старшего собрата, рыскали верткие корветы. Из пробоины под мостиком «Тринидада» валил дым. Потом оттуда выметнуло язык оранжевого пламени.

— Котельный отсек залит, — прочел сигнальщик сообщение с «Тринидада», имею на борту много раненых…

С борта «Сокрушительного» комдив-1 П. Колчин «писал» на «Гремящий», что получена шифровка из штаба: противник выставил на Кильдинском плесе пять подводных лодок. До Мурманска оставалось еще 150 миль. В 11.30 англичане ушли, ведя пораженный крейсер, и теперь весь караван встал под защиту только двух наших эсминцев. О том, чтобы спать или есть, уже не могло быть и речи. Все насущное происходило на мостике. Судьба каравана — это наша судьба: каждый такой транспорт — это десять железнодорожных эшелонов с оружием.

— А шторм усиливается, — обеспокоенно заметил Гурин своему помощнику Васильеву. — Александр Михайлович, будьте любезны, обойдите еще раз нижние палубы…

Крепчал и мороз, началось опасное обледенение. Многотонный груз льда, твердо закоченев-

ший на полубаках, мог задержать эсминцы в губительном крене, и тогда корабли способны перевернуться.

— Людей на обколку льда! — последовал приказ.

На подходе каравана к Кольскому заливу волны окончательно взбесились.

Кстати, эта же волны и помогли сейчас «Гремящему». В глубокой распадине между высоких волн море вдруг обнажило рубку гитлеровской подлодки, словно показывая: «Вот она, смотрите скорей, сейчас опять я захлестну ее волной!»

— Бомбы — товсь! — и Гурия приказал «полный» в машины.

Васильев потянул рукоять — над океаном завыла сирена.

«Гремящий» пошел на таран…

Шторм не вовремя подбросил эсминец на гребень: «Гремящий» пронесло над подлодкой. Таран не удался! Но котельные машинисты и все те, кто нес, вахту в низах, слышали, как днище корабля все же скрежетнуло килем по субмарине… Левая машина — вперед, правая машина — назад: разворот! — теперь глубинная атака…

Гурин мельком глянул на корму: по низкому юту свободно ходили волны, обмывая стеллажи

бомб, заранее обколотых ото льда. Минеры уже сбрасывали цепи креплений. За этих людей было страшно сейчас: их могло смыть при атаке в любую секунду.

— Первая серия — пошла!

На крутом развороте полубак принял на себя лавину воды. И волна, взметнувшись, хлобыстнула по мостику, выбила в рубке ветровые стекла. Люди были сброшены с ног. Гурин заметил, что усатый рулевой Игорь Пчелин манипуляторов все же не выпустил.

— Молодец! — сказал командир, снова глянув на корму…

Нет, кажется, из минной команды никого не смыло, и теперь там, в бешенстве шторма, колотили глубину взрывы. На двадцать первой бомбе Гурин приказал «дробь атаке» — и стало тихо. Сигнальщики и комендоры выливали воду из карманов полушубков.

— Один взрыв, двадцать второй, был лишний, — доложил командиру его помощник Васильев.

— Лишний — не наш! — ответил Гурин. — Видать, на лодке разнесло к черту батареи, а это значит… Смотри!

На поверхности океана, глухо урча, лопались гигантские пузыри. Океан отвоевывал лодку для

себя, вышибая напором воды остатки воздуха из ее душных отсеков. Сейчас там — на глубине — растворились во мраке жизни тех, кто пришел сюда, чтобы нести смерть другим. Вместе с воздухом море выбросило и какую-то сумку из парусины. Подцепить ее с борта «Гремящего» не удалось — она тут же опять затонула…

Телеграф на мостике отработал движение вперед. Пошли дальше. Напор волн при атаке был столь велик, что сорвало крышки клюзов, в кают-компании согнуло пиллерсы. Это обычная история — на «Гремящем» даже не удивлялись.

Последний транспорт каравана уже втянулся в теснину Кольского залива. Два советских эсминца довели PQ-13 без потерь. Кажется, мы и дома, и не так страшен черт, как его малюют…

Корабли каравана разгружались в Мурманске. Раненые английские матросы поступили на излечение в госпиталь Северного флота. «Тринидад» дотащили до судоверфи, и мурманские корабелы теперь зашивали его пробоину. Это были настоящие добрые отношения, и тогда нам казалось, что такие отношения будут продолжаться всегда, как и положено среди друзей-союзников…

ВОЛКИ БЕГУТ НА СЕВЕР

Вожак всех «волчьих стай» с завидной роскошью проживал то в Париже, то в Лориане. Забота Деница о своих «волках» простиралась до того, что он лично встречал свои лодки, идущие с океана на базы. Он украшал подводников лаврами и крестами. В голодающей Европе подводники как сыр в масле катались. Дениц устраивал для них лукулловы пиры. Особо отличившиеся экипажи проводили свои отпуска в Ницце и в Монте-Карло. Дениц фамильярничал с подводниками, позволяя матросам называть себя «папой», командиров лодок Дениц знал по именам. Подводные лодки встречали огромные толпы людей на пирсах с оркестрами, венками, микрофонами… Торжественная встреча записывалась на пленку и передавалась широковещательными радиостанциями в такой же шумной и выразительной форме, которую используют в наше время телевизионные комментаторы».

Порядок на базах Лориана был такой: если вернулись живы, адмирал давал 27 дней, из которых 9 — для работы, 9-для разгула, 9-для поездки

домой. Лориан был не только базой подводников Гитлера — здесь фешенебельные бордели пропускали всех прибывающих с моря, чтобы в диком распутстве они стряхнули с себя все ужасы и кошмары похода. Англичане не раз бомбили Лориан, надеясь накрыть «волков» поближе к ночи, когда они разбредаются по притонам. Но предусмотрительный «папа» Дениц заранее вынес публичные дома из Лориана за черту города, а железобетонные навесы, под которыми стояли подводные лодки, как лошади в стойлах, фугаски не могли пробить…

Однако команде Ральфа Зеггерса пришлось распрощаться с веселым Лорианом — по вине самого Деница. Как всегда, отметив возвращение лодки пиршеством, адмирал сказал потом:

— Ральф, время родовых схваток на верфях кончилось, Германия скоро завалит океан своими лодками. А тебе предстоит прогуляться к берегам России. Сейчас я произвожу перестановку боевых сил, чтобы вмешаться в борьбу с конвоями в Арктике…

Зеггерсу очень не хотелось плавать у берегов СССР.

— У меня, — возразил он, — ослабел корпус. Появилась фильтрация, и при погружениях внутри

лодки течет, как в душе.

— В каком отсеке? — спросил Дениц с улыбкой.

— Даже в центральном, — приврал Зеггерс.

— Ерунда, — утешил его Дениц. — На Тромсе у нас отличная база по ремонту — заклепки тебе подтянут на пневматике, и я верю: ты вернешься оттуда с рыцарским крестом.

Было ясно — не увильнуть, и тогда Зеггерс спросил:

— Мне подсадят гувернантку? Или пойду самостоятельно?

— Без гувернанток! — отрезал Дениц. — Стажироваться на район плавания уже некогда. Знакомиться с условиями будешь сразу на месте. И… не огорчайся: ты уходишь сегодня же!

По ступеням веранды они спустились в сад. Где-то вдалеке сонно ворчала Атлантика. Со стороны Лориана доносился гул: это множество компрессоров заряжали лодки воздухом высокого давления. Пышная акация белела в ночи…

«Что сказать?»

— Мой адмирал, я согласен прыгнуть хоть в пропасть!

Дениц дружески отпихнул его от себя:

— Молодчага, Ральф! Вопросы у тебя есть?

— Есть. Скажите, там ли находится лодка Фрица

Пройсса, с которым мы большие друзья?

— Пройсса уже нет, — поморщился Дениц.

— Он погиб за великую Германию?

— Пройсс — большая свинья. Ты никому не говори, Ральф, что дружил с этой скотиной… Пройсс сделал лишь один выход к берегам Новой Земли, а потом что-то стряслось у них на лодке с гирокомпасом. «Аншютц» все время замыкало на корпус, гидросфера крутилась в глицерине, как яйцо в кипятке. Долго не могли понять, пока не дознались, что виноват твой приятель.

— Не может быть! — удивился Зеггерс. — Я знаю Пройсса…

— Ничего ты не знаешь, — отмахнулся Дениц. — На допросах в гестапо он сознался, что портил гирокомпас умышленно, чтобы не выходить в море…

— Ну! — и Дениц протянул руку. — Заклепки вам подожмут. Рыцарский крест за мной! Можешь заранее поднять над перископами грязную вонючую метлу — в знак того, что твоя лодка выметет русских из Баренцева моря…

На рассвете полярный океан покатил им волны навстречу. Комбинезоны, вязанные из белой шерсти, уже не спасали от холода. Давно ли, кажется, изнывали от жары, несли вахту в тру-

сиках, словно дачники. А сколько было свежих яиц и апельсинов! Теперь же лодку покрывало инеем изнутри, голые скалы на берегу наводили уныние. Постели мокрые от конденсационной влаги, а одеяла на койках — хоть выжми… Ужасно, ужасно! В плохом настроении Зеггерс дал в Киль шифровку, что они дошли до Нарвика.

Здесь команде выдали особое полярное обмундирование и талоны розового цвета на посещение скромного дома терпимости. Дефицитные проститутки вблизи Арктики тоже выдавались по карточкам — вроде мармелада или маргарина. А перед выходом на позицию к пирсу подъехал грузовик снабжения:

— Эй, на лодке! Принимайте «пакеты спасения».

«Пакеты спасения» выбрасывались, как торпеды, через аппараты. Это были мешки, заряженные воздухом, мазутом, щепками, обрывками берлинских газет и обыкновенным человеческим калом (самым свежайшим, отлично законсервированным). В случае, если русские начнут слишком нажимать, Зеггерс должен выстрелить таким пакетом, который, выплыв на поверхность, имитирует гибель подлодки. После чего — так подразумевалось — русские отстанут…

В тихую ночь, когда за поворотом каждого мыса мерещится всякая чертовщина, Ральф Зеггерс повел свою пиратскую субмарину в рискованный рейс. Опять потекло с переборок, электрогрелки мало помогали. Чулок фиорда кончился, и вот уже первая волна шибанула подлодку в скулу, будто кулаком.

Вторая легко, словно играючи, влезла на палубу и диким зверем быстро добежала до самого мостика… Полный рот воды! — Глаза разъедает от соли и ветра! Неужели так будет теперь всегда? Да, всегда…

— Здесь нам придется жить, — сказал Зеггерс штурману, — на кофе, на коньяке, на сигаретах из испанской махорки… Черт бы побрал этого «папу»!

Сам-то он сидит по макушку в акациях! Ах, Лориан, Лориан… Шесть часов в электричке — и ты уже в Париже… Нам, кажется, не повезло!

До Нордкапа лодка шла в позиционном положении, выставив над морем только свою отточенную черную рубку. Приближался рубеж, за которым можно встретить русские корабли, и Ральф Зеггерс велел задраить на кремальеру тубус главного люка.

— Принять балласт, — апатично распорядился

он. — Дизеля долой. Левым мотором средний. Лишнего шума не производить. Движение по отсекам ограничено. Мусор бросать в ящики. Боцман! Продуйте гальюны и следите, чтобы бегали пореже… Строгое радиомолчание! Я уже убедился, что есть научный способ продления жизни — для этого надо как можно реже выходить для связи в эфир!

…Их ждала встреча с обратным караваном QP-11.

РУССКОЕ ЗОЛОТО

Хроника ТАСС (апрель 1942 года)

4 — В Москве состоялся Второй всеславянский митинг.

8 — По сообщению германской печати, государственный долг Германии за время войны увеличился до 140 миллиардов марок.

14. — В советской печати опубликовано обращение к германской армии, подписанное 805 пленными немецкими солдатами.

17 — Англичане разрушили нефтепромыслы в Бирме.

22 — В Лондоне открыт памятник В. И. Ленину.

26 — Речь обер-палача Гитлера в рейхстаге, в которой он потребовал усиления репрессий.

27 — Нота народного комиссара иностранных дел СССР о чудовищных злодеяниях, зверствах и насилиях немецко-фашистских захватчиков в оккупированных советских районах…

Обратный караван QP-11 готовился в путь на родину.

Накануне войска НКВД патрулировали дорогу,

ведущую в бухту Баенга, где стоял английский крейсер «Эдинбург». С наших эсминцев наружная вахта видела, как по дороге, спускаясь с сопок, прошли грузовые машины, задернутые чехлами. Всю ночь на «Эдинбурге» шла какая-то возня, там мелькали огни фонарей, слышались свистки команд и хохот… Разгруженные машины отошли обратно в сопки, и разом исчезли с дороги патрули НКВД.

А завтра как раз праздник — 1 Мая… Колокола громкого боя и призывные выкрики горнов возвестили для нас походную жизнь. Еще с ночи громадный караван транспортов-обратников потянулся из Кольского залива. Самая сильная единица охранения, крейсер «Эдинбург», обгоняя медлительных «купцов», развил скорость и вырвался на Кильдинский плес в яростный блеск моря.

Опять для «семерок» началась конвойная служба: качайся, наблюдай, стой у машин, будь готов. «Гремящий» и «Сокрушительный» мотало на зигзагах — правила обязывали срезать курсы зигзагами, чтобы подлодки противника не могли рассчитать верного угла для атаки. По радиотрансляции было объявлено:

— Леера в районе торпедных аппаратов сруб-

лены.

Ветер усиливается, товарищи! По верхней палубе передвигаться осторожней…

В общем-то, если говорить честно, конвойная служба всегда скучновата. Ты весь в адском напряжении, и ослабить это напряжение никак нельзя, ибо сейчас — спокойно, а ты не знаешь, что будет через минуту. С тебя течет вода. Ты не ведаешь сна и покоя, а… все же скучновато. Не эта ли самая скука заставила крейсер «Эдинбург» покинуть походный ордер, не связывая себя хлопотами охраны, и уйти бороздить океан в одиночестве?..

На мостике «Гремящего» — приглушенные разговоры:

— Его вчера чем-то там загрузили… по секрету!

— Какую-нибудь хреновину для Черчилля.

— Ну да! Много ты понимаешь. Он коньяк пьет только наш. Армянский. Вот и посылают несколько ящиков…

— Сигнальщики, не отвлекаться! — приказ с вахты.

Усатый Игорь Пчелин, со взглядом, обращенным на репитер гирокомпаса (а руки на манипуляторах), хмуро брякнул:

— Молодые все, салажня такая… поболтать

охота!

Да, скучновата конвойная служба. Но Гурин отлично знает, что уходить с мостика все равно нельзя. В штурманской рубке диван дает командиру отдых на полчаса, а потом — снова на крыло мостика, к машинному телеграфу.

***

— Курсовой сорок пять... Дистанция... Шум винтов!

Акустик сдвинул наушники на виски и заметно помрачнел.

Зеггерс передал по трубам в отсеки;

— Соблюдать полную тишину, передвижение прекратить...

Все ждали теперь нежного, как звучанье гитарной струны, позвякиванья по корпусу лодки, когда по металлу барабанит модуляция британских «асдиков».

Но теперь, кажется, англичане не играли на своих страшных и чутких струнах...

— Не будем прятаться, — сказал Зеггерс, хлопнув горизонтальщика по плечу.

— Отработай рулями на подвсплытие.

С глухим воем перископ пошел наверх, и своим жутким всевидящим глазом он проткнул поверх-

ность моря.

— Шум винтов растет… идут быстро, — докладывал акустик с «нибелунга». — Даю пеленг: сто сорок пять… сто сорок… сто тридцать пять. Давать дальше?

— Не надо, — ответил Зеггерс, склоняясь у перископа.

Сначала — муть, плеск, глаз перископа выхватывал то гребень волны, то кусок неба. Цели было не видать.

— Подвсплыви еще: перископ захлестывает водой…

Теперь он разглядел пролетающий в одиночку британский крейсер, который быстро входил в пересечение нитей прицела.

— «Эдинбург»! — ахнул Зеггерс и тут же опустил перископ.

— Если он дает узлов двадцать да еще лежит на курсовом зигзаге, то мы промахнемся, — сомневался штурман.

— Да нет! — почти злобно выкрикнул Зеггерс. — Он шпарит, как король на прогулочной яхте: напрямик…

Скорость крейсера обязывала Зеггерса очень быстро приготовить расчеты для атаки. Время от времени поднимая перископ, он снова кидался

локтями на планшет, штурман, морща лоб, помогал ему в тригонометрических вычислениях.

— Это такой прекрасный торт, — сказал Зеггерс, — что нам не стоит жалеть сладкой подливки… Будем давать залп из всех труб! Внимание — в носовом, слушайте меня: все четыре трубы — все четыре к залпу…

В носу подлодки откинулись четыре крышки, и море, если бы оно могло видеть, сейчас увидало бы четыре тупые, как свинячьи головы, торчащие наружу рыла торпед. На залпе из четырех труб субмарину дернуло кверху носом так, что электролит из батарей плеснуло через края баков.

— Включаю, — сказал штурман и, расслабленный, сел.

Секундомер — механизм, он страха никогда не ведал.

Секунда… секунда… секунда… секунда…

— Мимо! — отчаялся Зеггерс, потянувшись к бутылке с коньяком. — Все четыре мимо, и, конечно, я не виноват: на такой скорости даже наш «папа» сплоховал бы, наверное…

Он прижался губами к горлышку бутыли, и тут рвануло двумя взрывами сразу.

Зеггерс, кося глазами на стрелки приборов, делал глоток за глотком, потом протянул бутылку

штурману:

— Наши свиньи проскочили мимо, но кто-то попал в это английское корыто.

Ясно, что поблизости была наша лодка, и ее торпедам повезло больше, чем нашим… Выпей и ты, все равно победа! Нами, — передал Зеггерс по отсекам, — торпедирован сейчас «Эдинбург», который во всем мире считается одним из лучших крейсеров… Хайль Гитлер, ребята!

И сдавленные в напряжении отсеки ответили ему мертвыми голосами, как из-под земли:

— Хайль… Хайль… Хайль…

Всего шесть отсеков- и шесть возгласов через шесть труб, концы которых выведены в центральный пост лодки, собранные тут в пучок у самого носа командира…

Придерживая замасленную» фуражку, на мостик поднялся командир БЧ-5 (старший механик) «Гремящего» М. С. Ротенфельд. Человеку из душных и горячих низов эсминца, где ярко пылают лампы, на мостике всегда особенно холодно.

— Антон Иосифович, топливо на исходе. Перехожу на питание из носовых цистерн, а там нефть, сами знаете, — не ахти.

— Дотянуть до Ваенги хватит?

— Подсосем с днища, — ответил механик, зябко

ежась, а руки ему сводило от ледяного обжига траповых поручней.

— Тогда все отлично. Скоро сдадим свое место в ордере англичанам. Они — дальше, а мы — домой…

Но тут из радиорубки поступил приказ командующего Северным флотом: Если можете, окажите помощь «Эдинбургу»… Оставив корабли каравана, «Гремящий» рванулся на спасение союзника. Оказывается, на «Эдинбурге» (ужасная беспечность!) наружная вахта не заметила ни перископа, ни даже следа торпед. И теперь изувеченный «Эдинбург» сильно било на волне, разворачивая бортом в океан, — одна из торпед угодила под корму.

С мостика «Гремящего» хорошо было видно, как широкий лист стальной палубы крейсера завернуло, будто бумагу, накрыв этим листом орудия башни. Отсеки крейсера заполняло водой…

Гурин позвонил Ротенфельду в пост энергетики:

— Вынужден огорчить: подсасывайте с днища, откуда угодно, но хотя бы малый ход эсминец должен давать… Поняли?

Отчаянно дымя, из гавани Мурманска сорвались три британских тральщика пошли на

спасение крейсера. А на мостиках советских эсминцев стучали ширмы прожекторов. Сигнальщики писали союзникам: «Дотащим… дотянем… доверьте спасение крейсера нам!»

Но англичане молчали. Они упорно молчали.

***

Командующий Северным флотом вице-адмирал Арсений Григорьевич Головко, опытный флотоводец, человек высокой культуры, большой знаток русской поэзии, переживал сейчас трудные дни в своей жизни. Арсению Григорьевичу приходилось не только «вести войну» на гигантских просторах океана, но еще и быть дипломатом в постоянных сношеньях с союзниками…

После прорыва германской эскадры через Ла-Манш обстановка на полярном театре заметно усложнилась, и в ближайшее время можно было ожидать самого худшего. Еще тогда, в феврале, Головко не раз спрашивал у британской миссии — как могло случиться, что линкоры противника вырвались из Бреста, но в ответ офицеры Home Fleeta, приходящие в Полярное на своих кораблях, стыдливо отводили глаза: им тоже была непонятна оплошность Уайтхолла…

Ночь была бессонной. Вот уже и четыре часа утра. Рассвет.

— Там, — сказал Головко, заслоняя ладонью глаза от яркого света настольной лампы, — там наши эсминцы, наверное, уже добирают в котлы остатки топлива.

Передайте через оперативников, чтобы они возвращались. Пусть придут на заправку к танкеру «Юкагир», и затем мы снова пошлем их в море…

Метеосводки-ой-ой-ой! В море корабли бьет на волне. Видимость — хуже не придумаешь. Но тянуть «Эдинбург» до базы необходимо, ибо груз — ответственейший груз — покоится сейчас в отсеках этого крейсера.

Начальник британской военно-морской миссии, контр-адмирал Беван, тоже провел эту ночь на ногах. Война вытащила его с фермы, где он разводил кур, война сделала его морским атташе при Северном флоте. Старый моряк и честный человек, Беван тяжело переживал общие союзные неудачи.

Между двумя адмиралами, советским и британским, установились нормальные деловые отношения. Сейчас, когда в море погибал «Эдинбург», им говорить не хотелось…

Головко очень деликатно лишь напомнил

Бевану:

— Крейсер, если не считать развороченной кормы, остался боеспособен. Он еще может постоять за себя!

Но доклад с моря был неутешителен: 740 матросов покинули «Эдинбург», перейдя на палубы кораблей охранения. Беда пришла очень скоро: три гитлеровских эсминца под командой опытного вояки Шульце-Хинрикса, появясь внезапно, дерзко вышли в атаку. Англичане пытались спастись за дымовой завесой, но сильный ветер тут же разорвал ее в клочки. Шульце-Хинрикс в упор расстрелял крейсер торпедами. Один из немецких эсминцев («Ганс Шенман») поплатился при этом гибелью. Немцы особыми сетками успели подхватить из воды его экипаж и скоро скрылись в тумане…

— Теперь конец, — сказал Беван, страдая.

Последняя страница трагедии была перевернута самими же англичанами: их эсминцы дали торпедный залп, чтобы «Эдинбург» потерял остатки плавучести, и крейсер быстро затонул.

— В утешение, — добавил Беван, — могу сообщить, что никто из команды «Эдинбурга» не взял личных вещей… Пятьдесят человек из команды крейсера пропали безвестно в этой суматохе.

Очевидно, вам не следует объяснять, что в нашем моряцком деле «пропасть» значит «погибнуть»…

Арсений Григорьевич устало вздохнул:

— Я вас понимаю и сочувствую… Надеюсь, вы не будете возражать, если я верну с моря наши эсминцы?

— Я не возражаю, — выпрямился Беван. — Ваши моряки сделали для нас много, и Англия останется благодарна им!

Дело прошлое, и честного Бевана жаль; скоро его заменят опытным моряком Фишером, недавним командиром линкора «Бархэм», но контр-адмиралу Фишеру тоже придется краснеть немало… Больше, чем Бевану.

***

Что же грузили ночью под охраной НКВД на борт погибшего «Эдинбурга»? Уже тогда, весной 1942 года, Советское правительство стало расплачиваться с союзниками за поставки по ленд-лизу. В трюмах крейсера, уходившего с караваном QP-11, лежало десять тонн золота в слитках. Всего на сумму в 100000000 рублей. Теперь все это состояние покоилось вечным сном на грунте.

Недаром так настойчиво стучали тогда ширмы прожекторов на мостиках наших великолепных

«семерок»

ТЕЛЕГРАММА СТАЛИНА

Под мощным прикрытием флота адмирала Дж. Товея караван PQ-15, замаскированный полярным туманом, немало пострадал на пути в Россию от ошибок самого эскорта. Сначала английский, линкор «Книг Георг V» лихо разрезал свой же эсминец «Пенджаб», а потом британские корабли взялись за уничтожение подводной лодки «Ястреб», плывшей под флагом непокоренной героической Польши. Командир этой лодки, Болеслав Романовский, жестоко израненный, дважды командовал «на всплытие», давая позывные союзникам. Но англичане с упрямством, достойным лучшего применения, продолжали атаковать поляков бомбами и снарядами. На мостике лодки — труп на трупе! — лежали убитые польские матросы… Суд в Лондоне выяснил, что командиры английских кораблей, затоптавшие «Ястреба» в пучину, скверно ориентировались в обстановке и не знали собственных опознавательных сигналов. Но караван PQ-15 все же дошел до СССР, потеряв из 25 судов лишь три транспорта, торпедированные с воздуха.

А отправку следующего каравана PQ-16 англичане явно затягивали… 27 апреля Рузвельт раздраженно писал Черчиллю в том духе, что США не затем посылают помощь СССР, чтобы Англия заблокировала на своих базах в Исландии эти нужные для русских грузы. 2 мая пунктуальный Черчилль отвечал президенту; «Несмотря на глубокое уважение к Вам, выполнить Ваше предложение мы не в силах…»

Это призрак «Тирпица» блуждал в океане…

Шестого мая Сталин обратился о посланием к Черчиллю.

«В настоящее время, — писал он. — скопилось в Исландии и на подходе из Америки в Исландию до 90 пароходов с важными военными грузами для СССР. Мне стало известно, что отправка этих пароходов задерживается на длительный срок…

Тем не менее я считаю возможным обратиться к Вам с просьбой сделать все возможное для обеспечения доставки этих грузов в СССР в течение мая месяца, когда это нам особенно нужно для фронта».

Теперь, когда немцы вновь повели сильное наступление на широком фронте, каждый самолет, каждый танк и каждая тонна алюминия были особенно нужны стране. Важные промышленные

центры были оккупированы врагом, а большинство наших заводов, вывезенных в глубь России, еще не развернуло свою производственную мощность. Вся наша страна замерла в страшном напряжении…

Ленинград — в блокаде, враг еще не ушел далеко от Москвы, а гитлеровская армия, грохоча гусеницами танков, двумя железными бивнями устремилась на Кавказ и на Волгу. В этих условиях лишить СССР помощи было бы преступно, и Черчилль был вынужден признать:

— Русские сейчас ведут очень тяжелые бои, и они ждут от нас, что мы пойдем на риск… Операция будет оправданной, — диктовал он прямо на телетайп, — если к месту назначения дойдет хотя бы половина судов!

Черчилль ускорил отправку очередного каравана, который вышел в океан под кодовым названием PQ-16… Тогда же в фиордах Исландии стал формироваться следующий караван с военными грузами — PQ-17.

Этому каравану уже не придется следовать обратно на родину под обнадеживающими литерами — QP: ему приготовлена иная судьба, которую мы никому не пожелаем.

«НИЧЕГО, ПРОСКОЧИМ!»

При отправлении конвоя PQ-16 Британское адмиралтейство откровенно признало возможность уничтожения каравана. Черчилль писал тогда Сталину, что погибнет, по всей вероятности, половина всего каравана. Однако 35 транспортов все-таки пошли в СССР, потери же составили лишь 8 кораблей…

Я этого никогда не видел, но мне об этом рассказывали… Над океаном вдруг растет большой «гриб», верхушка которого почти касается туч. Это значит, что далеко за горизонтом торпедирован транспорт. груженный взрывчаткой. Его разнесло буквально в атомы, но сила взрыва и гром его неслышно растворились под куполом неба. Проходит минута, вторая… вода вдруг на много миль покрывается неприятной рябью, и слышится тихий шелест, будто ты попал в парк, где опадают осенние листья. В этом шелесте невольно чудится шепот — ощущение такое, будто погибшие за горизонтом торопятся что-то договорить живым — свое последнее, очень важное. Так гибнут люди, везущие взрывчатку. И дьявол побери эту взрывчатку! — ведь даже взрыва не слыхать — только тихий шелест, только нежный шепот, только рябь на воде, тревожная и пугающая…

К чему я все это здесь рассказал?

А к тому, что английское командование доверило везти взрывчатку нашим советским морякам!

Вот теперь, читатель, все ясно…

В мае уже светло над океаном, и враг обрушивал на PQ-16 свои самолеты с бомбами и торпедами. Англичане противопоставили эскадрильям Геринга только один свой самолет, выбрасываемый в небо с катапульты транспорта. Британский летчик мог сделать лишь один боевой вылет. Мало того, этот отважный парень был приговорен еще на взлете с катапульты, ибо вернуться ему было некуда.

Катапультированный просто садился в океан, самолет тут же тонул, а пилот оставался на резиновом плоту, где весла, банка тушенки и компас были его единственными друзьями. Надежда на то, что его заметят и подберут, практически была очень слабой… Здесь мы сталкиваемся со своего рода камикадзе — только на европейский лад!

Впрочем, этот британский летчик с PQ-16 успел свалить две немецкие машины, после чего погиб сам, уничтоженный по ошибке собственной артиллерией, Прощай, парень, ты свое дело сделал! PQ-16 прошел. Его провели. Его протащили через смерть.

Удивительная судьба выпала на долю скромного теплохода «Старый большевик», который в составе PQ-16 тянулся к родным берегам от самой Америки. Капитаном корабля был Иван Иванович Афанасьев, любивший в критические моменты повторять:

— Ничего, ребята, проскочим…

Трюмы транспорта были заполнены только взрывчаткой!

Воду он еще мог принять — страшен для него был огонь!

Как назло, все мины, будто заговоренные, лезли именно под нос «Старого большевика» — тридцать штук их попалось по курсу, и только искусство капитана Афанасьева спасло теплоход от неизбежной, казалось бы, гибели.

Потом появилась подлодка противника. И опять торпеда в гуще транспортов выбрала не кого-нибудь, а именно «Старого большевика».

— Боря! — кричал Афанасьев рулевому.. — Лево руля… а теперь право клади!

Рулевой Аказенок увернул тяжелый корабль от торпеды. Первый помощник капитана Петровский посмотрел на небо.

— Вот, — сказал, — сейчас и навалятся.

— А ты не каркай, — пробурчал капитан.

Один торпедоносец они сбили прямым попаданием в бензобаки. Другой сбросил торпеду, но «Старый большевик» отшвырнул ее прочь за корму сильным буруном винтов. Я, как бывший рулевой, понимаю всю ювелирность этого рискованнейшего маневра. По сути дела Борис Аказенок работал на штурвале архиточными движениями, — так химики в лабораториях передвигают реторты с гремучей ртутью…

С палубы они проследили, как во мгле торопливо скрылся вражеский торпедоносец.

— Сбросил-то, паразит, одну торпеду, — догадался Петровский, — а под брюхом у него вторая болталась… Значит, сейчас вернется, чтобы продублировать атаку!

— Ничего, проскочим, — утешил капитан своего помощника.

Жить и плыть на тоннах взрывчатки, когда из воды бьют по тебе торпедами, а с неба, будто крупой, посыпают бомбами, — такая жизнь не по нутру была даже капитану Афанасьеву, человеку чрезвычайно выдержанному.

— Но жить-то надо, — рассуждал он. — Черта всем нам в рот немытого, но выспимся, когда всю эту баланду сгрузим…

Семь союзных транспортов немцы уже отпра-

вили на дно.

Команды поврежденных транспортов тут же переходили на суда эскорта. А затем британские миноносцы огнем орудий беспощадно уничтожали покинутые корабли.

Иногда случались даже анекдотичные ситуации: сверху транспорт бомбит немец, а с воды его расстреливает англичанин. Работали так, будто сговорились.

— А сколько добра гибнет, — переживал Петровский. — Ведь один такой транспортюга дивизию может снабдить для боя…

Непонятно почему, но противник вдруг дружно навалился на наш теплоход.

Может, их разведка пронюхала о том чудовищном грузе, который скрывался в трюмах «Старого большевика»? Вот когда началась работа! Зенитные автоматы, установленные на спардеке транспорта, обойму за обоймой выстреливали в небеса. Первые сутки в бою… вторые…вот уже и третьи!

Вахтенный журнал был наспех исписан заметками об атаках.

Сорок семь атак с воздуха на один гражданский корабль, с палубы которого стреляют штатские люди в ватниках и ушанках, а на ногах — ва-

ленки…

Присутствие же в трюмах взрывчатки, конечно, не украшало их жизни!

— Зато смерть у нас будет легкая, — говорили матросы. — Как пшикнет разом, и мы все сразу в дамках!

Люди команды отлично сознавали, что никто из них не спасется и все они, случись взрыв, превратятся в пар, который тут же легким облаком растает над бездонностью океана.

Каждый понимал, что прямое попадание бомбы — смерть.

И это попадание — прямое!!! — случилось…

Крупная немецкая бомба взорвала бак транспорта. Вспышка пламени ослепила всех стоявших на мостике. И грянул взрыв — вот, кажется, и конец… Но храбрецам всегда отчаянно везет: взрывчатка не сдетонировала. Зато начался пожар, огонь уже облизал надстройки. Немецкие пикировщики, привлеченные дымом, усилили натиск своих атак. От страшного сотрясения корпуса на теплоходе сами собой остановились машины…

— Теперь крепко стой, ребята! — горланил из дыма Иван Иванович. — Здесь тебе мамок нету… давай, черти, работай!

Когда «Старый большевик», казалось, уже погибал — вот-вот взорвется на собственном грузе, к нему подскочил британский корвет и направил на него свои орудия.

— Читай, что пишут, — велел Афанасьев сигнальщику.

Корвет передал решение флагмана конвоя PQ-16: пока не поздно, покинуть судно, а команде перейти на корабли эскорта.

— Вот те на! — удивился, капитан. — Отвечайте на флагман: «Спасибо, но мы не будем хоронить свое судно…»

На кораблях конвоя возникло некоторое замешательство. Тут было сейчас уже не до вежливой дипломатии, и корвет в азарте, рискуя собой, подошел к самому борту «Старого большевика».

— Мы не можем ждать вас! — прогорланили с мостика прямо в дым, прямо в треск огня. — Мы еще раз предлагаем… прыгайте все на нашу палубу. А судно мы расстреляем.

Англичане наблюдали непривычную для них картину: в то время, когда мужчины сражались с огнем, за пулеметами сидели русские женщины в ватниках, обвешанные пулеметными лентами, возле пушек на подаче снарядов тоже стояли женщины…

— Нет, — отвечал союзникам Иван Иванович. — Большое спасибо, но расстрелять меня и немцы могут. Не затем перли мы груз, язви его в корень, от самого Бостона, чтобы здесь потерять.

— А тогда, — объявили им с корвета, уходящего прочь, — дайте хоть радио своим, что вы от нашей помощи отказались.

— Дадим радио! Ваша совесть чиста… Доброго пути вам!

Водяные пушки корабельных гидрантов с гулким выхлопом били столбами воды по пламени. Презрение к смерти, которое проявил капитан, передалось и его команде. Дружно (даже раненые) все бросились на тушение пожара. Охваченный огнем корабль с грузом аммонала — что может быть страшнее? И корабли спешили пройти мимо. Скоро из видимости пропали последние суда каравана.

Долго еще виднелись в небе колбасы аэростатов, привязанных к мачтам конвоя.

Потом и аэростаты исчезли с горизонта.

Караван PQ-16 ушел, а теплоход остался в океане один.

Один в огне! На нем, конечно, поставили крест. Такие не возвращаются.

Это не люди, это уже покойники…

Медленно, день за днем, миля за милей, тянется караван. Быстрым эсминцам и вертким корветам такой темп не по душе — они рвутся в стороны от тихоходов; пишут восьмерки и зигзаги, слушая воду «асдиками» — не крадется ли враг?.. PQ-16 приближался к советским водам, и смерть отлетала от кораблей. Команды эскорта и транспортов в напряжении следили за горизонтом.

И вдруг — тревога! — замечено не известное судно.

— Оно нагоняет нас, сэр!

Черный от ожогов корабль, почти уже неживой, развивал предельные обороты.

Казалось, мертвец восстал со дна океана. А кто он — почти не узнать в этом обгорелом скелете. Но он двигался. Он спешил. Он был жив. Он мигал прожектором… Ревом восторга огласились корабли конвоя PQ-16, когда в этом пришельце с того света узнали корабль, брошенный в океане.

— Вы подумайте, сэр: они не только сбили пламя, они умудрились запустить машину… Как они смогли отыскать нас?

Флагман конвоя PQ-16 поднял на мачтах сигнал: «ВОСХИЩЕН МУЖЕСТВОМ ВАШЕЙ КОМАНДЫ»

И все корабли каравана расцветили свои мачты букетами флажных приветствий. «Старый

большевик», весь в рубцах и ожогах, скромно просил по семафору, чтобы ему показали место в ордере. Весть о подвиге теплохода тут же по радио дошла до Лондона, и Британское адмиралтейство переслало морякам свое восхищение и теплую благодарность за небывалое в истории мужество.

Заняв свое место в походном ордере, «Старый большевик» приступил к тяжкой обязанности прощания с павшими. Они лежали сейчас на корме, одинаково завернутые в казенные простыни, в ногах каждого груз, ускорявший падение в бездну, и погибших женщин было не отличить от мертвых мужчин…

Был тих, неподвижен в тот миг океан, Как зеркало, воды блестели.

Явилось начальство, пришел капитан — И вечную память пропели.

Напрасно старушка ждет сына домой.

Ей скажут — она зарыдает.

А волны бегут…

В мужской хор вплетались женские голоса; подруги хоронили своих подруг, падавших сейчас в океан. А песня была старая, как и русский флот. Песня — еще в «мужском» варианте. О женщинах, павших в бою посреди океана, такой песни в

нашей стране пока не сложено…

Известие о трудном положении, в какое попал (и еще попадет) конвой PQ-16, дошло до Москвы, и Ставка Верховного Главнокомандования приказала Северному флоту усилить воздушный барраж над кораблями конвоя. Наши эсминцы вышли для встречи союзников, когда в караване из 35 транспортов осталось лишь 27, и английские историки не забыли отметить, что «с подходом трех советских эсминцев дышать стало легче»! За последние дни противник бросил против них 208 своих самолетов. В небе от разрывов стоял трескучий ад. После отражения каждой атаки командир британского эскорта передавал на наши эсминцы:

«Благодарю за прекрасный огонь!»

Обстановка в океане действительно сложилась нелегкая. Много кораблей горело, выстилая по небу исполинские шлейфы дыма. Немецкие же самолеты, сбросив торпеды, поворачивали на заправку, и через полчаса их опять видели висящими над мачтами. Блестяще проявил себя миноносец «Гарланд» под флагом героической Польши (командир Генрик Эйбель). Экипаж был уже наполовину выбит, корабль горел, но из пламени израненные поляки продолжали отражать

все атаки с воздуха…

День 30 мая 1942 года, когда PQ-16 уже был на подходах к Кольскому заливу, — этот день выпал хмурым, низкооблачным, почти нелетным… Полковник британской авиации Ишервуд, френч которого был украшен орденом Ленина, завтракал в столовой авиаполка, стоявшего на аэродроме Баенги. Провожая в полет Бориса Сафонова, Ишервуд честно признался:

— Американские «китти-хауки» имеют в подшипниках немало серебра. Но это вряд ли делает их моторы лучше…

Полк должен совершить вылет, чтобы разогнать самолеты врага над караваном. 45 «юнкерсов» и «мессершмитты» (число которых не установлено) бомбили корабли PQ-16. А эти вот «китти-хауки» и «хауккер-харрикейны» барахлят некстати, и в небо можно выпустить только считанные машины…

Малиновая ракета взлетела над аэродромом, призывая к подвигу!

Командир авиаполка Борис Сафонов, Герой Советского Союза, сел в кабину.

Всему дальнейшему, что произошло в этот тяжелый день, немало очевидцев, но зато осталось чрезвычайно мало подробностей. Известно, что в

это роковое утро Дмитрий Селезнев, ас полярного неба, тоже уходил в море. Но шатун оборвался в моторе, и летчик врезался в гранит сопок… Сейчас против 45 «юнкерсов» (и неизвестно, сколько там «мессершмиттов») уходили в бой всего четыре наши машины.

Вот имена людей, державших штурвалы в руках:

Борис Сафонов (подполковник), Алексей Кухаренко (майор), Павел Орлов (капитан), Владимир Покровский (старший лейтенант).

Под крыльями самолетов, утяжеляя их, висели дополнительные бензобаки на 500 литров, чтобы летчикам после боя хватило горючего добраться до Ваенги.

Шли почти над волнами, без ориентиров — по компасам. Слепая мгла висла над океаном. Когда до конвоя осталось совсем немного, стал давать перебои мотор Кухаренко… Борис Сафонов передал ему кратко:

— Алеша, ты возвращайся. А мы потянем дальше…

Теперь их осталось только трое, и скоро с высоты в две тысячи метров перед ними открылась обширная панорама каравана. В небе стоял плотный заградительный огонь англичан и наших

зениток с эсминцев — «семерок» и «новиков».

— Ребята, будем внимательны, — напомнил Сафонов.

Из этой четверки полярных асов — три Героя Советского Союза, два из них навечно зачислены в списки Краснознаменного Северного флота, а в живых остался только один — А. Н. Кухаренко, кавалер пяти орденов Красного Знамени и Бриллиантового Креста (высшего знака отличия английской королевской авиации). Выйдя в отставку, полковник А. Н. Кухаренко работал на мебельной фабрике в Риге.

***

На глазах всего каравана они дали бой противнику, когда тот выходил из пикирования. Сразу же образовался рискованный строй растянутого пеленга в таком невыгодном для нас порядке: «Ю-88», еще «Ю-88», затем летел Сафонов, «Ю-88», за ним самолет Покровского; «Ю-88», машина Орлова; следом еще два «Ю-88»...

Вся эта кавалькада машин, треща пулеметами, стремительно отлетала прочь от конвоя. Перед тройкой смельчаков стояла, в небе хваленая 30-я эскадрилья пикирующих бомбардировщиков, летчики которой были опытны и мужествен-

ны, подготовлены для схваток над безбрежием океана. На фюзеляжах немецких машин были намалеваны огромные рыжие псы, в зубах у которых — маленькие истребители «И-16» (именно на таком «И-16» и творил в небе чудеса Борис Сафонов!)…

Скоро вдали от места боя, на командном пункте в бухте Ваенга, по радио были приняты слова Сафонова:

— Одного свалил…

Через несколько минут Сафонов выкрикнул в азарте боя:

— Еще двух срубил! Бью третьего…

Покровский с Орловым успели свалить по одной машине.

Пока все складывалось отлично. Перед Сафоновым выросла обтекаемая серебристая тень еще одного врага.

— Прикрой с хвоста! — уловили его голос в эфире. — Бью третьего… — Пауза, и вот результат:

— Готов и третий!

Третий, раскидывая крылья, сорвался вниз.

— Прикрой с хвоста! — настойчиво просил Сафонов.

Это был момент, когда его стал расстреливать воздушный стрелок германского истребителя.

Покровский и Орлов были связаны тяжелым боем с другими машинами врага, и они бились в стороне, пока враг не был ими уничтожен… В отвесном пике, уходя вниз, Сафонов прощался с жизнью, которую так любил!

Дежурные в Ваенге уловили его последние слова.

— Мотор!.. Мотор!.. Мотор!.. — выкрикивал он в эфир.

Слово «мотор» было условным сигналом: значит, он вынужден садиться. Не садиться, а падать! Не летное поле под ним, а волны! Сафонов в своем падении устремился к эсминцу «Куйбышев» (очевидно, в массе кораблей ястребиным оком он узнал его). И теперь тянул, тянул, тянул… Из последних сил он тянул машину, чтобы упасть как можно ближе к «Куйбышеву».

К месту боя на больших скоростях уже спешили наши истребители дальнего действия, и наушники пилотов уловили Сафонова.

— Где ты?! Где ты?! — кричали они, спрашивая у неба. — Как ты чувствуешь себя?

Всего 25 кабельтовых не дотянул Сафонов до эсминца и рухнул в океан, высоко взметнув каскад пены. Моряки с «Куйбышева» передавали, что на месте падения они видели быстро тонущий

пакет парашюта, который был уже отстегнут…

Три смельчака сорвали атаку на конвой PQ-16: самолеты Геринга ушли на свои аэродрома, не потопив ни одного корабля. А в гибель Сафонова, которого все любили на флоте, никто не верил. Эсминец «Куйбышев», исполняя приказ адмирала Головко, целых два часа ходил на контркурсах — искал его. Потом возник слух, будто Сафонова подобрали англичане. Подходящие с моря корабли PQ-16 встречали печальные летчики — спрашивали.

— Ноу Сафон… ноу, — отвечали им англичане. И долго ждали подводную лодку, которая (уж это точно!) вырвала Сафонова из волн и тут же погрузилась на глубину. Не оказалось его и на лодках. И долго ждали все… чуда!

ПАМЯТНИКИ

Караван PQ-16 вызвал к жизни два Указа Президиума Верховного Совета СССР о присвоении звания Героя Советского Союза — из команды теплохода «Старый большевик»:

Капитану — И. И. Афанасьеву, Старпому — М. М. Петровскому, Рулевому — Б. И. Аказенку.

Сам же теплоход был награжден орденом Ленина.

Второй звездой Героя Советского Союза посмертно награжден подполковник морской авиации Борис Феоктистович Сафонов, и он стал первым дважды Героем в Великой Отечественной войне (впрочем, указ о присвоении ему второй Золотой Звезды был подписан еще за четыре дня до его гибели!).

После войны много памятников украсило полярные скалы.

На скупом и жестком пейзаже они выделяются особенно четко и выразительно.

Теперь мы, открывающие битву за Сталинград, с нетерпением ожидаем прихода PQ-17, — этот караван нужен нам особенно сейчас, в грозное

лето 1942 года, когда железная машина врага на полных оборотах моторов несется, вся в пыли, к Волге…

Мы закончили первую часть подвигом наших асов в небе.

Вторую мы посвящаем асам другой стихии — глубины!

Мурман, в нагромождении бурых скал, засыпанных снегом, в хаосе бурь и штормов, — это ведь старинная русская земля с богатейшей историей… Сейчас она — плацдарм!

Кто сказал, что здесь задворки мира?

Это край, где любят до конца, Как в произведениях Шекспира, Нежные и сильные сердца.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ИДУ НА ФЛАГМАНА

В мирное время на подводных лодках действовало много различных сигналов, в которых даже старослужащие… подчас не могли разобраться. Война из всех сигналов оставила один – «Срочное погружение!»…

Мы все время внизу. Мы за «все плавание никогда не увидим ни моря, ни солнца, ни звезд. Знаем только свой отсек с его низким сводчатым потолком, холодным светом электрических ламп и неизбежной духотой. И нам всегда голодно.»

Мичман Л. А. Планов. В отсеках тишина

ВЕЛИКОДУШИЕ

Ну, кажется, все. Еще несколько миль, и подлодка войдет в сектор действия своих батарей. Тогда можно всплыть, дышать ветром на мостике. Сейчас в центральном посту, под вырезом люка, соберутся курящие и впервые за много дней будут до одурения сосать самую сласть самокруток. Трудная позиция в водах Варангер-фьорда выдержана. — Два транспорта и тральщик противника они отправили на грунт… Вот наконец долгожданные слова:

— Продуть балласт… на всплытие!

Стрелка указателя глубины потянулась к нулю. Всплыли. Командир лодки отдраил рубочный люк. За ним на мостик выскочил сигнальщик, прижимая к груди фонарь «ратьер». Почти сразу же оба свалились обратно в пост.

— Бери балласт… ныряй! Боцман, циркуляция влево…

Ахнул первый разрыв, и лодку качнуло на киле.

— Неужели свои так встречают? — удивился штурман.

Командир отряхнул реглан от воды, объяснил:

— Всплыли… а там сторожевик наш дымит. Вчерашний рыбник! Ему, видать, только что пушку поставили. Вот он и обрадовался: без привета кидать стал.

Даже позывные не дали, не успели!

Акустик, услышав взрывы, по собственной инициативе привел в действие свою аппаратуру. Лицо его стало озабоченным:

— Наверху идут на нас… стараются!

— Рыбы им мало, — буркнул боцман. — Нас глушить будет…

В посту появился флагманский врач Подплава, совершивший этот поход, чтобы испытать новейшие приемы регенерации воздуха. Тихий и робкий человек, пришедший на флот с научной кафедры, он спросил очень вежливо (даже неподобающе вежливо для такой обстановки):

— Простите, а что тут в данный момент происходит?

— Шарахвут вот нас сейчас, — неласково ответил боцман.

— Не понимаю, по какому поводу… Мы же дома!

— Родные всегда больней лупят.

Акустик доложил, морщась:

— Первая серия… пошла!

Режущий шум винтов корабля пронесся над подлодкой, и со звоном лопнули бомбы. Лодку сильно встряхнуло, с переборок полетела пробка, раскрошенная в труху. Где-то с визгом разлетелись плафоны, стоял глухой стук-это бились электролампы.

— Разворачивается для второго, — доложил акустик.

— Ну разве не паразит, а? — спросил боцман. — Видать, ему эта работа понравилась. Конечно, кидай себе, — это не рыбу ловить?

Бомбы легли рядом. В соседнем отсеке что-то загрохотало.

— А товарищ попался серьезный, — сказал командир, мрачнея. — Эй, в носовом… что у вас там лопнуло?

— Ничего не лопнуло, — ответили из носа торпедисты. — Это бочка из-под сушеной картошки развалилась…

Корабль наверху разворачивался для следующей атаки.

— Вы бы ему посигналили, — подсказал наивный врач. — Мол, мы свои, идем домой, бомбить нас не надо…

— Чем же я ему посигналю? — наорал на него

командир. — Или мне палец ему из-под воды выставить?

— Витя, — с укоризной сказал врачу штурман, — то, что ты советуешь нам сейчас, это называется бесплодной утопией.

— А утопия — от слова «утопили», — разъяснил всем боцман.

— Пошла серия за борт, — доложил акустик. — Бросает!

Падающие бомбы издавали на глубине гул и бульканье.

— Знать бы какую он ставит глубину? — сказал штурман.

Но тут же людей стало бить, бросая одного на другого, отсек был наполнен туманом и мелкой пробкой.

— Правильно ставит, собака! — ответил командир. — Уж больно дельно кидает… Ну, как ты, Витя? Потрясываешься?

— Да, видите ли, — ответил флаг-врач, — все дело заключается в том, что трясись или не трясись, а бежать тут некуда!

— И будут, — добавил боцман, — за здорово себе живешь, молодые и красивые покойнички, украшенные орденами и медалями…

— Опять разворачивается, — доложил акустик.

— Будем уходить, — решил командир. — Ничего тут иного и не придумаешь. Он, видать, не отстанет… Вытянемся в море, подзарядим там батареи и уже во всплывшем положении пойдем на базу, чтобы товарищ этот наверху! за чужих нас не принимал.

Так и сделали. Когда со стороны моря показалась подлодка, идущая на дизелях, сторожевик принял с нее опознавательные и точно по уставу дал на нее свои.

— Спроси его, бомбил ли он недавно лодку?

Сигнальщик отмахал вопрос на сторожевик флажками.

— Читай, что он пишет нам в утешение — Сознается, — сказал сигнальщик. — Пишет, что бомбил…

— Отвечай ему так: «Сукин сын, ты бомбил нас», — и потом, когда очухаются, ты им добавь следующее: «Желательно встретиться на берегу для обмена боевым опытом».

Глаз прожектора сторожевика стыдливо промолчал. Сигнальщик понял это молчание на свой лад:

— Разве они ответят, товарищ командир? Ведь понимают, что за такие дела на второй год войны, да еще при обмене опытом, обязательно морду

им бить станут...

Подлодка завернула в гавань Полярного, притулилась к родному пирсу.

Береговые службы потянули на ее борт шланги с паром, водой, телефоном и электропитанием. Их встретил комдив. Возле пирса остановилась «эмка», из нее вышел командующий флотом Головко, молодо сбежал по сходне на лодку. Он и в самом деле был еще очень молод, этот командир самого молодого флота страны, и только седина на висках выдавала его переживания за судьбы тех кораблей и людей, которых он столь часто провожал в океан...

Выслушав доклад подводника, Арсений Григорьевич спросил:

— А чего не пришел в назначенный срой? Мы ждали...

Командир поведал вице-адмиралу, как его бомбила на плесе своя же брандвахта, пришлось оттянуться в море, подзарядиться там, снова возвращаться... «Волокитная история!»

— Это плохо, — сказал Головко. — Командир сторожевика понесет строгое наказание. Заставим его изучить силуэты наших подлодок и нести службу наблюдения в море как надо, по уставу!

Подполковник вдруг представил себе, что,

должно быть, испытывает сейчас незнакомый ему человек с мостика сторожевика, и он решительно вскинул руку к козырьку мятой фуражки:

— Товарищ вице-адмирал, позвольте два слова?

— Хоть сто… Я вас слушаю.

— Простите, что вмешиваюсь. Сторожевик (это же видно) недавно рыбу ловил… Где им сразу все тонкости изучить? Служба связи и наблюдения у них никудышная, это верно. Но если быть честным, то командир сторожевика достоин: большой благодарности.

— За что? За то, что вас бомбил на подходе к базе?

— Именно так, товарищ вице-адмирал… Уж сколько нас немцы бомбили, а такого не выпадало. Дельно он бомбы клал! Просто душа радуется, что наши корабли умеют бомбить врага отлично.

— Разберемся, — кивнул комдив. — А ты слишком уж добрый, Саня, — сказал он ему потом. — Лежал бы сейчас с водичкой в камбузе на плесе Кильдинском и… рот нараспашку!

Сторожевик вернулся с моря, и его навестил командир подлодки. По внешнему виду пожилой

команды, по тому, как неумело отдал у трапа честь подводнику вахтенный, командир лишний раз убедился, что эти ребята совсем недавно плавали под скромным флагом с двумя селедками на полотнище.

При появлении офицера, грудь которого была украшена, звездой Героя Советского Союза, командир сторожевика привстал со стула-вертушки. Это был человек преклонных лет, его натруженные руки слегка вздрагивали. Сейчас он имел звание лейтенанта. Над карманом его кителя неярко поблескивал орден Красного Знамени. Только не боевой славы — трудовой…

— Позволю себе заметить, — начал подводник, — что своих на войне бомбить не рекомендуется… Дайте-ка листок бумажки!

На листке, вырванном из тетрадки в клеточку, подводник сделал карандашом несколько стремительных росчерков.

— И вот цель! — сказал он, ловко обозначив свою лодку. — Первый заход вы пошли так. Одобряю. На развороте потеряли, однако, немало времени. Не одобряю. Вот если бы на контрольном бомбометании вы сбросили серию не в этой точке, а здесь…

— И… что? — спросил рыбак.

— Как что? — удивился подводник, смеясь. — Мы бы с вами уже не разговаривали сейчас… Вы поймите одно: вам повезло, как никому другому.

Никто из наших людей, отбомбив противника, не имеет возможности встретиться с врагом, чтобы узнать у него — как его бомбили? А вам повезло: перед вами сидит человек, который ускользнул от вашей атаки. Учтите же мои замечания!

Прослушав целую лекцию, старый моряк поднялся из-за стола, а в углах глаз, выцветших от соли и ветров, мерцали глубоко спрятанные слезы.

— Сынок, — неожиданно сказал он. — Прости уж нас. Видит бог, мы не хотели… Это так, святая истина! А за науку спасибо… мы учтем на будущее!

Распили они в каюте пол-литра и расстались друзьями.

***

Северные подводники были щитом флота и всего Мурмана, Причем этот щит был постоянно выдвинут на самые крайние рубежи. Враг не был в безопасности даже тогда, когда прятался от подводников в глубине фиордов за охраной цепей,

сетей, мин, проволоки и строгой брандвахты. Они все равно прорывались!

Как люди они были по-человечески великодушны и щедры. Опасная работа, гибель многих товарищей, звания Героев — это не сделало их жестокими и зазнавшимися. Они были люди в полном смысле этого слова. Умея ненавидеть, они очень много и очень многое любили в этом прекрасном мире… А далеко в океане на их подлодках тихо открывались крышки аппаратов, и через эти жерла, глядящие в сумрачные глубины, вылетала ненависть к врагу — длинными телами боевых торпед…

***

Сейчас они встанут на позиции — как щит, ограждающий PQ-17 от высшей точки Европы, от самого Нордкапа.

А теперь, читатель, нам предстоит снова побывать в западном полушарии, где с американской пристани мы примем на борт человека, который станет нашим добрым союзником…

БОЛЬШОЙ РИСК

В апреле 1942 года фюрер сказал в рейхстаге: «Бои на Востоке будут продолжаться и далее. Мы будем бить большевистский колосс до тех пор, пока он не развалится!» Но, развивая успех на Востоке, Германия заодно уж нанесла Штатам несколько болезненных ударов, чтобы пошатнуть моральное равновесие американцев («...чтобы эти олухи, — говорил Геринг, — умеющие штамповать только автомобили и холодильники, поняли, с кем они имеют дело»).

Недавняя катастрофа Пирл-Харбора настолько ошеломила американский народ, что на фоне гибели целой эскадры явно померкло другое бедствие, испытанное Америкой у своих берегов в начале 1942 года. За очень короткий срок немецкие подводники — безнаказанно! — отправили на грунт сразу 150 кораблей. Действуя почти в полигонных условиях, мало чем рискуя, «волки» Деница выбирали по своим зубам любую жертву. Но большую часть торпед они выстреливали в танкеры. Это создало панику среди команд, возивших сырую нефть из Венесуэлы, и матросы

в ужасе покидали свои «лоханки». Засев в барах гавани Кюрасао, они попивали крепкий тринидадский ром и лениво посматривали на танкеры, застрявшие возле причалов.

— Сгореть живьем всего за двести паршивых долларов, кому это понравится?

— рассуждали они. — Ведь скажи кому-нибудь, что у нас при взрыве даже стекла становятся мягкими, словно пшеничное тесто, — так ведь никто не поверит…

Подлодки Деница обстреляли с моря нефтеперегонные заводы, и вскоре США (богатейшая страна!) ввела нормирование на бензин, на кофе, на сахар. Для борьбы с немцами был создан флот охраны из добровольцев, ищущих острых ощущений, который получил название «Хулиганский патруль».

В составе этого «патруля» был и Эрнест Хемингуэй, который от беретов Кубы уходил в море на своем личном катере, чтобы вести борьбу с германскими субмаринами. Об этой рискованной работе он до конца своих дней вспоминал с удовольствием.

Моряки быстро поднимались в цене, моряцких рук не хватало, Команды торговых кораблей зарабатывали большие деньги на риске…

В одной из улочек Бостона, недалеко от порта, весело торговал шумный моряцкий бар, и здесь сидели два приятеля.

— Большой риск, и оттого большие деньги, — призадумался Сварт. — Но туда берут ребят, которые умеют палить из «эрликонов»... Скажи честно: ты не боишься этого рейса?

Брэнгвин оглядел сутолоку бара и, сжав жесткие кулаки, прищурился, словно в авиаприцел «эрликона».

— А знаешь, это даже нетрудно... По Адольфу и его сволочи я согласен стрелять с утра до ночи... Да и русских надо ведь понять тоже: им сейчас тяжело, и почему бы не помочь им?

Пропеллеры ревели под потолком бара, наращивая шквалы душного, горячего ветра. Сварт задумчиво посолил холодное пиво, спросил с недоверием:

— А стоит ли помогать русским? Гитлер уже заканчивает возню с ними...

Разве ты не слышал, где сейчас немцы?

— Они прутся на Сталинград.

— А где этот Сталинград?

Брэнгвнн честно признался:

— Не знаю. Кажется, на Волге. Говорят, она такая же длинная, как наша Миссисипи, и русские

ее очень любят…

Матросы вышли на улицу. Сварт хмуро молчал.

— Я тебя подвезу, — предложил он, садясь за руль своего старенького «понтиака»; они доехали до порта, но из машины Сварт не вылез. — Доллары хороши, — сказал он. — Но для рейса в Россию пусть они поищут дураков в Техасе… Ясно?

Брэнгвин перекинул через плечо куртку, ответил так:

— Дело даже не в долларах! Подумай, что русским сейчас нелегко, и тебе станет стыдно…

— А почему мне должно быть стыдно за этих русских? Немцы лупят не меня!

Пусть они придут сюда, тогда я им покажу…

— Тогда будет уже поздно что-либо показывать!

— Гитлер сюда не придет… — Сварт малость поколебался. — Послушай, — сказал он, — до Скапа-Флоу я бы еще сходил, у англичан конвойная служба налажена… Но дальше — не дури!

— Море одинаково, — сплюнул Брэнгвин. — Если дотянешь до Скапа-Флоу, так уже недалеко и до Мурманска.

— Э-э, нет, бродяга! Ты ведь там еще не плавал. А я бывал возле Шпицбергена. Самый лучший

пловец в тихую погоду держится на воде минут пятнадцать. Учти, этот срок выдерживают только рекордсмены! А потом… — Сварт замолк.

— Ну, а что потом? — засмеялся Брэнгвин.

— Потом любого Геркулеса закручивает от холода в поросячье ухо. Русским ты уже не поможешь: для них война проиграна.

— А деньги за страх? — вставил Брэнгвин.

— Страх там будет, а утопленникам деньги не нужны…

Сварт отъехал прочь от приятеля так медленно, словно участвовал в траурной церемонии. Брэнгвин затоптал сигарету и пошел в контору. В рейс его взяли. Аванс — какой ему и не снился в других рейсах! Моложавый клерк мрачно посоветовал:

— Напейся теперь как следует, чтобы ничего не помнить, пока не очухаешься в море. Надо быть совсем ненормальным, чтобы решиться на такой гиблый рейс в Россию…

Наконец-то Брэнгвин вышел из себя:

— Послушай… ты, вполне нормальный! — сказал он клерку. — Ты — нормальный, и дальше копти здесь окна. А я вот ненормальный и потому хочу помочь России… Русские здорово дерутся!

— Другие были честней тебя, — ответил ему клерк.

— Это почему же?

— Они честно говорили, что идут на риск лишь ради денег…

Покидая контору, Брэнгвин заметил, что в баре успел посадить пятно на свой новый костюм. Темное пиво трудно выводить. Оно оставляет ужасные пятна. Брэнгвин даже огорчился…

Транспорт-сухогруз, на который он попал, — типичный военный «десятитысячник» с вытянутым днищем, отчего многие такие корабли ломало на волнах. Они строились специально для поставок по ленд-лизу по принципу: быстрее, проще, экономичнее. Совершив один рейс, транспорта могли уже больше не возвращаться к тем берегам, которые дали им жизнь: одним рейсом они окупали все расходы на свое строительство. Команду же собрали — как тысячу чертей! Бездомный сброд депортируемых, шантрапа ночлежек Сан-Пауло и Фриско. Пятьсот долларов с процентами за страх, который предстоит испытать, определяли всю «идейность» этих наемников, не расстававшихся с ножами и кастетами даже во сне. Офицеры носили при себе длинностволые страшные кольты. «А иначе с этой сволочью не справиться», — говорили они. Не секрет, что союзное командование, не в силах

обуздать свои экипажи, неоднократно обращалось за помощью в советские уголовные органы Архангельска и Мурманска…

Здесь же, на корабле, Брэнгвин встретил приятеля и наставника — боцмана-суперкарго по прозванию Хриплый Дик.

— Дядя Дик, — сказал он ему, — нет ли у тебя в хозяйстве пятновыводителя?

Смотри, какое пятно посадил на штаны.

— Чем это ты так? — пригляделся старик через очки.

— Как будто пивом.

— Щенок! Или не знаешь, что, когда настоящие моряки пьют пиво, они снимают перед этим штаны и аккуратно вешают их на спинку стула? Будь я проклят, но пятно это не вывести…

Ночью они уже были в море. Заступив на ходовую вахту к рулю, Брэнгвин отрепетовал курс и сказал штурману:

— А знаете, сэр, я разбил на корабле три огнетушителя, пока четвертый не брызнул пеной мне на штаны.

— Зачем вам это было нужно, Брэнгвин?

— Здорово эта жидкость выводит пятна, сэр. Только секрет был известен до меня. Три пеногона трахнул об палубу, и только четвертый

сработал, черт его побери…

— Следите за курсом, — ответил штурман. — Это новые военные пеногоны.

Тетрахлорметановые… Вы не сбились с курса?

— Нет, сэр. Держу судно на восемьдесят пять, как и приказано вами…

Кстати, а куда мы сейчас направляемся?

— Караван для России формируется в исландском Хваль-фьорде. В конторе мне говорили, что туда уже нагнали полиции, чтобы на всех кораблях навести приличный порядок…

Брэнгвин долго смотрел в ходовое окно перед собой. Океан был величав и прекрасен, и даже не хотелось верить, что где-то лежит зачумленная фашизмом Европа и там сейчас идет жестокая битва…

— Простите за вопрос, — заметил Брэнгвин смущенно, — но, очевидно, мы не раз повибрируем от страха?

— Да как сказать, — флегматично отвечал штурман. — Один проскочит — ничего, а кто и торпеду слопает. Но я так думаю, что улицу в Нью-Йорке по нашим временам переходить гораздо опаснее, нежели Атлантику… Вчера на моих глазах раздавило еще не старую даму с собакой, великолепным догом!

Смерть в море, на мой взгляд, куда гигиеничнее и почетней, нежели тебя накрутит на грязное колесо частной машины… На румбе?! — вдруг выкрикнул он неожиданно.

Брэнгвин поспешно перекладывал штурвал на борт:

— Виноват, сэр! Сейчас у меня — девяносто три градуса…

— Вот вы и ошиблись, Брэнгвин, — позлорадствовал штурман. — Стоя на руле, нельзя вспоминать о девке.

— Простите, сэр, но я задумался сейчас о Европе.

— Нам ли, американцам, думать о тухлой Европе?

— Однако, сэр, наши войска уже в Лондоне, они в Исландии, наши самолеты кладут свои яйца на ледниках Гренландии.

— Ну, Брэнгвин, это мы погорячились… немножко погорячились. Что ни говори, а доктрина Монро остается в силе!

***

Поздно ночью, сменившись с вахты, Брэнгвин в глубинах трюма слушал программу берлинского радиовещания. На кораблях США это строго кара-

лось, но отребье из команды все же соорудило для себя самодельный приемник. Из далекого Берлина сейчас краснобайничал язвительный «лорд Хау-Хау», который обращался непосредственно к ним. (Лорд Хау-Хау (Вильям Джойс) — предатель английского народа, всю войну подвизавшийся на кухне Геббельса, будучи радиокомментатором политических событий. После войны по приговору суда. повешен как военный преступник.) — Надо совсем не иметь мозгов, чтобы рискнуть сунуться в Баренцево море.

Подумайте сами, что вас ждет у берегов России..., Когда вы будете барахтаться в воде океана, похожей на ледяную ртуть, никто не придет к вам на помощь. PQ-17 обречен! Мне вас жалко, ребята, — вкрадчиво нашептывали из Берлина, — всех вас, обманутых еврейскими плутократами с Уоллстрита!

Лорд Хау-Хау замолк, и в трюме корабля, вязко его заполняя, вдруг запели торжественные фанфары. Один филиппинец с манерами гомосексуалиста подмигнул Брэнгвину:

— А ведь этот немецкий лорд не дурак... Не лучше ли нам плюнуть на это дело? Мы же не коммунисты, чтобы самим соваться в петлю. Аванс получен и пропит — чего еще надо матросу?

Брэнгвин правой ногой, как заправский форвард, врезал по радиоприемнику хорошее пенальти. С треском разлетелись ворованные лампы и конденсаторы, Берлинские фанфары жалко пискнули на прощание. Транспорт тяжело раскачивало на пологой встречной волне. Брэнгвин шагнул к трапу и, боясь получить нож под лопатку, полез наверх. Ему сейчас не хватало Сварта, чтобы отвести душу в разговорах за выпивкой.

***

…Немцы уже началу «обработку» каравана PQ-17 — пока психологическую. В это время фашистский листок «Милитарвиссеншафтлихе рундшау» писал откровенно, что «к разрушению костей, мускулов, артерий и вен прибавляется изматывание нервов». Советский флот, в отличие от союзных флотов, этой «войны нервов» не знал — пропаганда Геббельса не доходила до нас!

ОБСТАНОВКА

В полумраке громадного салона «Тирпица» адмирал Шнивинд обдумывал то, что должно решить судьбу каравана, который тронется к берегам СССР между июнем и июлем… Размышления, уложились в 15 страниц машинописного текста, который он и вручил гросс-адмиралу Редеру при свиданий с ним в Тронхейме.

— Здесь все, что надо, — сказал Шнивинд, довольный собой. — Я учел даже подвижку паковых льдов к северу… Из Альтен-фьорда «Тирпиц» может на форсаже машин достичь каравана, мгновенно оставить от него то, что остается после съеденного яйца, и также быстро, как крыса, юркнуть обратно в щель…

Донесите до фюрера нашу уверенность в успехе, и пусть он перестанет бояться мифических авианосцев противника.

— Сколько вам нужно топлива? — конкретно спросил Редер.

Шнивинд был готов к такому вопросу — весьма насущному для нефтяной экономики Германии.

— Каждая страница моего доклада обойдется

фатерлянду в тысячу тонн, а их всего пятнадцать. Но, истратив это горючее, Германия сможет изменить весь ход войны на Востоке…

Это было веско сказано! В штабе флота на записке Шнивинда оттиснули красный штамп: «Ознакомить лишь минимум лиц». В этот ограниченный минимум попал, конечно, и сам Гитлер, который согласился на проведение такай операции при одном условии: выход «Тирпица» в полярный океан возможен только с «личного одобрения фюрера».

— В этом году я заканчиваю битву против большевизма, и мне нужна уверенность, что флот проведет полезные акции, которые изолируют русских от связей с их союзниками, — рассуждал Гитлер. — Вопрос об этом не может рассматриваться отныне в сомнительных плоскостях: или — или. Мне нужен решительный успех флота, чтобы ни один караван больше не проскочил к Мурманску!..

Кстати, гитлеровцы еще не сбросили ни одной бомбы на мурманские причалы и судоверфи. Этим они приводили в исполнение приказ фюрера: сохранить базу для использования ее германским флотом. Но Мурманск оказался неприступен для них — горные егеря и тирольские стрелки ар-

мии Дитла не прошли 80 километров и застряли в обороне на сопках. И вот теперь… теперь…

— Теперь Мурманск следует уничтожить! — распорядился Гитлер. — Под носом нашей группировки «Норд» работает мощный завод по ремонту кораблей, а портовая система русских идеально обеспечивает скорую обработку грузов…

Операцию эту надо провести безоговорочно, невзирая ни на какие потери в авиации!

Шнивинд размышлял так: период штормов в полярном океане кончается в июне, паковый лед еще не успеет отодвинуться далеко к норду, а туманы начнутся позже. Следовательно, караван PQ-17 будет вынужден идти ближе к югу, — это значит, что немецким самолетам вполне хватит горючего, чтобы долететь до него, сбросить на корабли торпеды и вернуться на свои аэродромы…

В эти дни Редер сделал официальное заявление:

— Вопрос о снабжении северных портов России остается решающим для всего хода войны, которую ведут англосаксонские страны. Они, эти страны, вынуждены поддерживать мощь России, которая своим упорством удерживает занятыми на Востоке все главные германские

военные силы…

Вскоре караван PQ-17 и судьба его поступили на обработку во флотскую группу «Норд», а вся операция по уничтожению этого конвоя получила у немцев кодовое название «Ход конем».

Позаимствовав название из шахматной игры, гросс-адмирал начал перебазирование своих сил — подводных и надводных. За весь период второй мировой войны немецкий флот еще не выставлял такой могучей эскадры, какую выставил сейчас против каравана PQ-17!

— Мы включаем в «Ход конем», — планировал Редер, — целых пять активных группировок тактического значения. Первая из Нарвика пройдет для уничтожения транспортов каравана, основную силу ее составят тяжелые крейсера «Адмирал Шеер» и «Лютцов» с пятью миноносцами для побегушек.

Вторая — из Тронхейма с «Тирпицем» во главе, с ним же «Хиппер» и пять миноносцев — для борьбы с эскортом. Третья — подводные лодки, которые мы развернем с 10 июня к норд-осту от Исландии. Четвертая — опять из подводных лодок, она будет размещена для нанесения ловких ударов между островами Ян-Майен и Медвежий. Пятая, заключительная группировка — разведка,

наведение на цель и атака по обстоятельствам.

Штаб в Киле обработал все данные для перехвата, для разворота боевых сил по коммуникациям и сделал заключение:

— «Ход конем» вступает в силу с того момента, когда конвой PQ-17 начнет свое движение от берегов Исландии…

Семнадцатого июня в ставке Гитлера был утвержден план этой грандиозной операции германского флота. К этому времени уже довольно четко разграничились союзные сферы действия: а) британский флот находился в постоянном перемещении на линии Исландия-Скапа-Флоу-Фарерские острова; б) объединенные силы англичан и американцев плотно базировались на исландские фиорды и базы; в) Северный же флот Советского Союза обеспечивал коммуникации в океане — все, которые лежали к осту от меридиана Нордкапа, включая и ледовые районы Карского моря…

***

Впрочем, «Ход конем» не мог избежать случайностей. Но случайности не учитываются. Гитлеровцы надеялись, что при боевом столкновении «Тирпиц» сумеет связать боем силы

эскорта, а «Лютцов» и «Адмирал Шеер» тем временем успеют превратить караван в горящие обломки. Подводная эскадра (в 23 единицы) по плану должна добить; совместно с авиацией, корабли PQ-17…

Между прочим, остался в тени истории тот человек (или группа людей), благодаря которому (или которым) германскому флоту было известно почти все об обстановке в Исландии. Адмирал А. Г. Головко высказывает предположение, что разведка Канариса. работала даже в Управлении британского флота…

Возможно!

Кто он был? Предатель? Болтун? Опытный шпион? Этого мы не знаем. Но он был…

Может, из окна исландского коттеджа, развернутого фасадом на Хваль-фьорд, он пересчитывал корабли союзных эскадр, а потом спокойно отправлялся в порт в до вечера чистил рыбу. Адмирал Канарис забрался и в эту страну, расположенную на самом краю света. Гитлеровская пропаганда здесь процветала. Исландская молодежь бесплатно училась в германских университетах. Некоторым исландцам, этим «провинциалам» Европы, глубоко импонировало то обстоятельство, что нацисты выводили

свою историю из древних мифов Скандинавии, таким образом, черный мундир эсэсовца их не страшил…

Во всяком случае, Канарис знал многое из того, что творится в Исландии, этой главной перевалочной базе между Западом и Востоком. А караван — это тебе не иголка. Не спрячешь! Под боком Шнивинда сейчас вовсю громыхали штабные телетайпы, фиксируя поступающую с моря информацию. Внимание германских адмиралов было устремлено строго на север — к самой кромке паковых льдов. Туда, где раньше плавали только герои-одиночки!

Это было горькое время, когда мы отступали…

***

Полезно напомнить, что отступала не только наша армия. Через пустыни Африки спасалась к Нилу от танков Роммеля разгромленная армия англичан, а на Тихом океане, через гряду атоллов и коралловых рифов, словно волна цунами, откатывалась — вплоть до Австралии! — морская пехота США, которую нещадно избивали японские самураи… Мы, читатель, слишком часто вспоминаем наши неудачи, но иногда не мешает освежить в памяти, как драпали от немцев и

японцев наши союзники!

Хроника ТАСС за июнь 1942 года скупа и деловита, но за ее кажущейся сухостью мы чувствуем биение пульса всего мира. Ощущение такое, будто просматриваешь старый документальный фильм, до предела насыщенный борьбой, ужасами, победами, поражениями и опять победами…

Хроника ТАСС

10 — На харьковском участке фронта немецко-фашистские войска начали наступление.

Германские власти в Праге объявили о полном уничтожении чешского поселка Лидице, вблизи Кладно, в качестве репрессии за убийство Гейдриха.

11 — Широкое наступление югославских партизан в Боснии.

14 — День Объединенных Наций. Народы всех стран, ведущих борьбу против агрессии, продемонстрировали свою солидарность. В Лондоне и Нью-Йорке состоялись торжественные шествия.

19 — Германские оккупанты отдали приказ о выселении французского населения с побережья Северной Франции.

20 — На Севастопольском фронте напряженность боев усилилась ввиду того, что немцы

ввели в бой новые части.

Тобрук в Африке капитулировал; в плен немцами взято 25 тысяч британских войск.

23 — Совинформбюро констатирует провал расчетов германских империалистов на военно-политическую изоляцию СССР.

25 — Генерал Эйзенхауэр, командующий американскими войсками на европейском театре войны, прибыл в Англию.

26 — Воздушный налет 1000 английских самолетов на германский порт Бремен, английские потери — 52 самолета.

27 — В Москве подписано соглашение между СССР и Великобританией о финансировании поставок и другой военной помощи британского правительства советскому правительству…

***

Именно в этот день (27-й день июня) караван PQ-17 и должен был тронуться в рискованный путь. Сейчас эта скорбная дата уже принадлежит истории. Она достойна того, чтобы в летописи событий того времени ее заключали в траурную рамку.

ТВЕРДАЯ ПОЗИЦИЯ

Не меркнет проклятое солнце над горизонтом, затихло и море!

Такая погодка на руку врагу, только не нам… Для нас был бы хорош полный мрак, да еще штормяга! А здесь, в райской штилевой тишине, какая редко выпадает в этих широтах, не смей перископа высунуть… Однако позиция, есть позиция, и ее надо нести. И — несли.

Мы приближаемся к одному из ответственных моментов нашей истории, а для этого следует хоть краешком глаза заглянуть внутрь того корабля, который во многом решит судьбу дальнейших событий.

Вот они — рыцари дальних коммуникаций: шесть торпедных труб в носу, четыре — в корме; две солидные пушки калибром в 100 мм да еще две «сорокапятки». Таково было вооружение наших подводных крейсеров, которые плавали под литерами «К» (обычно моряки называли их «катюшами»). Корпуса этих лодок, вобравших в себя все лучшее от конструкции старых типов, были такой поразительной прочности, что в шутку на

«катюшах» офицеры иногда говорили так:

— При виде противника — идем на таран!..

«К-21» вышла в море уже давно (еще 18 июня) под командованием Николая Александровича Лунина.

Он родился в Одессе над самой Арбузной пристанью, и возле колыбели его качалось синее море. Начинал службу матросом, управлял парусником «Вега», командовал танкерами и... стал подводником! Теперь у Лунина любимая присказка: «Плавать без дураков». В подводной войне успех или поражение решают подчас доли секунды, отчего Матросы на «К-21» отрепетировали управление техникой до автоматизма. Один журналист во время войны писал, что трюмные машинисты даже во сне шевелили руками, управляя клапанами — на погружение, на всплытие. Таких сразу будили, говоря им:

— Очухайся, комик! Ты же не Чарли Чаплин в «Новых временах».

Здесь, в насыщенной механизмами тесноте, где борта заметает изморозью, здесь бытует жестокий закон, облаченный в легкую тогу моряцкого юмора:

«Один неверный жест — и уже никто не принесет цветов на нашу братскую могилу...»

Лунин был из плеяды славных «щукарей», и его «Щ-421» имела семь боевых побед. На «К-21» он заменил прежнего командира А. А. Жукова, который иногда злоупотреблял «наркомовской нормой». И хотя водка входила в постоянный рацион подплава, а люди не безгрешны, но такие случаи, как пьянка, на подплаве не прощались. На подлодках Северного флота признавался только один вид «запоев» — это запойное чтение. Пройдись из отсека в отсек, когда лодка на глубине или ее валит с борта на борт в позиционном положении, и всюду ты увидишь подвахтенных с книгами в руках. Они уходили держать позицию, забирая с собой, наравне с торпедами, целые библиотеки. Механики даже были озабочены этим: «Скоро у нас книги будут входить в расчет аварийного балласта!» Матрос, который не любил книг, считался непригодным для несения службы на боевых подлодках.

— Читай, балбес, — говорили ему с презрением.

— Не хочется, братцы…

— Ну тогда жди — без книг скоро спятишь!

«К-21» несла вахту во вражеских водах, возле острова Игней, но торпеды не израсходовала — не было достойной цели.

— Ну и позиция выпала, — говорили матросы. — Хоть ты тресни, а никак сухаря не размочить…

Позиция казалась безнадежной: ни один корабль противника не вылезал из фиордов. В один из дней, когда лодка шла под дизелями, работавшими в режиме «винт-зарядка» (сообщая ход лодке и заряжая батареи), Лунин спустился из «лимузина» мостика внутрь крейсера. Наверху остались нести вахту офицер и четыре сигнальщика. Линзы их биноклей, прикрытые от солнца светофильтрами, следили за всем, что окружало лодку по горизонту. Разглядели чемодан с ручкой, плывущий в океане по своим чемоданным делам, будто так в надо.

Никто даже не удивился.

— Это еще ерунда, — говорили. — А вот на «К-22», где Котельников командует, там портрет Гитлера видели».

— Где это они сподобились?

— В море, конечно, где же еще? Большой был, говорят. И рама дубовая.

Плавал встояка. Чтобы всем видно. И, как положено хорошему г…., не тонул…

А. А Жуков впоследствии зарекомендовал себя отличным командиром тральщика. Но при первом боевом выходе, когда на его тральщик на-

валились самолеты противника, он по привычке скомандовал, как на подлодке; «Всем — вниз! Срочное погружение!»

Совсем неожиданно с мостика прозвучал голос:

— Передайте командиру, просьбу выйти наверх…

Форма обращения — по уставу. Но уставная форма сейчас (в дни войны) прозвучала как излишняя вежливость. Уже изрядно обросший за время похода бородой, Николай Александрович Лунин нахлобучил шапку (ее звали на лодке «шапкой-невидимкой») я полез по трапу наверх, ворча себе под нос:

— Ну, что там у них еще случилось?

В центральном посту остался инженер-капитан 3-го ранга Владимир Юльевич Браман, который уже давно был флагманским специалистом, но по доброй воле потел на понижение в должности, чтобы лично участвовать в боевых операциях (два ордена Ленина и три Красного Знамени — такова оценка его как инженера-подводника) …

Отряхивая брызги, по трапу вдруг кубарем посыпались сигнальщики. Сверху послышался голос Лунина:

— А, черт бы тебя побрал с твоей вежливо-

стью!

Прерывисто квакал ревун, возвещая: «Всем вниз! Срочное погружение».

Оказывается, самолет врага, появясь внезапно, сделал над лодкой «свечку» для пикирования. Дизеля — на «стоп». Муфты переключены. Двери задраены. Кто не успел добежать до своего места, оставался там, где его застало кваканье ревуна. Еще один жест руки (ставший уже автоматическим), и после стукотни дизелей лодку заполнило ровное гудение мощных электромоторов.

Самолет врага сбросил бомбы. Раздутые бока «К-21» быстро заглатывали воду океана. Крейсер проваливался в глубину. Ощущение такое, будто людей спускали в быстроходном лифте: палубу так и уносило из-под них! Бомбы взорвались рядом.

В боевой рубке Лунин отчитывал офицера:

— А ты что думал? Немец в самолете моей бороды испугается? Надо не меня наверх звать, а самому отрабатывать срочное погружение. Что ты меня звал?

Или я самолета в жизни не видел?..

Затем — команда:

— В отсеках осмотреться…

Браман сразу заметил, что лодка ведет себя

неустойчиво. «К-21», как говорят подводники, «намокли». Что-то стряслось в цистернах. Появился дифферент, от которого жди любой беды: электролит выплеснет через края баков, торпеды могут сдвинуться в аппаратах или выльется масло из подшипников. Лунин выслушал доклад Браманах — Лодка плохо держит глубину. Она движется по синусоиде с дифферентом на корму. Цистерна срочного погружения самопроизвольно заполнилась забортной водой…

Николай Александрович на это ответил:

— Обычно с такими повреждениями лодке можно возвращаться с позиции, и никто нас на базе не упрекнет. Но у нас еще ни одна торпеда не израсходована по врагу, и… с какими глазами мы вернемся? Давай, Владимир Юльевич, собери своих ребят и думайте.

Штопоры винтов буравили толщу океана, толкая крейсер в темной глубине.

Лунин отвел глаза от стрелок тахометров, мягко дрожавших под стеклом, и сказал комиссару Лысову:

— Браман сделает… Я же знаю, каковы у нас специалисты! Недаром команды с британских лодок даже наших простых матросов считают переодетыми инженерами… Сделают ребята!

Шли в режиме ста оборотов. Воздух внутри лодки был вполне сносен.

Влажность нормальная. Но знобящая глубина полярного океана уже объяла корпус крейсера, и стало холодно. Лунин натянул перчатки, его ладони плотно обвили каучуковые рукояти зенитного перископа. Глаз командира ослепила синяя вспышка — это значит, что высоко над ними верхушка перископа проткнула море.

— Улетели, паршивцы, — сказал Лунин, оглядывая небо; опустил зенитный перископ, поднял командирский. — И горизонт чистенький. Подвсплыть нам, что ли, комиссар? Давай продуемся…

С сильным помпажем, похожим на взрывы, воздух вышибал прочь воду. Палуба стала давить матросам в подошвы: подъем! Лунин накинул реглан, выбрался через люк в мокрый «лимузин», где только что все было залито водой. Вода еще жила здесь, перекатываясь под ногами звенящими струями. Нос «К-21» мерно вздымало на волне, море билось пеной в решетках и в шпигатах. А ствол пушки кивал океану грозно-сосредоточенно…

Браман вскоре доложил свои технические соображения. Ремонт цистерн в боевом походе

— случай, конечно, исключительный, почти небывалый в походной практике… Браман сказал:

— Лодка «намокла», сначала нам надо ее облегчить. — Он предложил откачать за борт всю пресную воду — Это уже двенадцать тонн. Да еще восемь тонн смазочных масел. А ничего другого тут не придумать…

Лунин задумчиво поскреб свою бороду, оглядел океан:

— Вода-черт с ней! — сказал он. — Будем хлебать воду из опреснителей… не подохнем! Но вот масло? Оно оставит такое пятно, что размаскирует нашу позицию…

***

Вспоминая об этом случае, В. Ю. Браман пишет: «Вынуждены были совершить, с точки зрения подводников, совершенно непозволительный акт — оставить в море колоссальное масляное пятно. Но другого выхода у нас в то время не было. Мы должны были остаться в море на боевой позиции…»

Усиленный воздушный барраж, который вел в эти дни противник над своими же коммуникациями, наводил командира на размышления. 48 раз

крейсер был вынужден уходить на глубину — 48 самолетов с ревом неслись над его перископами. И вот, как назло, сдала цистерна. Именно срочного погружения!

А загнать лодку под воду не так уж просто, как это кажется. Если же перебрать балласта, то она камнем провалится на критическую глубину, чего тоже следует опасаться: где ляжешь — там и останешься!

— А самолеты неспроста, — сказал Лунин комиссару.

— Думаешь, что немцы скоро караван здесь протащат?

— Ну, караван не караван, а какая-нибудь зараза с наглой мордой вылезет на свежий морской воздух… Надо выходить на связь с базой. Доложим, что здесь позиция мертвая. Может, нас куда-либо переставят на живое место.

Оперативникам виднее.

Лунин заметил закономерность в появлении вражеских самолетов над морем: они вели поиск в 8, 16 и 24 часа, как правило, появляясь от Альтен-фьорда…

— Штурман! — велел Лунин. — Ну-ка, возьми пеленги на эти самолеты, положи их на карту, и тогда по направлению мы узнаем, какой район

моря интересует разведку противника…

Враг выдал сам себя; было ясно, что где-то здесь должны пройти корабли противника. К этому времени Браман с трюмными специалистами закончил переключение цистерн: отныне «К-21» с испорченной цистерной срочного погружения могла срочно погружаться.

— Обошлось без завода. Сами… Принимайте работу.

— По местам стоять, — к погружению. Флага не спускать!

Надсадно разрывая тишину, опять квакал ревун, хлопали стальные пластины дверей и клинкетов. Дизеля разом заглохли, со стоном провернулись моторы.

Крейсер с развернутым флагом падал во мрак океанской ночи на полной скорости, охватываемый пучиной — властно и всеобъемлюще.

— Прекрасно! — сказал Лунин, следя за стрелкой. Лодка быстро набирала глубину. — Будто сошли со стапелей…

Двадцать седьмого июня «К-21» получила радиограмму. Штаб флота передал приказ переменить позицию, продвинувшись к острову Рольфсей, и — ждать! А при встрече с противником — атаковать! Подобный приказ касался

не только лунинской лодки: Северный флот уже начинал развертывать свои силы для встречи каравана PQ-17, чтобы заслонить союзные корабли от нападений противника. Наши лодки должны были перехватить врага вблизи его берегов, а дальше — уже в открытом океане — протянулась вторая «завеса» из 9 английских подлодок…

Все, что произойдет далее, случится уже не по нашей вине. Северный флот свой союзный долг выполнит.

Враг обречен.
Идем сквозь сталь и пламя,
Пускай бомбят.
Посмотрим, кто хитрей.
И нет нам почвы тверже под ногами,
Чем палубы подводных кораблей.

Обычная жизнь течет по расписанию, включенная в жесткий корабельный график. Жизнь по звонку, по радиотрансляции, по сигналу ревуна. Обычные разговоры — деловые и краткие. В боевой рубке Лунин собрал всех офицеров, предложил каждому высказать свое мнение о поставленной задаче — честно и открыто, без излишних лавирований.

Согласно старинной традиции русского флота, сначала всегда выслушивалось мнение младшего. Первым говорил фельдшер-лейтенант Петруша, и хотя он только медик, но его тактические соображения были выслушаны со всем вниманием.

А сам командир Лунин говорил последним.

— Я принял решение искать врага в надводном положении, погружаясь лишь для отдыха команды. Для нас это, конечно, опаснее. Но зато с мостика мы увидим врага скорее, нежели через перископ. В любом случае, даже из-под воды, мы обязаны услышать или увидеть противника раньше, нежели он обнаружит нас. Если этого не случится, мы не моряки, а шляпы! — сказал Лунин. — И хочу предупредить вас, товарищи, что атака состоится, если даже потребуется всплыть на виду у всей фашистской эскадры… Я сказал.

Благодарю вас всех за ваши мнения, которые и помогли мне прийти к таким вот выводам! Можете расходиться…

Воды океана но курсу «К-21» были пока пустынны. Только однажды попался спасательный плот ярко-оранжевой окраски. Людей не было на этом надувном плоту, но лежали там три пакета в герметической упаковке. Когда их вскрыли в

матросском кубрике, оттуда посыпались: шоколад — голландский, коньяк — французский, сгущенка — датская, спички — шведские, ракетница — чешская, а сигареты — турецкие. Была еще бутылка минеральной воды из Висбадена да лекарство фирмы «Бауэр» (для поддержания деятельности сердца при резком охлаждении организма).

— Никаких национальных знаков на плоту не было, — сказал матросам комиссар Лысов. — Вот вам, ребята, политическая задача. Угадайте: чей это был плот?

— Загадка детская. Мы знаем, кто ограбил Европу!

ХВАЛЬ-ФЬОРД

Исландия издавна была полуколонией Дании, а Дания, попав под гитлеровскую оккупацию, сама стала немецкой колонией (уже безо всяких «полу») « Но как только фашисты, захватили Данию, так сразу же англичане захватили бесхозную Исландию. Потом на смену англичанам пришли сюда американцы, и тогда Исландия была превращена ими в свой „не тонущий авианосец“. США имели уже немалый опыт по созданию в условиях Арктики гаваней и аэродромов. Война проходила как бы мимо Исландии, но своим черным крылом она задевала и эту далекую страну. Сначала англичане, а теперь американцы в свободное от службы время усиленно обольщали исландских женщин, что — не менее усиленно!

— поощрялось самой Исландией, нуждавшейся в рождении большего числа граждан, чтобы заполнить безлюдность острова. Несмотря на эту «интимность» отношений, население Исландии смотрело на союзников как на незваных пришельцев. Никакие «вечера дружбы», где танцевали, и никакие джазы, составленные из

матросов, тут не помогали!

С весны 1942 года глубокий Хваль-фьорд, расположенный чуть севернее столицы Рейкьявика, стал местом сборища кораблей для отправки грузов в СССР. В далекий путь по маршруту PQ-17 собирались 37 транспортов, больше половины из них шли под флагом США, остальные английские, голландские и Панамские. Команды были смешанные — до 17 национальностей на борту одного корабля. Пока же караван формировался, пока волокитничали в штабах, пока составляли эскорт, пока ждали из США авианосец, а из Англии подхода эскадры во главе с адмиралом Товеем, экипажи транспортов ничем путным не занимались. В котловину скалистой бухты, названной англичанами Долиною кузнеца, прямо в туман и в яркое солнце рушилась с утра до позднего вечера музыка корабельных трансляций, а с берега ее заглушали мощные репродукторы, установленные на крыше неопрятного барака «Христианской ассоциации свободной молодежи»:

Вы слышите — это не джаз, Это горнисты трубят нам приказ.

Здесь вы на вахте, мистер Рэд, Здесь телефонов личных нет.

Завтрак в постели, на кухне газ — Эти блага теперь не для нас…

Брэнгвин здесь — в Хваль-фьорде — впервые увидел русских. В составе конвоя PQ-17 были два советских корабля: «Донбасс» и «Азербайджан».

Брэнгвин поразился тому, как много в их командах женщин. Хриплый Дик, уже однажды прошедший на PQ-13 до России, объяснил ему, что это совсем не жены моряков.

— Когда станем выбирать якоря, вот увидишь, как эти бабы начнут ловко орудовать на стопорах и со швартовыми, будто это кастрюльки и дуршлаги. А груди у них — во какие! — И боцман отвел руки от себя примерно на два фута…

Делать в фиорде было нечего, и команды транспортов с утра уматывали на автобусах в недалекую столицу.

В одном из портовых баров Рейкьявика, сам того не ожидая, Брэнгвин вдруг встретил приятеля Сварта.

— А ты почему здесь околачиваешься?

Сварт был немного смущен при этой встрече:

— Знаешь, я тогда полаялся со своей стервой. Долго думал, чем бы ей отомстить, и решил зафрахтоваться куда-нибудь к чертям поближе: пусть она мучается, вспоминая. А доллары тоже

не помешают… Но я не дурак, как тебе известно, и нанялся в рейс только до Скапа-Флоу… Чего ты смеешься?

— Ты здорово промахнулся дверью, Сварт.

— Да нет… Мы сюда, забрели совсем случайно.

— Ты разве не на танкерах? — спросил его Брэнгвин.

Сварт даже обиделся:

— Я еще с ума не сошел, чтобы плавать сейчас на этих зажигалках, на которых и без войны-то никогда никто не знает, где можно выкурить сигарету.

Стооктановый бензин для самолетов — с этим «брэнди» лучше не связываться!

Нет, — закончил Сварт, почти довольный, — я пришел сюда на бывшем банановозе: турбинный ход и два дизеля, как в раю у всемогущего бога!

Брэнгвин откупорил бутылку и налил Сварту пополнее.

— Ты всегда умел устроиться лучше меня. На турбинах вы удерете от Гитлера, а нас — на индикаторных — он словит за хвост!

— Это верно: у нас скорость — ноздря в ноздрю с немецкими подлодками, когда они шпарят над водой. Брэнгвин, скучая, зевнул. Оглядел галдящий бар.

— Вон там, — заметил, — двое британцев, кажется, затевают драку с нашим электриком… Не пойти ли мне помочь ему?

— Погоди. Успеешь.

— Если не сейчас, то будет уже поздно…

Когда Брэнгвин пробился через матросов, электрик уже валялся на полу с пробитым черепом. А двое британцев в широких клешах покручивали в пальцах большие бутылки из-под виски.

— Это разве твой молочный брат? — спросили они Брэнгвина.

— Я не пил с ним молока.

— А тогда чего ты вступаешься?..

Брэнгвин уложил первого страшным ударом в челюсть. На второго прыгнул, визжа индейцем, и сшиб ударами ног — лепешкой тот вклеился в стойку бара.

Электрик сел, ощупывая свою голову.

— Кажется, русские обойдутся без меня, — сказал он… — Три лишних слова и одна бутылка завернули мою судьбу обратно…

Брэнгвин посадил раненого в такси, сказал шоферу:

— Туда же, куда и всех… до Хваль-фьорда, не дальше!

После чего вернулся за стойку и спросил:

— Слушай, Сварт, а ты и правда рассчитываешь смыться?

— К тебе сзади, — ответил Сварт, — заходят сразу пятеро.

— Кто они? — спросил Брэнгвин, не оборачиваясь.

— Это ребята с «Лондона», что вчера стал на рейде. И сейчас они тебе покажут, как надо уважать Home Fleet…

Брэнгвин развернулся лицом к драчунам с крейсеров.

— Ну что, консервные ребята? — подзадорил он англичан. — Как вам нравится американская сельдь в томате, которую вы жрете согласно ленд-лизу?..

Очнулся он от голоса своего друга.

— Такси подано, — сказал ему в ухо Сварт…

Потом трое суток Брэнгвин валялся в каюте, а Хриплый Дик уснащал его лицо примочками собственного изготовления.

— Кажется, пойдем двадцать седьмого, — передавал он новости. — Электрика уже списали с сотрясением мозга… Великолепный праздник. День независимости нации, будем отмечать в море. Представляю, какой сумасшедший фейерверк устроят нам немцы!

На соседнем транспорте начался очередной бунт команды. В белых шлемах, опоясанная белыми ремнями, там белыми дубинками уже вовсю трудилась судовая полиция, загоняя матросов в тесноту трюмов. Теперь их будут держать взаперти, пока корабль не выйдет в море… Брэнгвин в иллюминатор видел мощный линкор «Вашингтон», на юте которого, под разворотом башен, с песней строилась бравая бейсбольная команда; далее угадывался силуэт крейсера «Лондон» под вымпелом сэра Хамильтона. С рейдов Хваль-фьорда, взметая тучи брызг, поднимались в небо крутобокие «каталины»; однажды стали звонко хлопать зенитки.

— Говорят, — сообщил боцман, — сегодня летал «адольф».

— Откуда он взялся? Разве у немцев есть авианосцы?

— Да нет. Но ходят слухи, что «адольф» построил тайные аэродромы на Шпицбергене. В море сейчас погано. Говорят еще хуже: будто у немцев имеются секретные стоянки для подлодок на Земле Франца-Иосифа и даже на русской Новой Земле…

Скоро прислали нового электрика — Сварта; печальный, он втащил в каюту длинный, как

колбаса, мешок с вещами.

— Твой корабль, — сказал Брэнгвин, — кажется, назывался «Винстон-Саллен»… где же он?

Не отвечая, Сварт разбирал вещи из мешка. Из банки с кофе он вынул черного, всего в кофейной пыли, таракана.

— Бедный мой! Неужели ты, бродяга, плывешь со мной от самого Галифакса?..

Вот ему можно позавидовать, — сказал Сварт, пустив таракана гулять по переборкам. — Вот его никто не обманывает…

— Тебя обманули, Сварт?

— Конечно! Я шел только до Скапа-Флоу, потому что я не последний мужчина и такому всегда нужны деньги. И сам не пойму, как забрались в этот холодильник. Теперь вдруг узнаю, что мой паршивый банановоз, загруженный танками, тоже идет в Россию. Меня обдурили ради секретов военного времени… Ну, не сволочи ли все эти люди в мундирах? И я решил: лучше уж буду рядом с тобой… Здравствуй, Брэнгвин!

— Здравствуй, Сварт… Но тебя никто не обманывал. Корабельные пути во время войны неисповедимы, как и пути господни. Сварт! Вон крючок — можешь вешаться сразу. Но даже твой труп все равно поплывет до Мурманска.

— Выходит, что идиоты растут не только в Техасе, — ответил Сварт. — Что я там не видел, в этом русском Мурманске? Может, ты думаешь, нас там ждут? И поставят выпивку?

— Ждут, Сварт, и поставят нам выпивку, Сварт, это верно. Пойми: не мы первые, не мы последние. Война продолжается, и Россия еще долго будет воевать… Если мы даже отправимся на дно, все равно: караваны поведут другие. Как-нибудь проскочим, — утешил его Брэнгвин. — Эскорт у нас что надо! Одна бейсбольная команда с «Вашингтона» берется со своими битами гнать «Тирпица» до самого Берлина… Дай-ка сюда бутылку.

Брэнгвин отпил виски и заткнул бутылку пробкой.

— А тебе не стоит, совсем раскиснешь… Вон наш старый Дик: второй раз шлепает в Советы, и ничего: у него пятки и затылок в порядке… Не возьмешь ли ты пример с него, Сварт?

— Дерьмо! — ответил ему Сварт и лег на койку.

***

Двадцать седьмого июня под яростным проливным дождем караван PQ-17 тронулся в путь.

На кораблях эскорта долго трубили медные боевые горны.

Один очевидец оставил нам запись: «Словно большая стая неряшливых уток, корабли миновали боны, следуя в океан. Никаких почестей и салютов уходящим не оказывали. Но все до единого, кто провожал корабли в этот путь, каждый молча благословил их». Была как раз молитвенная суббота…

После выбирания якорей Брэнгвин заступил на вахту. Отлично выбритый, по-мальчишески дурачась на трапах, на мостик поднялся штурман. Он весело сообщил:

— Имею неплохую новость, Брэнгвин.

— Мне позволено знать ее, сэр?

— Конечно! В этом году прекрасная ледовая обстановка. Граница паковых льдов отодвинулась намного дальше, и мы пойдем вокруг Исландии, огибая ее с севера. А это безопаснее для нас… Вы не находите, Брэнгвин?

Тяжело взрывая воду винтами, следовал в лучистый океан британский линкор «Дюк-оф-Иорк»; за ним, вкруговую вращая громадные крылья радаров, удалился американский линкор «Вашингтон»; высоко неся взлетную палубу, с шумом пролетел авианосец «Викториуз». Это были силы главного прикрытия, которые пойдут теперь в отдалении от каравана, всей своей мощью вселяя

спокойствие в души слабых.

Брэнгвин поплевал на ладони, чтобы удобнее было держать рукояти штурвала.

— Никогда, сэр, — сказал он, — я не испытывал особого почтения к этим джентльменам-линкорам, на которых полиции полно, как на Бродвее. В церкви там идет служба, скупердяи матросы сдают деньги в банк, а лавки торгуют конвертами, расческами и презервативами. Все линкоры кажутся мне плавающими казармами, только без окошек. Я много бы дал, чтобы посмотреть, как они тонут. Ох, и пузырей же после них, наверное!..

— А вам не хочется домой? — вдруг спросил штурман.

— Сэр! — отвечал Брэнгвин, задетый за живое. — Если бы я хотел сидеть дома, я бы не выбрал профессии, которой сейчас горжусь. Так уж случилось, что мне с детства не сиделось у родного порога...

На кораблях разом защелкали наружные динамики общего оповещения. Нервы многих тысяч людей довольно напряглись, ибо из этих рупоров человек редко слышит что-либо приятное... Сейчас ошарашат их всех каким-нибудь «Тирпицем».

— Доброй удачи всем нам! — возвестили динамики, трясясь над мостиками кораблей. — Задраить люки, клинкеты и горловины, проверить крепления трюмов. Мы выходим в открытое море, и… да благословит нас всемогущий бог, наш заступник!

— Выходит, линкоры уже не заступники, — хмыкнул Брэнгвин. — Я так и думал: на эти казармы рассчитывать не стоит.

Три часа хода, и штурман оторвал листок календаря. Он упорхнул из пальцев в иллюминатор. Первый день умер. Следующий день возник. Так будет всегда, пока человек жив.

За день до этого Шнивинд сказал:

— Эфир возле Рейкьявика подозрительно затих, зато сразу оживилась работа русских радиостанций возле Мурманска. Кажется, выбирают якоря. Теперь надо подождать, когда PQ-17 сам проболтается о себе…

Ждать ему пришлось недолго. При построении каравана в походный ордер один корабль коснулся банки, не отмеченной на картах, и получил пробоину. Боясь, что в тумане никто не заметит его аварии, он панически выпалил в эфир пышный букет сигналов бедствия, которые тут же перехватили немецкие радиостанции Тромсе и

Нарвика.

— Вот и все! — сказал Шнивинд, срывая с телетайпа донесение об этом случае. — На первое время мне больше ничего не нужно от них. Но они уже в моих руках…

КОНТАКТЫ

Английские корабли тогда много проигрывали по сравнению с американскими.

«Владычица морей» имела неумытый вид. Борта грязные, вооружение устаревшее, всюду ржавчина, матросы расхристаны, словно пираты, тайком от союзников применялись телесные наказания (удары плетью по обнаженным ягодицам).

Американский флот, напротив, имел ухоженные суда с мощным новейшим оружием.

Матросы США с непокрытыми головами шлялись по мостикам в легкомысленных безрукавках. Правда, что в любых условиях американцы не забывали о сервисе — белоснежные стюарды обходили с подносами боевые посты, разнося вахтенным горячий кофе, виски, печенье…

Северный флот, в отличие от других флотов нашей страны, был в постоянном контакте с союзниками. Англичане сходились с нами туговато. Зато американцы, наоборот, сразу шли запанибрата и, как волки, кидались на наш черный хлеб, который им безумно нравился. У пирсов Подпла-

вав Полярном базировались английские лодки -«Тайгрес», «Трайдент», «Сивулф» и «Силайэн».

Надо думать, что Британское адмиралтейство послало к нам не худшие свои лодки. Это были корабли с очень опытными, мужественными командами.

Настроены же они были не особо дружески, что не мешало им стоять борт к борту с нашими «зеками», «щуками», «малютками», «декабристами» и «катюшами».

Время от времени союзные лодки уходили на отдых в Англию, а возвращались с новыми экипажами. Один из английских офицеров за выпивкой с нашими подводниками случайно проговорился:

— Пусть это останется между нами, но мы ходим сюда не воевать, а изучать ваш театр… Потому и меняют экипажи, чтобы побольше людей освоило ваши условия!

С самого начала войны подлодки Северного флота вели активную жизнь на позициях и не имели потерь. К весне 1942 года противник оправился, резко усилил противолодочную оборону, и для нас наступил тяжелый период. Люди всегда остаются людьми, каждый хочет победить и выжить при этом, а теперь, когда шесть лодок

подряд ушли за горизонт и навеки остались там, за этим горизонтом, — теперь каждый невольно задумался: «Оказывается, враг может топить и нас. А мы-то думали, что сами останемся неуязвимы...» Вице-адмирал Головко отметил в своем дневнике: «Все это сказывается на умах в бригаде.

Командиры приуныли». Командир бригады Подплава И. А. Колышкин также отмечает, что «впечатление, которое произвели на подводников первые боевые потери, не следует преуменьшать». Но вся горечь этих поражений скоро переплавилась в ненависть к врагу, и над пирсами Подплава, как всегда, торжественно звучали слова:

— Сходню убрать... отдать носовые!

В эти дни на пороге кабинета вице-адмирала Головко появился британский военно-морской представитель в Полярном, контр-адмирал Фишер, сменивший на этом посту Бевана, и спокойно доложил, что караван PQ-17 уже находится в пути.

— Можете быть уверены, — отвечал ему Арсений Григорьевич, — что наш флот сделает все от него зависящее, чтобы PQ-17 не пострадал от противника.

Выходы в океан мы преградили немцам, насколько это возможно. Помимо подводной «завесы», опущенной нами перед норвежским побережьем, мы усилили и воздушные эскадры… Вот, пожалуйста: готовы к старту в любую минуту сто девяносто один истребитель, шестьдесят девять бомбардировщиков и двадцать семь самолетов-разведчиков…

— Это замечательно! — И Фишер откланялся…

После ухода атташе Головко встретился с членом Военного Совета флота дивизионным комиссаром А. А. Николаевым.

— Как дела, Арсений Григорьевич?

— Да неважно… Две наши лодки опять молчат. В эфир не выходят. Позывные без ответа… Печально! Очевидно, немцы в своей обороне стали применять какие-то методы, которые нам не до конца известны… А что Кучеров? Были у него? (Кучеров — начальник штаба Северного флота.)

— Заходил, Как всегда, работает.

— У него, конечно, все готово к встрече PQ-17?

— Да, все… Ему надо связаться еще с Беломорской флотилией. Пусть она протралит фарватеры Северной Двины.

— Это к делу! Может, там и завалялась неконтактная мина… Ну, пойдем, — поднялся Головко,

— проводим людей. Никто не знает, увидим ли мы их снова…

На причале подводники выпивали последнюю чарку вина. Тост был характерный для того времени:

— Выпьем за то, чтобы количество наших погружений равнялось количеству наших всплытий…

В полдень 30 июня, еще не обнаруженный немцами с воздуха, караван PQ-17 миновал остров Ян-Майен, нелюдимо застывший в океане где-то посередине между Гренландией и Нордкапом.

Шнивинд и гросс-адмирал Редер, два старых лошака в одной гитлеровской упряжке, были солидарны в том мнении, что мысли фюрера о морской войне не стоят и пфеннига. Его боязнь авианосцев просто смехотворна! Сейчас на базах в Норвегии было заранее сконцентрировано 16000 тонн нефти, и это внушало чувство уверенности в исходе операции.

— Игра началась, — рассуждал Шнивинд. — Операция «Ход конем» не может знать срывов, ибо все продумано до конца. Памятник доблести нашего флота после войны поставят, конечно, не в Киле или в Гамбурге — место ему на скале Нордкаца!

Шнивинда пугали сейчас не английские авиа-

носцы, а, скорее, авиация Геринга. Горький опыт содружества флота с люфтваффе приучил немецких моряков бояться своих самолетов. Хваленые асы Германии совсем не умели отличать корабли противника от своих кораблей и, топя их столь жестоко, что, если оставался в живых хоть один человек из команды, то и тогда Редер с ядом говорил Герингу:

— Большое спасибо от флота, рейхсмаршал!

(Примерно такое же положение сложилось я на флоте США: немало американских кораблей и моряков погибли под бомбами и торпедами, сброшенными на них своими же самолетами. К великому прискорбию, на Северном флоте в конце войны, по халатности штаба авиаполка, была потоплена гвардейская подлодка «Щ-402.» (командир-капитан 3-го ранга А. М. Каутский).)

Сейчас, чтобы пилотам все стало ясно, Шнивинд велел спешно красить на крейсерах орудийные башни в отчетливый рыжий цвет, а на палубе «Тирпица» малярная команда рисовала гигантскую свастику — черно-бело-красную, чтобы ее сразу заметили с неба…

Редер из Киля запросил метеосводку.

— Отвечайте ему, — велел Шнивинд, — что в океане держится туман, как сливки. Мы не можем

увидеть караван с воздуха. Однако синоптики пророчат в скором времени прояснение…

Самолет германской разведки вслепую оторвался от поля аэродрома. В полете — прямом, как полет одичалой вороны, — он стал опустошать привязные бензобаки. Высосав горючее до дна, самолет бросал баки в океан; по инерции они еще долго летели рядом с крылом, потом, плавно оседая, начинали свое падение в бушующее море. Баки были устроены так, что сразу же тонули: никаких следов в море: «Нет, здесь никто не пролетал!»

— Еще туман… туман, — докладывая пилот. — Вот уже лечу в разреженном. Вы меня поняли? Я говорю — здесь уже чище… Да, да! Скоро увижу караван… Вот он, я увидел его! Контакт есть… — .

— Облетайте караван по кругу, — приказали из Нарвика.

Как это бывало не раз, англичане вступили в радиопереговоры с самолетом противника. Обычно начиналось состязание в остроумии, и пальма первенства не всегда доставалась Англии.

— Эй, парень! — кричали радисты кораблей. — У нас закружилась голова от твоих петель. Покрутись немного обратно, чтобы у нас раскрутились шеи…

— Потерпите, — вежливо отвечал с неба немец. — Я не стану вам долго мешать. Сейчас улечу обратно, а вы ждите моих приятелей. Они уже начисто открутят вам головы.

Юмор неважный… А самолет-разведчик уже принес смерть!

Полет этот был проделан немцами в полдень 1 июля.

Теперь, когда конвой обнаружен, англичане решили, что сохранять радиомолчание бессмысленно. Эфир взорвало каскадами длинных передач по нескольким адресам сразу. Немецкие перехватчики трудились в поте лица, все текущее с моря немцами тут же расшифровывалось (это был большой успех фашистской криптографии)…

— Спасибо англичанам за их внимание к нашим заботам, — сказал Шнивинд. — Теперь все пойдет гораздо проще. Пристегивайте к этим болтунам наши подлодки.

С моря подошли германские субмарины и пристроились к тылам конвоя.

Линейные силы эскадры Дж. Товея шли западнее; с лодок, помимо транспортов, видели сейчас только эсминцы сопровождения Брума; крейсера же сэра Хамильтона проходили севернее (еще

не замеченные немцами). Иногда в тумане подлодки теряли караван, но жирные пятна нефти, оставленные кораблями на волнах, и задымленная атмосфера над морем помогали немцам снова находить караван в океанском безбрежии. В штабы летели их краткие сигналы:

«06.17. Контакт потерян…»

«11.38. Контакт восстановлен…»

Шнивинд передал «волчьей стае» приказ:

— Вцепитесь в нефтяной шлейф и держитесь за него. Сейчас главная задача — не атаки, а лишь слежение. Не вступая пока в боевой контакт, не теряйте контакта визуального и акустического. Желаю удачи вам, мальчики! Сам гениальный фюрер следит за каждым оборотом ваших винтов…

«Мальчики» крепко вцепились в грязный шлейф каравана. Опытные кадры Деница уже были повыбиты — средний возраст немецких подводников составлял тогда 21 год. Их боевую подготовку нельзя было признать блестящей, но они были нахальны, напористы и безжалостны… Их длинные волосы и яркие цветные платки почему-то особенно бесили американцев. Застав какую-нибудь лодку во всплывшем положении, азартные янки кидались на абордаж. Дрались

даже ящиками и бутылками, а пылкие пуэрториканцы метали в гитлеровских офицеров ножи, словно в цирке.

Фишер снова появился на пороге кабинета Головко, и лицо британского атташе было теперь озабочено.

— Я, кажется, говорил вам, адмирал, что из Хваль-фьорда вышло всего тридцать семь транспортов с грузами.

— Да, да.

— Но, кажется, четыре уже вернулись — один из-за поломок в машинах, другие не выдержали сжатия во льдах.

— Минус четыре. Продолжают движение тридцать три?

— Да, тридцать три… Маленькая неприятность, — поморщился Фишер, прищелкнув пальцами. — Дело в том, что PQ-17 уже засекла воздушная разведка противника.

— А точнее?

— Точнее, — отвечал Фишер, — немцы с этого момента не выпускают PQ-17 из поля своего зрения…

Помолчали. Где-то вдали выла сирена подлодки.

— Простите, адмирал, — начал Головко, — а

что докладывает ваша разведка о германских линейных силах группы «Норд»?

— О, за ними мы следим как курица за цыплятами, — отвечал Фишере улыбкой.

— Впрочем, когда нет новостей о противнике, то это уже хорошая новость…

— Не всегда так, — нахмурился Головко.

— Что делать, если нашей авиации мешает туман. Вся северная Норвегия словно закрыта белым одеялом. «Спитфайры» не могут разглядеть, что творится на якорных стоянках немцев…

Арсений Григорьевич пришел к выводу, что контр-адмирал Фишер действительно мало что знает. «Не делай этого, Дадли!» был далеко отсюда, и Британское адмиралтейство сообщит своему атташе лишь то, что сочтет нужным. И оно скроет именно то, что сочтет нужным скрыть от своих союзников.

— Ну ладно, — сказал Головко, пожимая руку Фишеру. — Пока у нас нет причин для опасений… Будем надеяться на лучшее!

В полночь радиостанция Полярного уловила трепетные сигналы из вражеских вод. Лунин сообщал, что его подводный крейсер новую боевую позицию занял, на лодке все исправно, настроение у команды ровное, деловое, хорошее..

Впрочем, о настроении он мог бы и не докладывать — Лунин сделал это вроде бы умышленно. Казалось, он хотел этим сказать: после шести потерь моя «К-21» не считает себя кандидатом в седьмую…

Приняв текст от дежурного по штабу, Головко сказал, ему:

— Идите. Ответа не будет. На «двадцать первой» и не ждут ответа… Для них все уже ясно!

Ну что ж. Пока все складывается не так уж плохо для нас.

«Как-то там Дадли? Не делает ли Дадли того, чего не стоило бы делать этому Дадли?.. Ты не делай этого, Дадли!»

СЕВАСТОПОЛЬ-МУРМАНСК

Первого июля наши войска оставили Севастополь… В этот же день «все, что летает», было поднято Герингом с полярных аэродромов. Со стороны солнца. на страшной высоте эскадрильи были развернуты на Мурманск… В их составе были экипажи, которые совсем недавно перебазировались в Норвегию из Сицилии, где они обслуживали армию Роммеля в Африке»…

Больно: наши войска оставили Севастополь!

Гитлеровская авиация начала приводить в исполнение приказ фюрера о полном уничтожении Мурманска. В небе над портом разгорелся воздушный бой. До последней капли бензина, до последнего патрона дрались в этот день наши летчики. Город горел. Огромное черное облако гари и копоти нависло над крышами.

Зениток было мало. Очень мало. Били по врагу с кораблей. То здесь, то там в небе раскрывались комки парашютов:

— сбитые асы Геринга, с амулетами и орденами в дубовых листьях, теперь плыли прямо в пламя, прямо в свинец Кольских вод…

Тяжело. Очень тяжело. Вчера мы оставили Севастополь.

На другой день все повторилось сначала. Противник решил, невзирая ни на какие потери, доломать бомбами и дожечь зажигалками то, что сохранились в целости после вчерашнего налета.

Несколько бомб попало в цехи судоверфи. В порту стали гореть склады, но их отстояли. Батопорт единственного на всем флоте дока был поврежден осколками. Город догорал…

Вице-адмирал Головко записывал в своем дневнике:

«…Будто нарочно, только теперь, когда Мурманска, по существу, уже нет как города, получены сто зенитных пушек для обороны его… Дал, приказание увести плавучий док Морфлота в другое место, иначе он будет потоплен. Вчера вечером, черноморцы оставили Севастополь… Пока же у всех тяжко на душе.

…О 17-м конвое никаких сведений. Отсутствие их еще не признак чего-то плохого. Все равно тревожно и тяжело…»

Операция «Ход конем» заранее планировала уничтожение Мурманска. И город теперь лежал в золе, во прахе. Но порт, но верфи, но дорога

работали…

Из-за переброски Гитлером из района Средиземноморья на Восточный фронт 2-го воздушного флота танковые колонны Роммеля замерли как вкопанные лишь в 80 км от Нила, что спасло положение вдребезги разбитой английской армии в Египте. Об этом не следует забывать, А все-таки тяжело: мы оставили Севастополь!

Британский контр-адмирал Фишер принес самые свежие данные своей разведки… Он был даже неозабочен на этот раз.

Английский атташе был предельно взволнован:

— Вы не поверите, адмирал! Одному «спитфайру» все же удалось проткнуть одеяло тумана. Но аэрофотосъемка вдруг перестала фиксировать «Тирпиц» и «Хиппер» в Тронхейме… Куда они делись, эти бэби, нам неизвестно.

— Следует поискать их в Альтен-фьорде, — сказал Арсений Григорьевич. — Немцы очень любят этот фиорд, дающий им скорый и решительный прорыв на оперативный простор.

— Значит, и вы склонны думать, что германские линкоры готовятся выйти на наши коммуникации?

Сам в прошлом командир «Бархэма», Фишер по-

нимал, какую страшную разрушительную мощь несут корабли этого класса. Он уходил из кабинета Головко, дергая плечом, почти возмущенный:

— Это ужасно… Это в корне меняет всю обстановку!

Британская миссия передала на караван PQ-17, что порт назначения Мурманск — отменяется после бомбежек, кораблям теперь следует идти в Архангельск (впрочем, такое решение союзников было только выгодно для нас, ибо от Архангельска грузы скорее доходили до нашего фронта).

ОНИ ИДУТ

Американцы приобщались к европейской войне (пока еще в подчинении у английских адмиралов). Проводка PQ-17 к берегам России — первая крупная операция на море, за которую США взялись под эгидою Англии. От того, как эта операция сложится, будет зависеть многое. Сейчас в утепленных калориферами рубках линкора «Вашингтон» работали мощные пеленгаторы системы «хаф-даф», которые перехватывали радиопереговоры противника в океане.

Здесь, в клубах сигарного дыма, попивая виски, трудились хитроумные дядьки в очках, в расстегнутых жилетках, перечерченные подтяжками, — это криптографы-аналитики, постигшие тайны германской радиосвязи.

«Хаф-дафы» запеленговали кодовую шифровку с германского миноносца. Из текста после его раскодирования вдруг выяснилась печальная картина: PQ-17 уже давно под надзором противника… Об этом же знали и британские адмиралы. Но сэр Товей сказал; «Иес», сэр Хамильтон сказал: «Окэй», — и этим дело закончилось, как в

швейцарском банке, где умеют хранить тайну любого вклада.

Иное дело американцы: они стали ругаться.

— Черт побери этих немцев! Как они умудряются все это делать, мы выясним лишь после войны, если доживем. Но еще труднее понять наших союзников. Ради чего, спрашивается, мы мокнем под дождем на задворках Европы, будто папа отлучил нас от церкви? Не проще ли подойти к «Тирпицу» и по локаторному пеленгу раскатать его, словно на блюминге? Мы бы превратили этого верзилу в такой тощий конверт, что Редер уже завтра утром мог бы просунуть его под двери кабинета своего фюрера…

На американских крейсерах «Тускалуза» и «Уиччита», которые шли в составе крейсерского прикрытия сэра Хамильтона, офицеры акцентировали внимание матросов на баснословной стоимости грузов каравана PQ-17:

— Семьсот миллионов долларов — это такие деньжата, за которые стоит держаться на ринге, даже если выскочат зубы! Мы, американцы, не должны забывать, что в гражданской войне Штатов только одна Россия поддержала нас!

Она прислала нам в помощь свою Балтийскую эскадру, а сейчас мы, правнуки Линкольна, опла-

чиваем русским старый непогашенный чек…

PQ-17 лежал на генеральном курсе, по широкой дуге как бы огибая всю Скандинавию, чтобы потом, от самой кромки паковых льдов, спускаться с севера на юг — прямо в порты России. На маршруте каравана иногда встречались перевернутые шлюпы, полузатопленные понтоны с мертвецами, плавали загустевшие от полярной стужи комки мазута, похожие на гнилое мясо, — это были следы прежних катастроф, печальные мемориалы тем караванам, которые прошли здесь раньше PQ-17. В таких мрачных местах корабли не задерживались, их проносило сейчас в тоскливом тумане, среди разбитых льдин и пугающих айсбергов. Черная, будто бархат, вода океана послушно размыкалась под корпусами. Мертвая тишина окружала их. Что-то уже щемило в сердцах, и люди старались улечься спать в отсеках, расположенных выше ватерлинии, поближе к дверям и люкам. Скапа-Флоу, не забывая о них, транслировал на PQ-17 базовый концерт; далеко отсюда надрывались для них саксофоны и цела недоступная женщина:

Плыви, плыви, мой караван, В далекий путь за океан.

Последний раз играет джаз, Последний раз пою

для вас…

Но сейчас, объятые тревогой и стужей, экипажи кораблей, кажется, уже не верили, что где-то полнокровно шумят волшебные города, грохочут джаз-бандами лиловые от угара рестораны, а по вечерам, в свете неоновых огней, на панели столиц выходят женщины с ярко накрашенными губами…

Термометры на мостиках отмечали в эти дни всего минус три градуса!

Впрочем, пока все идет как надо. Только выяснилась неприятная подробность: корабли обнаружили нехватку боеприпасов. Предприимчивые американцы стали рвать пломбы с палубных контейнеров, в которых сумрачно дремали заиндевелые танки. Из трюмов были поданы снаряды. Башни 28-тонных громадин нехотя зашевелились, в беспокойстве оглядывая незнакомый для них пейзаж. Отрывисто и сухо застучали пробные выстрелы танков «Генерал Грант»…

— Так будет спокойнее, — говорили моряки. — Пусть уж русские получат товар без пломб и упаковки, нежели не получат вообще никакого!

Долго мешал туман, создающий чувство одиночества. Но временами он распадался, и тогда

командам кораблей казалось, что они видят целый город, — нежданно выросший в океане. Горизонт был задымлен девятью колоннами, которые шли с интервалами в два кабельтова между судами. Низко над ними плыли серебристые колбасы аэростатов заграждения.

Вне видимости каравана, где-то между Ян-Майеном и Шпицбергеном, курсировала эскадра дальнего прикрытия. Два союзных линкора -«Дюк-оф-Йорк» и «Вашингтон» — подминали под свои кили воды океана. Затаенной тенью скользил в окружении корветов и подлодок авианосец. Вдоль самой кромки льдов шли тяжелые крейсера типа «Лондон». Вездесущие миноносцы рыскали вокруг, вынюхивая врага. Факелы их труб проносило над морем, как вестники безопасности.

Пузатые корветы, будто гуси, важно плыли в боевом охранении, отлично вооруженные сетками радаров на мачтах. Палубы конвойных судов были оснащены многоствольными «ежами» и «мышеловками», сеющими бомбы над подлодками врага квадратами — по площадям. Танкера — для заправки кораблей на ходу (через шланги) — двигались в ряд с транспортами.

Эскадра не была слепа. Эскадра не была глуха.

Британские «асдики» и американские «сонары», выставив уши свои из корабельных днищ, вели неустанный гидролокаторный поиск противника под водой. Воздух над караваном и над силами ближнего прикрытия был уплотнен почти до предела быстрыми разговорами, которые корабли вели между собой через ультракоротковолновые телефоны (TBS). Шли корабли ПВО (противовоздушной обороны). Шли корабли ПЛО (противолодочной обороны). Казалось, нет силы, способной сокрушить эту четко спланированную организацию обороны…

А на случай гибели кого-либо — вот и спасательные суда. С хирургами и запасами консервированной крови. На борту их — особые тралы, готовые выловить человека, даже ушедшего под воду. Здесь имелось все, что нужно для спасения. Даже сильнодействующие химикалии для очистки людей от нефти и соляра, которые неизбежно облипают тонущего при катастрофе, быстро разъедая кожу и внутренности.

И моряки каравана PQ-17 жили в полной уверенности, что защита от врага им обеспечена. Никто из них тогда не знал (и не мог знать), что все они уже приговорены… Да, все решено заранее, и жизни этих людей уже включены в

громоздкий расход войны как печальные, но неотвратимые потери…

Но мы не станем опережать события…

***

Берлин изнывал от жары. Два дня подряд Редер и его штаб совещались — в удушливом поту, в тревогах, в сомнениях. Подводились итоги наблюдения за PQ-17, делались далеко идущие выводы, выражались то уверенность, то сомнение в успехе. Белые рубашки офицеров Гохзеефлотте взмокли на лопатках.

С океана к ним прилетали краткие радиоимпульсы: подводные лодки добывали информацию, и — самая свежая! — она неизменно лежала перед Редером… вздернутые галстуки болтались на мокрых, багровых шеях.

— Кажется, можно приступать, — сказал гросс-адмирал. — Еще раз запросите Нарвик — все ли готово у Шнивинда?..

Шнивинд был обязан заблаговременно перебазировать линкоры и крейсера на Альтен-фьорд — как можно ближе к коммуникациям. Отсюда линкоры и крейсера в кратчайшие сроки могли выйти на театр войны; отсюда же, из Альтен-фьорда, Гитлеру было уже труднее вытащить

корабли обратно на базы. Тогда фюрер должен считаться с тем, что линейные силы флота уже приведены в действие.

Сейчас в океане перемещался обратный конвой QP-13, идущий из СССР в Англию, но Редер велел своему штабу закрыть на него глаза — пусть тащится куда хочет; все силы флота устремлены только против PQ-17…

***

Самолет германской разведки непрерывно завывал возле кораблей конвоя, вне досягаемости зенитной артиллерии, и радисты каравана часто прослушивали его сигналы, выбрасываемые в эфир по адресу Нарвика. Радиолокаторы конвойных тральщиков мычали в тумане надрывно и безнадежно; на их экранах фиксировались пока только айсберги.

В это время немецкие корабли, покинув Тронхейм и Нарвик, уже двигались по фарватерам точно, как трамваи по рельсам.

«Тирпиц» и «Адмирал Шеер», «Хиппер» и «Адмирал Лютцов», а с ними и эсминцы сопровождения начали маневрирование в узостях фиордов, чтобы удобнее сосредоточиться для выхода в океан. Операция продумана с немецкой

пунктуальностью — нельзя предупредить только случайности. Первым напоролся форштевнем на скалистую банку «Лютцов». Вслед за крейсером полезли килями на «сахарные головы» три миноносца сразу («Ганс Лоди», «Карл Галстер» и «Редер»). Это никак не входило в немецкую программу. Казалось, что, перекрывая сцену, вдруг рухнул тяжелый занавес.

— Но игра продолжается, — почти не огорчился Шнивинд. — Информация об авариях достигнет англичан лишь дней через пять, никак не раньше, а за это время мы успеем все обтяпать…

Теперь уже пять подлодок тянулись в нефтяном шлейфе PQ-17, но атаковать караван было немыслимо: идеально гладкое море сразу же выдавало белую косынку буруна, возникавшего от движения поднятого перископа. Конвойные суда пресекали любую попытку гитлеровских субмарин сблизиться для атаки.

Англичане методично проводили, контрольное бомбометание, и взрывы глубинных бомб отпугивали немцев, заодно вселяя бодрость в сердца союзных матросов.

Так что, читатель, пока все хорошо. Они идут, и, каталось, ничто не сможет задержать их движение по курсу.

Они идут и пусть идут! Мы их ждем.

Вскоре немцы — по словам англичан — нанесли каравану первый «визит вежливости». Когда из розовой дымки вырвался самолет, неся под пузом торпеду, обхваченную когтями кугелей, американцы не сразу поняли, что это противник, — настолько они его не ждали! Сверхсрочнослужащий старшина-артиллерист со знанием дела поучал лопоухих резервистов:

— Вот появился и первый русский самолет. Нас встречают.

Когти самолета разжались, выпуская в море торпеду.

— Вот он посылает нам подарок от «дядюшки Джо» …

На британских кораблях в исступлении уже трещали «эрликоны», изрыгая массу огня в небо, но в это не смутило опытного сверхсрочнослужащего:

— Все ясно: мы приветствуем русских салютом…

Увидев, что под водой уже рыскает узкое хищное тело торпеды, резервисты разбежались, как зайцы, оставив своего наставника в полном обалдении.

Осознав, что надо делать, он кинулся к своей

пушке, срывая с нее чехлы…

«Визит вежливости» был краток» Караван остался цел, а немцы потеряли один самолет. Но разведчик, словно подвешенный к небу, все еще гудел за облаками. Хамильтон, державший свой флаг на крейсере «Лондон», передал на эсминцы сопровождения Брума:

— Судя по всему, нас навестил дилетант-любитель. Вслед за ним следует ожидать опытных профессионалов.

Крейсера прикрытия ходили в отдалении острыми галсами, иногда спускались по меридиану к юту, срезая курс каравана, потом снова отбегали назад — в затишье черных полярных вод, где липкий туман окутывал их борта.

Ближе к ночи немцы засекли с воздуха присутствие крейсеров Хамильтона, и в Берлине, обдумывая возникшую ситуацию, временно задержали выход «Тирпица» на океанские коммуникации…

Караван PQ-17 вступал в новые сутки — 4 июля, когда США празднуют День независимости. На американских кораблях в эту ночь опять подпольно слушали берлинское радиовещание. Лорд Хау-Хау, вроде бы сочувствуя американским матросам, говорил даже мягко, с душевной тоской

в голосе:

— Я ведь предупреждал вас, ребята, чтобы вы не совалось не в свои дела.

Германия воюет с большевиками — и вы нам просто мешаете! Однако вы меня не послушались, теперь можете пенять на себя. Завтра по случаю праздника Независимости мы устроим для вас веселые танцы с бесплатной музыкой!

…Ну, ладно. Посмотрим.

ДЕНЬ НЕЗАВИСИМОСТИ

Где-то слева остался Шпицберген, пробитый метелями и стрельбой диверсантов, справа — незримо проплыл Медвежий, о котором даже лоция ничего доброго не скажет.

Крейсера Хамильтона, уже рассекреченные противником, теперь следовали в 10 милях впереди по курсу конвоя. На флагманском «Лондоне» была укреплена фальшивая труба, делавшая его похожим издали на линкор «Дюк-оф-Иорк», но даже эта заманчивая цель не соблазнила сегодня немецких мародеров — им было важно уничтожить груз… Потому что потеря груза отражалась на делах Восточного фронта, на делах армии Паулюса, вступающей в битву за Сталинград.

***

Всю ночь шли в тумане, волоча за кормами сигнальные буи, чтобы идущие в кильватере суда не наседали на передних. И всю ночь в небе ровно гудели немецкие самолеты, словно где-то роились шмели. Была ночь, повторяю, хотя над океаном светило солнце, блеск которого был

разжижен плотным туманом.

Никто ничего не понял — откуда и как, но вдруг над кораблями пронеслась молчаливая тень…

Выключив моторы, торпедоносец бесшумно спланировал на караван, и только у самой воды взревевшие моторы резко дернули его вперед. Торпеда проскочила несколько рядов кораблей, не найдя себе цели, пока не врезалась в американский «либерти» по имени «Кр. Ньюпорт». Удар! Упругий толчок вязкого воздуха. Из пробоины выбило купол пламени — так, словно раскрылся красный парашют. И повалил дым…

— Что у вас за шум? — спрашивал Хамильтонс крейсеров.

— Одному янки не повезло, — отвечал Брум с эсминцев сопровождения. — Но он, кажется, заколдован и не тонет.

— Добейте его, — велели с крейсеров…

Англичане быстро сняли «веселых пострадавших. На некоторых были отличные выходные костюмы и чистые белые сорочки с аккуратно завязанными галстуками».

Со спасательного судна англичане кричали американцам, державшим тяжелые чемоданы:

— Чемоданы — за борт! Еще чего не хватало…

Когда «Кр. Ньюпорт» получил от союзников

торпеду, он только вздрогнул, будто не понимая, за что его бьют свои же, но тонуть не пожелал. Тогда англичане оставили его на волю божию и кинулись нагонять караван. Когда они ушли, из глубин выскочила немецкая подводная лодка «U-255», не так давно потопившая крейсер «Эдинбург» с русским золотом. Приглушенно мурлыкая дизелями, словно сытая кошка возле миски со сметаной, субмарина обошла покинутый корабль по кругу. Немцы записали название судна, его тоннаж, прикинули на глаз, сколько груза на его палубе, потом аккуратно всадили в него третью торпеду. После чего «U-255» дала радиограмму о своей «геройской» победе, — гитлеровские подводники всегда славились фальсификацией фактов (недаром же папа Дениц проверял их работу по сводкам Би-Би-Си).

Свергая за борт контейнеры, «Кр. Ньюпор» нехотя расставался с жизнью. Ну как, читатель? Страшно ли? По-моему, пока еще не страшно, хотя караван PQ-17 уже осиротел. Один офицер и три матроса тонули сейчас вместе с кораблем. Мы не станем задерживаться. Тронемся дальше.

День независимости будет насыщен событиями. Самыми скверными. Самыми гибельными. Самыми непостижимыми!

До этого караван шел строго на восток, но в 16.45 он развернулся на норд-ост (45 ° по компасу) — ближе к паковым льдам. Радисты с PQ-17 постоянно ощущали присутствие противника, не вылезавшего из-под облаков.

Там, в поднебесье, сейчас творились какие-то загадочные дела. Над мачтами кораблей ветер трепал флаги сигнала: «Воздушная атака неминуема». Аэростаты поднимались все выше. Боевая тревога, объявленная еще с полуночи, держала прислугу на ногах. Измотанные до предела, с глазами красными, словно в лицо им плеснули кислотой, англичане из-под плоских блинчатых касок вглядывались в небо.

— Кажется, нас уже сажают на сундук мертвеца, — говорили они. — Этот чертов туман! Из-за него нам будет не упредить противника заранее…

Вдруг словно лопнула потаенная пружина. Все закружилось в вихре беспорядочного огня. Динамики корабельных трансляций колотило под мостиками, и они извергали над морем все то, что люди видели или чувствовали.

— Четкий пеленг на кормовых улах… Внимание!

— Насчитал одиннадцать… Летят над «Карлтоном».

— О, господь бог! Их уже двадцать… прямо сюда…

— Ребята, не пора ни просить прибавки к жалованью?

— К черту! Посмотрите, что творится по носу…

— Хэлло, на «Уэйнрайте»! Вы довольны праздником?

Американский эсминец «Уэйнрайт», открыв огонь, пошел навстречу торпедоносцам. Самолеты прорвали полосу тумана и дыма — в лицо германским пилотам брызнули яркое солнце и смерч огня. Не выдержав резких контрастов боя, летчики еще издали положили торпеды на воду. Доблестный «Уэйнрайт», выскочивший далеко вперед, оказался в центре хоровода множества торпед, шнырявших вокруг него, словно акулы возле кашалота. Над американцами со звоном лопнул фюзеляж одного торпедоносца, и это отрезвило пилотов — они отвернули назад. Но своей атакой с носа каравана они отвлекли внимание людей от обстановки на кормовых углах, а там…

Сразу 24 торпедоносца прорвались к каравану. Это были новейшие «ХЕ-177», из-под фюзеляжей которых неслись на корабли торпеды. С бреющего полета, в плюмажах рассыпчатой пены,

срезаемой ветром, стервятники точной фалангой врезались в караван с кормы.

Когда на тебя, прямо в твою грудь, летит вражеский самолет с торпедой, а в раскаленном клюве его клокочет яркая точка огня и когда кажется, что все пули устремлены только в тебя, — вот тогда наводчику, которому осталось жить мгновенье, надо собрать свою волю в комок, привести врага в скрещение нитей прицела, и тогда… Допустим, ты не успел! Тогда над тобой (уже мертвым) с воем, истребляя на корабле все живое, несется черная тень смерти, и ты, наводчик, будешь отвечать за все — даже за то, что ты погиб раньше, нежели твой автомат успел заговорить: пом-пом-пом… пом-пом-пом!

Навстречу плотному огню кораблей самолеты выстреливали острые пучки трасс, убивая и калеча людей на палубах зажигательными пулями, горевшими еще в полете. Всюду разлетались стекла рубок, жестоко раня лица, выкалывая осколками глаза. Торпедоносцы мчались над самой водой — прямо между бортов кораблей, будто их несло вдоль нескончаемых коридоров…

Грохот. Треск. Звон, Крики. Вой моторов. С площадок стрельбы, будто с заводского конвейера, так и сметало в море сверкающую лавину

отстрелянных гильз. Из растворенных ворот контейнеров гулко ухали танки. Это был парадокс войны — танки, плывущие в океане, били (и куда?) по самолетам!

Торпедоносцы летели почти вровень с мостиками, и но ним стреляли сейчас из всего, что приспособлено для стрельбы, — даже фальшфейерами, которые красочно, но бессильно разбивались о кабины пилотов.

А над водой, отблескивая медью, неслись торпеды, и теперь множество пушек и автоматов уставились за борт, силясь поразить уже не самолеты, сбросившие смерть, а сами капсулы смерти, в которых заключено полтонны тротила. Трассы перепутались в воздухе, будто разноцветная пряжа. Наводчики уже плохо ориентировались в этом безумном пекле. Часто переводя огонь слева направо (или сверху вниз), они стали задевать свои же корабли, переранив немало моряков на палубах…

Раздался взрыв. Это американский «Хупер» получил в борт сразу две штуки, и машина корабля, разнесенная в куски, с облаком пара, вырвала кверху всю палубу… Нет, этих немцев не остановишь так просто — они воевать умеют.

Еще удар! На этот раз но английскому транс-

порту…

Где-то полетели за борт плоты и чемоданы. Казалось, прошло немного времени, а между колоннами кораблей уже плавали люди. Их было много, но спасать их было некогда. Англичане остались верны себе, и один из них, уже тонущий, все же успел пошутить:

— Эй, штурман! — крикнул он на проходящее судно. — Брось сюда карту, Я хочу посмотреть, долго ли мне плыть до Москвы…

Советский теплоход «Донбасс» замыкал третью колонну ордера. Он попал в самую гущу боя. Кажется, нашим морякам удалось свалить один самолет, второй полоснули из пулеметов так, что вряд ли он дотянул до берега. Но торпеда уже шла на них, серебря воду газом, — «Донбасс» умудрился отвернуть. Только отвернули — пошла на них вторая (на циркуляции). Она, кажется, даже задела корму, но ее тут же отбросило к черту работой винтов, а там — в кипении — она кувырнулась, быстро затонув.

«Пронесло!» — раздался вздох облегчения на «Донбассе»…

«Донбасс», сам уйдя от смерти, тут же стал подхватывать из воды тонущих моряков-американцев.

Очутившись на палубе советского корабля, спасенные сразу же включились в общую работу.

В этот момент раздался еще один взрыв…

— «Азербайджан»! — закричали на палубах «Донбасса». — Братцы, нашего долбанули… Никак, хана им всем?

(Капитаном «Донбасса» был М. И. Павлов (умер в 1958 г.). У его вдовы О. Т. Павловой в Ленинграде хранятся рейсовые отчеты мужа об участии в караванах PQ и выдержки из вахтенных журналов. За мужество М. И. Павлов был награжден советскими и английскими орденами.)

***

Да, это случилось, и было очевидно — этого не избежать.

Торпеда поразила советский корабль «Азербайджан».

Командир американского эсминца «Уэйнрайт» сообщал своему командованию: «Сначала русский танкер был охвачен пламенем высотой около 60 метров, потом пламя быстро погасло и над танкером взвились клубы дыма и пара». Английский историк дописывает эту сцену: «Тяжелое орудие в носовой части танкера, уком-

плектованное исключительно женщинами, продолжало вести огонь в направлении немецких самолетов».

Мощный заряд вырвал кусок борта, изнутри пораженного танкера началось бурное извержение чего-то тягучего и маслянистого. «Азербайджан» по инерции еще двигался вперед, медленно вылезая из облака дыма, пара и копоти, сверху на него падали обломки… Потом машина отказала и он замер, окруженный каким-то подозрительным веществом, вытекающим из его пробоины. Союзный тральщик подходил к нему с опаской — каждую минуту море вокруг корабля могло вспыхнуть. Орудия англичан были уже наготове, чтобы разом покончить с танкером, который теперь будет только задерживать остальных на курсе.

Но «Азербайджан» не стал снимать с борта команду.

Но «Азербайджан», не дал эсминцу расстрелять себя.

«Опасения англичан были напрасны — „Азербайджан“ имел в своих „танках“ льняное масло, в те времена стратегическое сырье для производства красителей.

С мостика «Азербайджана», усиленный мега-

фоном, послышался не очень-то дипломатичный окрик:

— Пошли к чертовой матери! В помощи не нуждаемся…

Наведенные прямо на тебя орудия — это, конечно, не «помощь», но сейчас было некогда выбирать слова. На PQ-17 повторилось почти то же, что случилось и на PQ-16 со «Старым большевиком»: «Азербайджан», залатав пробоину пластырем, укрепил изнутри борта подпорами, привел в действие помпы, контуженные взрывом торпеды, откачал из отсеков грязную воду и… продолжил свой путь! Флагман конвоя скоро принял с него сигнал:

«№ 52. Занимаю свое место в ордере»…

***

Немцы отвязались от каравана около 20.30, и понемногу все стихло. Был резкий перепад, словно быстрая смена атмосферных давлений, — от гвалта и стрельбы к удивительной тишине. Англичане, не покидая боевых постов, уже стали пить чай. Корабли PQ-17 поравнялись с немецким «хейнкелем», который, лежа на воде, корчился в едком бензиновом пламени. На его крыле спасался знаменитый ас Ганнеман, возглавлявший

нападение торпедоносцев. Он имел на своем личном счету 50000 тонн потопленного тоннажа противника, и смерти ему, как и всем людям, не хотелось». Но ни один из кораблей не задержался, чтобы подобрать его: Даже спасательные суда, замыкавшие строй, прошли мимо, осыпая любимца Геринга свистом, проклятьями и плевками…

Жалеть ли нам этого фашиста?

Нет, не надо жалеть!

Пусть он тонет вместе с пылающим самолетом.

Испытав страшное потрясение, потеряв корабли и команды, караван PQ-17 снова ложился на генеральный курс.

Сталинград! — вот та конечная пристань, на которую должны быть свалены важные стратегические грузы.

Издалека еще слышалась частая стрельба; это англичане добивали раненые транспорта, которые держались на волне, не желая умирать во мраке бездны…. Если бы корабли умели плакать, они бы, кажется, сейчас рыдали!

***

Ну а теперь, читатель, на все это надо посмотреть спокойными глазами.

В общем-то ничего страшного не произошло. Люди отлично понимали, на что они идут, трогаясь в рейс по маршруту PQ-17. Война есть война, это всегда испытание мужества риском, и без потерь на войне не обойтись. А потому караван настойчиво стремился к далекой цели. PQ-17, конечно, пришел бы к нам, как пришли до него другие караваны.

Пусть с потерями, все равно бы пришел!

Но…

Судьба каравана PQ-17 была решена в «цитадели».

«ЦИТАДЕЛЬ»

В общих чертах все то таинственное, что происходило тогда в преисподней Британского адмиралтейства, сейчас уже стало известно. Пока это не акварель, это лишь сухо очерченный абрис, но и по этому наброску можно догадаться, как замышлялась общая картина…

Расчеты курсов противника. Запасы его топлива, соотношение скоростей между «Тирпицем» и кораблями сопровождения «Тирпица» — все это указывало, что германская эскадра даже в штормовых условиях способна настичь караван PQ-17 примерно к двум часам ночи следующего дня (то есть уже 5 июля).

Штурманский циркуль легко шагает по картам…

— Сэр! Конвой PQ-17 сейчас находится от советского порта Архангельск на расстоянии восьмисот миль.

Восемьсот морских миль — это примерно 1500 километров.

— Я спущусь в «цитадель», — сказал Дадли Паунд, поднимаясь с места легко, как мальчик. — Если мы не решимся сейчас, то к ночи будет поздно…

(«Не делай этого, Дадли!» Ох, не делай этого, Дадли!) Кажется, роковое решение было им уже принято. Более того, Дадли Паунд успел заручиться поддержкой своего кумира — Черчилля, которого неизменно боготворил. Между тем часы Британского адмиралтейства показывали как раз 20.30 — то самое время, когда PQ-17 успешно отбился от атак немецких торпедоносцев.

Бетонные ступени уводили Паунда с верхних этажей Уайтхолла в подземные катакомбы того же Уайтхолла, наполненные тайнами минувшей войны, которые англичане не любят раскрывать.

На глубине 30 метров, под наплывом стали и бетона, затаилась легендарная цитадель — средоточие всей информации о противнике, центр

обработки всех данных обстановки на море. Сразу же отметим, как истину, что сидящие в «цитадели» люди даром хлеба никогда не ели — они свое дело отлично знали!

Сейчас в эту бессонную обитель, где круглосуточно царило мозговое напряжение мужчин и женщин, решавших замыслы врага, как шахматные задачи, спустился Дадли Паунд. Узким подземным коридором, освещенным корабельными плафонами, он сначала прошел в кабинет слежения за надводными кораблями противника, где начальствовал капитан 1-го ранга Дэннинг.

Разговор между Паундом и Дэннингом напоминал хождение по канату: казалось, одно неосторожное слово способно нарушить выверенную балансировку. Первый вопрос лорда, естественно, был таков:

— Вышел ли «Тирпиц» в море?

— Если бы он вышел, — сказав Дэннинг, — мы бы знали об этом не позже чем через шесть часов после его выхода в море.

Возникла пауза. Паунд задал второй вопрос:

— А можете ли вы быть уверены в том, что «Тирпиц» все еще находится в Альтен-фьорде?

— Разведка, как бы она ни была хороша, все-та-

ки неспособна на моментальные ответы. Дэннинг знал, что «его тайные агенты в Норвегии начнут давать информацию не тогда, когда „Тирпиц“ стоит на якоре, а лишь тогда, когда „Тирпиц“ начнет выбирать якоря. Примерно в таком духе он и отвечал первому морскому лорду… Дадли Паунд соорудил третий каверзный вопрос:

— Можете ли вы по крайней мере сказать мне точно — готов или не готов «Тирпиц» к выходу в море?

Конечно, на такой вопрос могли бы ответить только немецкие офицеры, сидящие сейчас в штурманской рубке самого «Тирпица»… Дэннинг тщательно продумал свой ответ:

— Я могу сказать одно, что «Тирпиц» в ближайшие часы в море не вылезет.

Прежде линкора должны выйти эсминцы, чтобы прочесать район предстоящего маршрута «Тирпица», чтобы разогнать наши подводные лодки, которые там встретятся. Но донесений об этом не поступало…

Последнюю фразу Дэннинга можно было (при желании!) истолковать и таким образом: мол, «Тирпиц» в море все-таки вышел, а подводные лодки его прохлопали. В районе Альтен-фьорда существовал еще заслон из советских подлодок,

однако об их присутствии на позиции, кажется, не было сказано ни слова. «Не делай этого, Дадли!» миновал коридор и очутился в громадном кабинете подводной обстановки, который возглавлял бывший адвокат Роджер Уинн. Можно было подумать, что офицеры с длинными киями в руках играют здесь в биллиард. Но громадный стол посреди бункера был застлан не зеленым сукном, а картой морского театра, заставленной фишками — синими, красными, белыми. Каждая из них означала немецкую подводную лодку, а цвет фишки указывал способ, которым она была обнаружена — по радиопеленгу, гидроакустическим контактам или просто визуально. От этих фишек тянулись карандашные стрелы курсов, проложенные по способу «логической дедукции»:

Уинн за годы войны настолько изучил повадки Деница, что курсы лодок, только предполагаемые, зачастую точно совпадали с действительными. Стены этого кабинета украшали внушающие ужас диаграммы быстрого развития подводного флота Германии (ужас заключался в том, что Германия успевала строить подлодки быстрее, нежели их успевали топить)…

— Ну, что у вас хорошего, Уинн? — спросил

Паунд.

Они обошли вокруг «биллиарда». От южной Исландии до Архангельска были вколоты в карту булавки, а между ними натянулась эластичная нить, наглядно указывая путь каравана PQ-17. Кончик длинной указки в руке Уинна коснулся нити чуть северней острова Надежды, и нить затрепетала, как струна.

— Сейчас они здесь, — указал Уинн.

Паунд спросил его о подводной обстановке. Едва глянув на свой «биллиард», Уинн с красноречием адвоката мог сразу же Дать оценку подводной угрозы на сегодня, на завтра, через неделю… На этот раз он отвечал кратко и озабоченно:

— Подводная обстановка в Баренцевом море напряженная.

— Вы говорите, Уинн, она напряженная?

— Точнее, — угрожающая… Караван PQ-17 вступает в район, буквально кишащий подводными лодками противника.

Дадли Паунд выбрался из душной «цитадели» на свежий воздух и созвал в своем кабинете совещание. Угроза подводных атак — да, она существовала, но ведь никто из разведки не сказал ему, что «Тирпиц» вышел в океан. Однако все

дальнейшее строилось на рыхлом песке умозаключений первого лорда, что линкор вот-вот начнет ломать кости его кораблям. Паунд отбросил мешавший ему циркуль.

— PQ-17 не может отступить в плотные льды, а спуститься в южном направлении — значит угодить прямо в объятия Редера. Требуется срочное решение. Нам надо спешить…

Английский историк пишет:

«Паунд принимал свое окончательное решение, находясь почти в мелодраматической позе. Первый морской лорд откинулся на спинку кожаного кресла и закрыл глаза — неизменная поза для многозначительной паузы во время принятия трудного решения. Его пальцы крепко сжали подлокотники кресла, а выражение лица, которое казалось больным и утомленным, стало мирным и сосредоточенным…»

В этот момент один офицер штаба, настроенный весьма критически, шепнул сотрудникам Адмиралтейства:

— Если это правда, что обстановка требует срочного решения, то нашему «папе», наверное, не следовало бы засыпать.

Паунд вдруг выкинул вперед руку, притягивая к себе чистые бланки для заполнения их радио-

граммами.

— Конвой PQ-17 еще можно спасти, — заговорил он. — Это мое, только мое решение, и я его принимаю: PQ-17 должен рассредоточиться!

Адмирал флота Н. Г. Кузнецов пишет:

«Следует заметить, что в глубокой ошибочности и надуманности этого убеждения не сомневался ни один из ближайших сотрудников Паунда».

Это сущая правда! Шутки шутками, но теперь, когда перед Паундом лежали бланки радиоприказов по флоту, все офицеры Адмиралтейства говорили ему совершенно серьезно:

— Не делай этого, Дадли!

Но Дадли сделал. В его руках сейчас была та сила, которая способна через океан дотянуться до каравана PQ-17 и сломать ему хребет с хряском.

Блаженны люди, плывущие в море и не знающие, что ждет их!

Караван PQ-17 в этот момент находился вне зоны действия советских кораблей, а обо всем, что дальше произойдет, командование Серверного флота оповещено союзниками не было…

Гитлеровский гросс-адмирал Редер выкинул сейчас перед англичанами свой главный козырь -«Тирпица»!

За резким силуэтом «Тирпица» лорды Уайт-

холла увидели колеблющийся во мраке призрак «Бисмарка». Страх (иначе не назовешь!) был, приведен в действие.

БЛЕСТЯЩИЙ МАНЕВР АНГЛИИ

В нефтяных «ямах» крейсеров ближнего прикрытия оставалось топлива еще на целые сутки движения по курсу PQ-17, после чего подразумевался их отход: дальше караван поведут эсминцы Брума и суда эскорта, а в секретной точке рандеву советские корабли подхватят эстафету охраны.

Караван теперь представлял великолепное зрелище: после торпедной атаки с воздуха и гибели кораблей транспорта опять сплотились в порядке походного ордера, хотя некоторые из них еще горели. Но они — шли. Они шли к цели.

И они пойдут к гибели, когда их настигнут слова:

«КОМАНДИРУ ЭСКОРТА,

КОМАНДУЮЩЕМУ ФЛОТОМ МЕТРОПОЛИИ ОТ АДМИРАЛТЕЙСТВА. ВВИДУ УГРОЗЫ СО СТОРОНЫ НАДВОДНЫХ КОРАБЛЕЙ ПРОТИВНИКА НЕОБХОДИМО РАССРЕДОТОЧИТЬСЯ…»

***

На мостике крейсера — голос из репродуктора:

— Радиорубка — мостику: у нас квитанция в

коде.

— О черт! — Вахтенный офицер, скользя по решеткам пудовыми от сырости сапожищами, срывает ледяной микрофон:

— Мостик — радиорубке: квитанцию в кают-компанию… Что? Я не слышу, здесь ревет вентиляция, как в аду… Да, адмирал там!

Соленая пена хлещет через трубы дальномеров, над которыми в три погибели согнулись матросы. Вахтенный офицер, уцепившись за нактоуз, роняет микрофон, раздается треск: эбонитовый колпак вдребезги. Хватаясь замерзшими пальцами за поручни, офицер встает наконец на свое место — к визиру. Его лицо, мокрое и красное, надолго погружается в обойму резиновой оправы оптики. Обозрев горизонт (особенно в той части, где светит солнце), вахтенный выпрямляется. Под крылом мостика неустанно кипят водяные смерчи.

— Окейли, — говорит он штурману, — нами принята кодированная из Уайтхолла… Что бы это могло быть? Не догадываетесь?

— Догадываюсь, — отвечает штурман. — Всем нам дают по две недели отпуска начиная с того момента, как вы меня об этом спросили… Вы не верите?

В отдалении — через разрывы тумана — проскальзывают американские крейсера сизо-голубиной окраски. Сейчас они, как послушные ученики, ретиво повинуются решениям англичан, боевой опыт которых на море смонтирован на прочном фундаменте многих столетий.

Под ногами рассыльного матроса — вихри воды и ветра. Он бережливо загнул края брюк. Яркие носки на его ногах как-то плохо вяжутся с этим фоном брони, пробитой заклепками. От границы пакового льда несет извечным холодом Арктики…

Контр-адмирал Хамильтон наспех закусывает бутербродом у стойки. В руке его, украшенной тоненьким колечком, дрожит в бокале подогретая к ужину мадера. Репитер лага, выведенный в салон, показывает устойчивую скорость в 12 узлов.. Через раздраенный иллюминатор, пузырем вздувая бархат штор, рвется упругий ветер полярного океана, от которого молодеют даже старики адмиралы…

— Что у вас там? — спрашивает Хамильтон рассыльного.

— Из Уайтхолла, сэр… от первого лорда, сэр!

***

Крейсер под брейд-вымпелом Хамильтона круто ложится на борт в противолодочном зигзаге: со стола летят тарелки, море брызжет почти радостно внутрь корабля, словно ликует… Вот и текст на розовой бумаге радиоквитанции: «СЕКРЕТНО. ВЕСЬМА СРОЧНО. КРЕЙСЕРАМ НА ПОЛНОЙ СКОРОСТИ ОТОЙТИ…»

На лице Хамильтона недоумение.

— Не понимаю, — говорит он офицерам. — Дадли наш очумел: он приказывает нам бросить корабли каравана и, не трясясь над топливом, срочно разворачиваться на вест… Такое категорическое решение может быть вызвано только одним: «Тирпиц» вылез в океан и назревает побоище вроде Ютландской битвы.

Но, кажется, Хамильтон решил помедлить. Более того, чувствуется, что адмирал не склонен исполнять этот приказ.

Хамильтон неуверенно говорит в телефон:

— Пост расшифровки? Старшина Форстер, если он там, пусть зайдет прямо в третий буфет… Да, без церемоний!

Появляется пожилой моряк службы корабельной пехоты. Под его рыжими бутсами квасит-

ся ворс офицерского ковра. Он разглядывает старинные пищали, митральезы и мушкеты, развешанные на переборках, что отделаны под «птичий глаз».

— Старшина Форстер, вы опытный дешифровщик…

«Что это — вопрос адмирала или утверждение?»

— Про меня все так говорят, сэр, — отвечает Форстер.

— И вы никогда не ошибались, дружище?

— Не имею такой дурной привычки, сэр.

— И даже в этом… тоже нет ошибки?

Форстер смотрит на квитанцию шифровки, подсунутую к самому его носу.

Палуба крейсера летит из-под ног влево — старшина животом упирается в Стол, Затем палуба отлетает вправо — старшина наваливается спиной на пиллерс. Нет, такого парня не свалить ни на допросе, ни в качке.

— Я не ошибся, сэр, — упрямо заявляет он, глядя в лицо адмирала, и Хамильтон отпускает его.

— Иначе и быть не могло, Форстер… Напомните мне после похода, чтобы я поблагодарил вас.

Дешифровщик ушел, почти обиженный.

Королевская мадера еще стыла в бокале.

Адмирал посмотрел на часы — поздновато.

— Может, Дадли в Лондоне, глядя на ночь, выпил как следует?

Крейсер еще лежит на зигзаге. Волна кладет его на борт, и стрелки кренометров отдыхают у конца градусной шкалы. Ровно в 21.23 по Гринвичу радиорубка конвойного лидера стала принимать вторую шифровку от Д. Паунда.

В ней было сказано: «Конвою строй рассеять… транспортам самостоятельно плыть к русским портам». Отходящим на запад кораблям охранения было приказано развить максимальную скорость.

— Не понимаю, — бормотал Хамильтон, — я не понимаю… Неужели возникшая угроза столь велика?..

Через 10 минут Дадли Паунд снова возник над караваном PQ-17 — как незримый, но требовательный дух. Лорд напомнил: «С четвертого июля конвой должен быть раздроблен». Если сэр Хамильтон и другие высшие офицеры еще могли связать этот поспешный отход на запад с предстоящим сражением с «Тирпицем», то младшие офицеры были просто ошарашены. Они рассуждали так:

— Обычно нам, конвойным, всегда дается

возможность для любой, самой смелой интерпретации высших приказов. Мы, конвойные, выполняя волю первого лорда, все-таки имеем право делать отклонения от приказов… В данном же случае Уайтхолл выразился столь непререкаемо, что никак нельзя уклониться от исполнения) Роковое решение Уайтхолла входило в силу, и сэр Хамильтон велел на крейсера — к повороту. Крейсерское прикрытие, словно гарцуя в королевском манеже, исполнительно отвернуло на 180°. Но этим дело не кончилось…

Брум считал, что если крейсера спешат в битву, то его эсминцам сопровождения ничего не остается, как рвануть следом за ними, ибо линкоры и крейсера, конечно, хороши, но эсминцы в бою с «Тирпицем» тоже не подкачают.

К английским эсминцам примкнули и американские, как младшие братья, не желавшие в драке отставать от старших. Британский офицер наблюдения оставил нам запись: «Уэйнрайт» приближается к нам на очень высокой скорости суверенным и щеголеватым видом (это похоже на американцев!). Вода буквально закипает под его форштевнем».

С палуб транспортов за всей этой судорогой поспешного отхода наблюдали вконец обалде-

лые люди»

— Куда удираете?! — доносило оттуда выкрики. — Дезертиры… сволочи… лунатики… Или затряслись ваши шкуры на поганых скелетах? Вернитесь… Где ваша доблесть?

Брум с чистой совестью оповестил караван, что, судя по всему, ожидается хорошая потасовка с противником, а вы должны извинить нас за то, что покидаем вас в такой неприятный момент. На кораблях боевого эскорта уже поверили в необходимость отхода: Уайтхоллу, конечно же, лучше известна обстановка… Нервное напряжение офицеров передалось и матросам — без приказа они готовили оружие к битве. Корабли шли форсированным ходом, безжалостно пережигая в котлах многие тонны горючего. Крейсера, не жалея своих форштевней, дробили перед собой массу серых неряшливых льдов. Верткие эсминцы мчались за ними, как гончие по следу крупного зверя, и Хамильтон стал даже побаиваться столкновения. «Не наваливайтесь нам на корму», — передал он Бруму.

Они покидали караван на скорости в 25 узлов. А это такая приличная скорость, которая хороша в двух случаях: когда надо кого-либо догнать или надо от кого-то поскорей смыться.

С борта американской «Тускалузы» наивно запрашивали своих земляков:

«Интересно, за что мы будем получать ордена?» Резкими и точными вспышками прожектора «Уиччита» дала честный ответ: «А черт его знает!..»

Внезапно появясь из тумана, немецкая подлодка едва успела принять балласт для ныряния, и над ней, ошалевшей от испуга, с ревом и грохотом, словно она попала под виадук с проходящим экспрессом, стремительно прокатил на запад длиннющий киль флагманского крейсера «Лондон»...

Этот лихой отход крейсеров и эсминцев тактически был проделан блестяще!

Но этим никого не удивишь: англичане всегда умели маневрировать на морях и океанах...

Главное заключалось не в этом.

Великолепная и четкая организация конвоя PQ-17 была разрушена из Лондона в считанные минуты.

Распадение конвоя PQ-17 закончилось к 22.00 (по Гринвичу) в точке 76°00» северной широты и 28°00» восточной долготы.

Иначе говоря, немного к юго-востоку от Шпицбергена!

От этой точки до берегов Новой Земли было около 600 миль, а до Архангельска 800… Морские же мили — это не сухопутные километры: каждая миля содержит в себе 1852 метра.

Корабли нехотя расползались в стороны, и один очевидец пишет, что сейчас они больше всего напоминали побитых собак с поджатыми между ног хвостами.

СПАСАЙСЯ, КТО МОЖЕТ!

Это было настолько дико и невероятно, что покинутые сначала даже не могли полностью осознать того, что случилось. Одни в океане! И слышались наивные вопросы, которые могут задавать только вконец растерянные люди:

— А как же мы? Что же будет теперь с нами?..

Тревогу команд легко понять. Эскорт бросил их ко всем чертям как раз в том районе, откуда начиналась традиционная полоса всех несчастий: именно здесь начинали всегда активно действовать авиация и подлодки противника.

Приказ плыть самим, одиночным порядком, без охранения, самостоятельными курсами, — этот приказ был расшифрован матросами коротко и до предела ясно:

— Спасайся каждый как может…

Идти в одиночку… Но, спрашивается, как идти? На многих судах не было гирокомпасов, а стояли только магнитные, которые в полярных широтах очень точно показывают, в каком году бабушка капитана вышла замуж. Кое у кого сдали нервы: они начали спускать шлюпки, ибо им казалось,

что в шлюпках немцы их не тронут… Один американский сухогруз вдруг сильно задымил, набирая скорость, и стал разворачиваться назад. Он прошел мимо судов каравана.

— Эй! — Куда торопитесь? — окликнули его с палуб.

— Обратно… в Исландию!

На его мачте, словно поганое помело, развевалось полотнище флага, которое по Международному своду означало: «Признаю безоговорочную капитуляцию». Ну, эти струсили. Даже денег за риск не пожелали. Дней через пять, если не нарвутся на мину, они будут сидеть в пивных Рейкьявика и тискать баб. Черт с ними. Но как остальные?..

Стройность походного ордера была уже потеряна. Каждый шел как его душе угодно. Устремлялись по трем направлениям сразу — на Мурманск, к Новой Земле и в Горло, чтобы выйти к Архангельску. Одни сразу набирали обороты, чтобы — поскорее, поскорее, поскорее! А другие экономничали на топливе с самого начала. В действиях кораблей проявлялся характер людей, плывущих на них…

В руках многих уже раскрылись Евангелия.

— Ну что ж! Нас бросили, предав, и предали

нас, бросив. Теперь осталось уповать только на волю божию…

А на кораблях каравана, чтобы увеличить скорость, уже сбивали стопора с клапанов аварийности. Если раньше считалось, что корабль может дать максимум 13 узлов, то теперь, сорвав заводские пломбы на стопорах, механики выжимали из машин 15 узлов. Это был активный расчет человеческой психики: лучше взлететь на своих котлах, нежели ждать, когда в борт тебе немцы засобачат торпеду.

Неразбериха продолжалась… Им приказали рассредоточиться, но корабли по привычке тянулись друг к другу, боясь пустынности моря и страшного одиночества в беде. Слабый, естественно, старался примкнуть своим бортом к борту сильного. Но в жестокой борьбе за жизнь сильный не всегда вставал на защиту слабого. Идущие без дыма старались держаться подальше от кораблей дымивших. Между вчерашними соседями в ордере велась усиленная переписка по радио и семафору:

— Прошу разрешения присоединиться к вам, — А какова ваша скорость, дружище?

— Обещаем идти на одиннадцати узлах.

— А у нас пятнадцать. Всего вам доброго…

Белея высоким мостимом, прошел и «Винстон-Саллен», гудя турбинами. При виде его сердце Сварта словно оборвалось.

— Эй, ребята! — заорал он в отчаянии. — Если вы почесали к дому, возьмите и меня с собой…

— Не дури, приятель! — отвечали ему оттуда. — Мы до первого русского порта…

Брэнгвин, стоя у руля, сказал штурману:

— Я жду, сэр.

Растерянный и подавленный, штурман отозвался:

— Нет, что ни говори, а улицу в Нью-Йорке переходить все-таки не так уж опасно… А чего вы ждете от меня, Брэнгвин?

— Мне нужен точный курс, сэр.

— Ах, да… верно. А какой у вас сейчас?

— Никакого! Вот сейчас на румбе сто восемнадцать… Устраивает?

— Ну, так и держите. Потом мы что-либо придумаем. Лишь бы двигаться. Как вы думаете, Брэнгвин, проскочим или нет?

— Если не будем дураками, сэр, — отвечал ему Брэнгвин. — Я недаром не люблю эти плавающие казармы. После линкоров всегда много пустых консервных банок, но толку от них не дождешься! Будем держаться курса к Новой Земле, хотя,

между нами говоря, сэр, я не думаю, чтобы на скалах там было написано «Добро пожаловать!». Мне кажется, я перестану вибрировать, когда в Архангельске поднесу к губам первый стаканчик… «Ты жив, бродяга Брэнгвин!» — скажу я тогда себе и закушу чем-нибудь солененьким.

Он даже стал насвистывать, словно бросая вызов судьбе.

— Эй, — раздался снизу голос капитана, — какая сволочь насвистывает нам беду на мостике? Увижу — дам в морду…

— Не обращайте внимания, — посочувствовал штурман. — Вы же знаете, какой у нас кэп невоспитанный человек… Между нами говоря, он не умеет вести корабль в море. А жаргон его — это жаргон речника. Я подозреваю, что он взят конторой из принципа — хоть кота, если нет собаки… Не повернуть ли нам к норду?

— Зачем? — ответил Брэнгвин. — У нас курс в Россию, не будем вилять кормушкой слева направо… Проскочим!

Ночь они шли хорошо. Утром повстречали в океане советский транспорт «Донбасс». С палубы корабля им долго махали, что-то крича, американцы, спасенные русскими. Они, эти американцы, так и остались на борту советского

транспорта. Забегая несколько вперед, сразу скажу: они останутся в живых.

Впрочем, из-за чего вся эта паника? Ведь крейсера и эсминцы ушли, оставив в охранении 12 судов конвойного типа. Кодекс военно-морской чести обязывал их сражаться с противником до тех пор, пока не опустеет последняя кассета с последней обоймой, пока палуба не уйдет из-под ног в море. Однако этот параграф кодекса был нарушен самим флагманом эскорта. Сначала он велел судам ПЛО и ПВО плыть самостоятельно, но, осознав, что сам остается в рискованном одиночестве, флагман тут же приказал им сомкнуться и конвоировать в Архангельск не транспорта, а лично его — флагмана! Обладая преимуществом в скорости, суда боевого прикрытия скрывались за горизонтом, получая «под хвост» залпы оскорблений от радистов покинутых ими кораблей:

— Эй вы, грязные писсуары с Пиккадили, снимите ордена, если они у вас имеются! Желаем вам свернуть свои дряблые шеи раньше, чем немцы сделают это с нами…

К чести моряков Англии, в конвое нашлись экипажи, до конца разделившие общую участь каравана. Но таких кораблей было немного. Незакатное полярное солнце освещало картину

общего развала конвоя, еще вчера идущего в нерушимом ордере.

Утром немцы поняли, что теперь им бояться нечего. Первым был взорван английский транспорт «Эмпайр Байрон» с грузом танков. Он тонул, словно утюг, а из нижних отсеков наружу прорывало сдавленные вопли и рыдания — это уходили на грунт заживо погребенные, которым внутри корабля было никак не раздраить люков. Люди с «Байрона» прыгали за борт — иные, вскрикнув, тут же умирали от разрыва сердца, не выдержав резкого охлаждения, но мертвецы в надувных жилетах плавали вместе с живыми. Среди них выскочила из воды рубка субмарины, покрашенная столь искусно, что издали ее можно было принять за подтаявший айсберг. Высокий блондин, сопровождаемый матросом в блестящих крагах и с автоматом в руках, спустился на палубу подводной лодки и стал кричать на английских моряков: «Почему вы участвуете в этой войне? Зачем рискуете своей жизнью, доставляя танки проклятым большевикам? Кто у вас здесь капитан?..»

Капитана никто не выдал. Немцы удовольствовались тем, что забрали из воды инструктора по вождению танков типа «Черчилль», и снова

погрузились.

После англичан был торпедирован американский транспорт «Карлтон».

Обожженные при взрыве янки облепили понтоны, тут же производя перекличку команды, чтобы выяснить имена погибших. Понтоны сбились в кучу, а вокруг них долго кружила на циркуляции неисправная торпеда с подлодки. Круги, сначала широкие, становились все уже и уже. Один здоровенный негр схватил весло и заорал на торпеду в исступлении:

— Сейчас же прекрати свои дурацкие фокусы! Если ты станешь приставать и дальше, я тресну тебя веслом по рылу…

Кажется, бедняга принял торпеду за акулу. Или просто не знал, что на кончике «рыла» расположена самая опасная штука-детонатор! Выпустив облако зловонных газов, торпеда затонула, но зато рядом, в бурлении моря, производя шум лопающимися пузырями воздуха, всплыла подводная лодка.

Американцы, уже наслышавшись о нравах немецких подводников, горохом посыпались с понтонов обратно — в обжигающую стужу, боясь, что их расстреляют из пулеметов. Но субмарина, лениво расталкивая обломки и чемоданы коман-

ды «Карлтона», медленно растворилась в дымке полярного утра.

— Не стоит задерживаться, — говорили немецкие подводники, — у нас еще очень много работы сегодня…

Качаясь на понтонах, американские моряки могли думать о своей судьбе что угодно, но они никак не предполагали, что впереди их ждет концлагерь и что многие из них еще будут завидовать тем, которые не отозвались на перекличке…

Разгром покинутого PQ-17 уже начался!

Невольно напрашивается вопрос: «Что это? Стратегическая ошибка?»

Но решение всех спорных вопросов мы относим к концу нашей книги. Сейчас же вперед, только вперед — за кораблями…

Нельзя терять времени. Надо спешить.

«Тирпиц» выдвигается на передний край войны.

И ОН ВЫШЕЛ

Вся нелепость и подлинный трагизм возникшей в океане ситуации заключались в том, что «Тирпиц» и его эскадра еще тихонько подымливали на якорной стоянке в Альтен-фьорде… «Цитадель» получила известие об этом примерно часа через два после того, как из подземелья выбрался Дадли Паунд, решивший, что «Тирпиц» на полных оборотах пяти винтов устремляется для разгрома коммуникаций.

Приказ о спешном отводе крейсеров застал линейные силы Дж. Товея на расстоянии 230 миль от каравана, западнее острова Медвежий.

Адмирал. Дж. Товей все же предложил Паунду увести за собой обратно в Исландию и корабли каравана, но Паунд не согласился. Решения первого лорда остались в силе даже тогда, когда оперативная разведка англичан выяснила, что эскадра противника в море еще не вышла… Утащив за собой шлейфы бурого дыма, линкоры потонули за горизонтом. Касаясь бортами роды, на высоких скоростях — курсом вест — отходили крейсера и эсминцы.

Из этого видно, что Уайтхолл не хотел исправить совершенную им ошибку.

Наоборот, ошибка утверждалась как нечто неоспоримое. Отныне только подразумевалось, что PQ-17 находится на пути в русские порты, — в Уайтхолле уже никто не верил в его существование.

***

С океана летел мощный поток информации, причем подводные лодки, почуяв себя хозяевами положения, разболтались в эфире как никогда. Сначала они отметили замешательство в судах конвоя, потом был зафиксирован резкий отворот на запад крейсеров и эсминцев. Немцам еще не все понятно в этом поспешном отходе боевых сил противника, но зато им стало понятно, что «большая дорога» для разбоя открыта.,. Шнивинд едва успевал проглатывать обиднейшую информацию.

Вернулась с моря и воздушная разведка.

— Конвой рассеялся полностью, — доложили Шнивинду.

Адмирал смолчал.

— Туман тоже рассеялся… полностью.

Шнивинд рассмеялся, как игрок, которому под-

валила козырная карта. За окном норвежского коттеджа светило полярное солнце, совсем не круглое.

Расплавленным металлом оно заливало весь небосклон. И оно будет светить… еще целый месяц!

Шнивинд сделал выводы. Для себя. Вся игра отныне в его руках. Караван остался беззащитен, один, заброшен далеко в океане, и этим снималась вся ответственность перед Гитлером за сохранность линкора и крейсеров…

— В чем дело? — засмеялся Шнивинд опять. — Отлично!

Еще никогда германский флот не имел такой выигрышной обстановки на море.

Английский историк пишет, что «на немецких тяжелых кораблях не было ни одного человека, который не считал бы теперь, что над ними взошла благоприятная заря надежды»! Сейчас в знойном Берлине гросс-адмирал Редер все еще обмусоливал со ставкой Гитлера вопрос о выведении «Тирпица» на коммуникации, а решительный Шнивинд уже велел выбирать якоря… «Тирпиц» имел право на выход только с «личного одобрения фюрера», но уверенность Шнивинда в успехе «Хода конем» была столь велика, что он

решил больше не ждать, когда в Берлине «закончат трепаться».

Разгром PQ-17 планировался на полдень 6 июля. Операция «Ход конем» вступила в законную силу. Точнее — в незаконную, ибо Редер в Берлине, когда узнал о выходе линкора, схватился за седые виски:

— Как он смел вывести «Тирпица» без одобрения фюрера? Ведь теперь, случись неудача… головы покатятся!

Но линкор, пронося свою гигантскую массу в промежностях шхер и фиордов, по «трамвайным путям» фарватеров уже стремился в открытый океан, и Редеру ничего не оставалось, как послать вдогонку Шнивинду строгое напоминание:

«ЕСЛИ ОБСТАНОВКА СОМНИТЕЛЬНА — БЕЗ КОЛЕБАНИИ ПРЕКРАЩАЙТЕ ОПЕРАЦИЮ».

Германская эскадра с ловкостью прожималась через тесные «чулки» проливов, свежий ветер трепал мрачные штандарты флагмана…

«Тирпиц» вышел!

Теперь уместен вопрос: Кто его остановит?

А разве найдется такой смельчак? Кто решится остановить это чудовище, если весь Home Fleet гоняется за ним третий год подряд, и желая его поразить, и боясь своего поражения? «Бисмарк»

потребовал от Англии большого напряжения и риска. И погиб, пока не опустели его погреба, с машинами на ходу!

Теперь двинулся «Тирпиц» — близнец и собрат «Бисмарка».

Вот он — смотрите на него!

Под тяжелым корпусом сами расступаются волны Ледовитого океана. Он всемогущ, и он отлично сознает свою первобытную силу — как доисторический ихтиозавр на допотопном болоте, где живет и пыжится всякая мелюэта. Ничто не задержит бег гитлеровского титана — последнее слово немецкой науки и технической мысли Германии, обращенной к убийству и порабощению других народов. Многие тысячи тонн крупповской брони, черных и цветных металлов, динамо-машины, способные осветить огнями любой столичный город Европы, фабрика новейшей электротехники, боевых расчетов автоматики, радиолокации и точнейшей ювелирной оптики заводов Цейса (не считая людей, каждый из которых проверен гестаповцами) — вся эта лавина живого и мертвого материала сейчас устремляется вперед, подавляя океан своим небывалым величием…

Я еще раз спрашиваю:

КТО ЕГО ОСТАНОВИТ?

5 июля 1942 года.

Время — 16.33.

Курс — 182°…

Сметанин сдвинул наушники на виски, доложил на вахту:

— Справа по носу… пеленг… стучат винты!

«К-21» на экономическом режиме моторов шла под водой (погружение было необходимо для отдыха команды).

Командирскую вахту в рубке нес офицер Ф. И. Лукьянов.

— Говоришь, стучат? Сейчас проверим…

Мотор бесшумно подал перископ наверх. Откинуты в стороны рукояти наведения. В мутной пелене брызг и соленой накипи моря двигались, хорошо видимые, две подводные лодки.

— Командира в пост! Перед нами цель: две «немки»…

Лунин шагал в пост с кормы. В самом теплом электроотсеке на широких спинах моторов спали продрогшие на вахтах сигнальщики. На дизелях, еще не остывших, была развешана мокрая одеж-

да. Лунин проскакивал в узкие лазы.

Бесшумно открывались и закрывались за ним двери. Тревога объявлена еще не была…

— Перед нами две «немки», — доложил Лукьянов, когда Лунин вошел в секцию поста, жужжавшую и поющую аппаратурой.

— Словам не верю. Покажи…

Лукьянов уступил ему место возле перископа. Лунин прильнул к окулярам.

Сначала ему тоже казалось, что он видит выставленные из воды рубки вражеских подлодок. Они медленно передвигались. И постепенно выступали из коря… выше, выше, выше!

— Это не лодки, — сказал Лунин, выпрямляясь. — Это КДП эсминцев типа «Карл Галстер», которые идут в строе уступа… Убедись сам!

Лукьянов посмотрел: верно, командно-дальномерные посты миноносцев (КДП), упрятанные в обтекаемые башни и высоко поднятые над рубками, теперь вырастали над морем… выше, выше, выше. Через минуту стали видны ажурные переплеты мостиков.

— Убедился? — спросил его Лунин.

— Так точно.

— В чем?

— Земля поката.

Время было 17.12, когда Лунин коротко объявил:

— Приготовиться к торпедной атаке!

Акустик «К-21» матрос Сметанин, обнаружил гитлеровскую эскадру еще за 12 миль (почти за 20 километров).. Теперь начиналось неизбежное сближение с нею. Шли минуты.

— Шум усиливается, — доложил Сметанин.

Лунин сказал:

— Эсминцы здесь не ягоды собирают. Очевидно, вслед за ними следует ожидать прохода других кораблей — более серьезных…

В 17.20 мотор снова подал перископ на поверхность моря. Николай Александрович, прищурясь, спросил Лукьянова:

— Помощник, хочешь глянуть?

Лукьянов присел возле перископа, мягкая каучуковая оправа окуляров почти с нежностью облегла его лицо.

— «Адмирал Шеер»! — определил он по силуэту.

— А ты как думал… он самый. А за «Шеером»… видишь?

Лукьянов крутанул рукояти перископа.

— Сам «Тирпиц», — произнес тихо, словно не веря.

Перископ был опущен. (В охранении. «Тирпица» шел и «Хиппер», но с подлодки «К-21» этот тяжелый крейсер замечен не был) — Хорошо, что мы не польстились на эсминцы, — сказал Лунин. — По малому бить — только кулаки расшибешь. Будем готовить атаку на «Тирпица». А сначала нырнем под эсминцы!

«К-21», прорвав охранение, прошла под днищами вражеских миноносцев, сближаясь с линкором. Шум могучих винтов, сотрясавших сейчас пучину, слышал на подлодке теперь не только акустик, — эти ревущие содрогания бронзы и воды, взорванной вращением лопастей, слышали теперь все на подводном крейсере. Суеты не было. Сработавшийся экипаж не нуждается даже в командах.

Люди четко выполняют все то, что от них требуется. Но они еще не знают — кто там, наверху?..

Перископ снова воздет над баламутью океана.

— Во, черт бы их всех побрал! — выругался Лунин.

— Что там, Николай Александрович?

— Идут на зигзаге. На очень сложном, и несимметричном, галсируя постоянно. Нам будет трудно рассчитать углы атаки…

Носовые торпедные аппараты уже готовы к

залпу.

— Прекрасно, — заметил Лунин. — Будем выстреливать из носовых. Там как раз лежат шесть штук, изготовленные на крупную дичь… Комиссар! — позвал Лунин.

— Есть! — Лысов тронул пилотку на голове.

— Пройдись по отсекам. Скажи ребятам, что мы атакуем «Тирпица».. Скажи, что идем прямо на флагмана! Сейчас будем наводить хандру на Гитлера… Ясно?

— Есть. — И комиссар уполз в круглую люковину поста.

— Начнем работать, — произнес Лунин, склоняясь над планшетом для расчета боевой атаки.

Было 17.36, когда Сметанин доложил ему:

— Пеленг меняется… эскадра переходит на другой курс.

Там, наверху, совершили поворот на норд-вест. «К-21» пришла на контркурс с линкором. Все внимание Лунина сосредоточено было только на «Тирпице»:

— К повороту… упустить его нельзя. Мне только он… только он нужен сейчас… на других я плевать хотел!

Воля командира, бесстрашие подводника, анализ математика, расчет геометра, сноровка

практичного, ловкого человека — немало качеств надо проявить сейчас, чтобы выйти (только выйти) на дистанцию торпедного залпа.

— Еще раз гляну! — сказал Лунин, поднимая перископ.

Пятнадцать раз был поднят над океаном всевидящий глаз крейсера. Это был страшный, гибельный, но оправданный риск! Ведь поднятый перископ реял сейчас над морем, сигналя врагу белой косынкой предательского буруна…

Пятнадцать раз в голове Лунина складывались, подвергались критике и отшлифовывались, как алмаз, алгебраические расчеты атаки.

— Ну, кажется, готовы, — передохнул он. — Вперед… на двух моторах.

Будем выходить на пистолетную дистанцию.

— Это верняк, — кивнул Лукьянов.

— Не хвали, они могут еще отвернуть. Ты же сам видел, какие они там кренделя выписывают…

Лунин откачнулся от перископа:

— Все! Самое трудное позади. А выстрелить и дурак сумеет!

…Для Лунина и команды его «К-21» сейчас из-за борта «Тирпица» вставали судьбы кораблей каравана PQ-17!

По стволам шахт бесшумно скользили элек-

тролифты.

В арт-погребах «Тирпица» на мягких манильских матах дремали громадные — в обхват человека — заряды главного калибра.

А вот и он сам, этот калибр: задернутые от брызг чехлами, настороженно досыпали свой мрачный сон перед пробуждением боя крупповские громилы башен.

В адмиральском салоне «Тирпица» покойный полумрак, лампы-бра отражают инкрустации переборок, тихо бренчит хрусталь в буфетах. Электрокамины отбрасывают лживый свет (эрзац настоящего огня) на полированную обшивку.

С громадного портрета глядится в глубину корабля Гитлер, скрестив руки на неприличном месте.

В прачечных крутятся барабаны, простирывая 2400 штук матросского белья из суровой нитки.

Хлебопеки кончают выпекать порцию хлеба к ужину, и скоро в адмиральском салоне запахнет теплыми ароматными булочками.

Вся жизнь линкора творится сейчас наверху, в просторных рубках корабля, похожих на научные лаборатории, где люди (не в белых халатах) заняты сложнейшими расчетами, ведущими к одной цели — к убийству, к разорению, к грабежу,

к панике на океанских коммуникациях…

Несокрушимость этой жизни, подчиненной регламентам вахт, кажется, пропитывает даже молекулы брони, и потоки электронов, что струятся сейчас в обмотках динамо, в редукторах мощных раций, словно убеждают каждого, что «Тирпиц» всегда постоянен, он несокрушим, как и сама гитлеровская империя!

Золотые ножны кортика колотятся по бедру адмирала. Руки его, когда-то молодые, теперь испещрены венами усталости от этой жизни. Под ладонями нежно скользит бархат поручней салонного трапа. Еще трап. Опять трап…

Этим трапам не будет конца. Тяжелая заслонка бронированной двери пропускает адмирала, гулко бахая за его спиной, тут же задраенная. Автомат, щелкнув, включает свет в рубках…

— Следующий поворот — все вдруг! — следует приказ. — Кильватер ломать, корабли в пеленг. И галс менять снова…

…Лунин отдал бы всю свою жизнь — лишь бы слышать сейчас эти слова. Но только рев винтов, только содрогание брони — больше ничего не слышит пучина.

— Курсовой пятьдесят пять, — напомнил Сметанин.

— А до залпа всего три минуты, — подсказал Лукьянов.

Напряжение на «К-21» достигло предела. Еще никогда лодки Северного флота не сталкивались с таким противником, еще никогда атака не проходила с таким невероятным риском. Эскадра над ними все прослушивает через «нибелунги», она все просматривает через зеркальные «чечевицы» оптики… «Неужели командир опять пойдет на риск и поднимет перископ?»

— Да, подниму, — сказал Лунин.

Он потом благословлял этот священный риск. Через панораму перископа Лунин увидел воздетые над мачтами «Тирпица» громадные полотнища флагов — сигнал флагмана к общему повороту всей эскадре… Лунин чуть не застонал:

— Опять поворот… все вдруг! Только бы не влево, — взмолился он, — только бы не влево. Иначе они уйдут от нас…

В центральном посту воцарилась страшная тишина. Что наверху? Куда они повернут сейчас?

— А сколько до «Тирпица»? — спросил Лукьянов.

— Примерно сорок пять кабельтовых, стрелять уже можно…

Океан гудел от ударов лопастей винтов. Инже-

нер-механик В. Ю. Браман стоял в этот момент между Луниным и сверхсрочником Соловьем, управлявшим горизонтальными рулями; он вспоминал потом: «Я заметил, что у боцмана лодки, мичмана Соловья, как-то подергиваются плечи, я положил ему руку на плечо и почувствовал, что мичмана бьет мелкий озноб. Понемногу боцман успокоился… Не боится ведь только тот, кто ничего не понимает в окружающей обстановке или круглый дурак».

— Погляжу на этих поганцев снова, — сказал Лунин.

Перископ вынырнул наверх, и лицо командира прояснилось:

— Слава богу, они отвернули вправо…

Однако, после поворота подлодка «К-21» оказалась внутри гитлеровской эскадры. Как вспоминали очевидцы, Лунин при этом сказал:

— Попали мы, ребята, в самую середину собачьей свадьбы. «Тирпиц» стал еще ближе к нам… Моторы — на полный!

Но теперь — после поворота — под ударом носовых труб «К-21» оказался «Адмирал Шеер».

«Тирпиц» попадал под удар только кормовых аппаратов.

— А все-таки я тебя атакую! — страстно вос-

кликнул Лунин, и, в азарте сорвав с себя «шапку-невидимку», он шмякнул ее себе под ноги…

Подводный крейсер, тихо гудя моторами, скользил длинным корпусом на глубине, сближаясь с флагманом Гитлера.

Нужно быстрое решение, и оно было найдено:

— Носовым — отбой… Кормовые — товсь!

Там – в корме – не шесть торпед.

Там – только четыре.

Но выбирать уже поздно.

Надо стрелять немедля.

«Сразу село напряжение сети освещения. Лампочки светились красноватым светом, завибрировало ограждение рубки и палубная надстройка», – так вспоминал В. Ю. Браман об этом моменте, когда подводный крейсер разворачивался для стрельбы из кормовых труб…

— Залп четырьмя… с интервалом в четыре секунды…

Дистанция до «Тирпица» была 17 кабельтовых.

Часы в рубках показывали 18.01…

Четырежды крейсер пружинисто качнуло на залпах:

— …первая-вышла!

— …вторая — вышла!

— …третья — вышла!

— четвертая — вышла!

Турбонасосы тут же подавали воду в цистерны, чтобы возместить на лодке утраченную тяжесть торпедного веса.

Лунин посмотрел на своих товарищей. Тронул себя за бороду, отросшую за время похода, и скомандовал резко:

— Ныряй!

Спокойно, не понимая тревог человеческой жизни, стучал секундомер. Его дело простое — отсчитывать краткие мгновения тех великих дел, которые творятся людьми… Минута, вторая, и теперь на «К-21» все стали волноваться.

Лукьянов сказал:

— Мимо… Ох, боже ты мой, неужели же мимо?

Подводный крейсер на полных оборотах уходил прочь.

Прошло 2 минуты и 15 секунд, когда рвануло первый раз.

Рвануло еще… Лукьянов в счастье закрыл лицо руками.

Лунин чего-то еще ждал, посматривая на своего акустика.

Сметанин же смотрел на своего командира.

— Шум удаляется, — сказал он между прочим.

И вдруг море загудело от продолжительного взрыва.

— Включи опять! — крикнул Лунин штурману, и тот мгновенно включил секундомер.

Гул взрыва (а точнее — серия взрывов) продолжался целых двадцать секунд…

Это было даже не совсем понятно на лодке.

Затем последовали еще два отдельных взрыва. «Особенно хорошо они были слышны электрикам, находившимся в аккумуляторных „ямах“, где не было посторонних источников шума…»

В 19.09 подлодка всплыла. Океан был пустынен.

«Русским морякам (по словам адмирала Макарова), лучше всего удаются предприятия невыполнимые…»

ПОБЕДИТЕЛИ

Через три дня хроника ТАСС сделала важное сообщение:

«В Баренцевом море одна из наших подводных лодок атаковала новейший немецкий линкор „Тирпиц“, попала в него двумя торпедами и нанесла линкору серьезные повреждения»

Авиаразведка Северного флота засекла «Тирпица» спустя сутки после лунинской атаки. Под сильным конвоем, таясь под тенью норвежского берега, «Тирпиц» уходил… Он уходил совсем не в том направлении, в каком его ждали англичане, выставившие против него свои линейные силы. Отнюдь, курс «Тирпица» не был и тем курсом, на котором он мог бы столкнуться с караваном PQ-17… Подозрительно малой была и скорость, с какой передвигался флагман гитлеровского флота!

Британский атташе контр-адмирал Фишер навестил Головко:

— Имею хорошую новость для вас я для вашего флота.

— Что-либо о караване PQ-17?

— Нет. Наша разведка установила, что немцы поставили «Тирпица» на ремонт.

А это наверняка прямой результат атаки вашего доблестного офицера Лунина.

— Могу дополнить, — отвечал Головко. — Атака Лунина поразила линкор в его уязвимые места, ибо, как свидетельствует наша авиаразведка, «Тирпиц» уже не бегает, он едва тащится…

***

Обратив внимание на это сообщение ТАСС, гитлеровская разведка докопалась, что отец Н. А. Лунина, старый, слесарь-кораблестроитель, находится на территории оккупированного Ростова-на-Дону. Отец подводника — в расплату за «Тирпица» — был публично повешен гестаповцами на городской площади.

Накануне прихода в базу Лунин обратился к команде:

— Сейчас, конечно, на нашего брата навалятся корреспонденты. Я со всей строгостью предупреждаю — отмалчивайтесь! В наших же интересах, чтобы в печать не просочилась ни одна из деталей нашей подводной тактики. А то, помните, как один чудак напортачил в газете: «Уклоняясь от бомб противника, героические подводники

смело нырнули на такую глубину, при которой бомбы безобидно рвались над их головой». Нам не легче оттого, что в редакции кого-то взгрели по шее. Немцы тоже газеты читают, и теперь их бомбы над головою у нас не рвутся… Все ясно, ребята?

— Ясно, — дружно ответила команда.

А в 2 часа дня 9 июля «К-21» уже подходила к причалам базы. Ее встретили здесь Головко и команды других подлодок. На пирсах блеснули медные тарелки оркестра. Завхоз Подплава держал под мышками двух румяных поросят, перевязанных ленточками (по традиции Северного флота победителям-подводникам обязательно полагался поросенок для застолья; две победы — два поросенка; три — так три поросенка!). Лунин издали показал завхозу палец.

— Наш только один! — крикнул он с мостика.

— Один-то один, — отозвался завхоз, — да ведь гитлеровский флагман «Тирпиц» целого свинарника стоит…

Ошвартовались, оглушенные оркестром и визгом поросят.

— А никудышная у тебя борода, — сказал Лунину командир бригады. — Скоси ты ее сразу, Коля…

Здесь они узнали, что «Тирпица» и его эскадру, оказывается, встретила и английская подлодка «Аншейки», но ее командир Уэстмаккот от атаки уклонился. По традиции британского флота, «атака — частное дело командира».

Частное всегда и останется только частным. Спорить тут не приходится: в каждой избушке свои игрушки… «К-21» посетили офицеры с подлодки «Трайдент», не скрывавшие давнего интереса к советским «катюшам».

— Неужели вы согласны показать нам все?

Англичанам объяснили, что гостям, как союзникам, будет показано все. И действительно от них ничего не скрывали. Союзников буквально поверг в изумление дизельный отсек, сверкающий небывалой мощью двигателей.

Внимательно они прочитали фирменную табличку советского завода.

— А мы думали, что у вас стоят немецкие дизеля.

Браман мигнул мотористам, чтобы следили за союзниками. Это было кстати, ибо, верные любви к сувенирам, англичане исподтишка уже откручивали от дизелей гайки и клапаны — на память о «К-21», выходившей в атаку на самого «Тирпица»! На следующий день, уязвленные порядком

на наших лодках, англичане устроили у себя аврал. Грязь они гребли ведрами и лопатами (это не преувеличение!). За борт летели объедки, тряпки, драная обувь, дохлые крысы, какой-то невыразимый хлам. После чего англичане пригласили в гости наших подводников. Чисто, правда, но накурено — хоть топор вешай (это на подлодке, где особенно ценен воздух для дыхания). Страшный треск стоял в отсеках — матросы резались в кости. Легкомысленные, мягко выражаясь, фотографии уснащали не только переборки, но даже механизмы. На советских и своих офицеров — ноль внимания. Один наш лейтенант (наивная душа!) спросил союзного лейтенанта — нельзя ли призвать матросов к порядку.

— Можно, — согласился тот. — Но вы же видите — они сидят без фуражек. И пока не наденут их снова, они считаются свободными от службы… Мы решили тоже ничего не скрывать, как не скрывали и вы от нас. Пожалуйста, смотрите!

— А почему вы стреляете по врагу с дальней дистанции?

— Потому что мы еще не записались в клуб самоубийц.

— А зачем выпускать в противника сразу по десять торпед?

— Так больше шансов поразить его… К тому же за каждую истраченную торпеду командир лодки получает денежную премию от фирмы, которая производит эти торпеды.

— А мы их бережем, — признался наивный лейтенант.

— У вас нет короля — богатого, как у нас.

Вскоре состоялось деловое свидание Лунина с командующим флотом.

Вице-адмирал Головко умышленно вызвал подводника на откровенный разговор:

— Давайте, товарищ капитан второго ранга, разберемся во взрывах… Как вы мыслите себе этот каскад взрывов после атаки? Первые два по выпуске торпед — понятны. Вы угодили в «Тирпица», в чем я нисколько не сомневаюсь. А… дальше?

Лунин сказал:

— Я и сам много думал об этом. Грохот третьего взрыва продолжался секунд тридцать, его явственно слышали в аккумуляторных «ямах». Он кажется мне странным, этот взрыв..

— Ну? И к какому же вы пришли выводу?

— Мое мнение таково, — отвечал Лунин адмиралу. — Вторая торпеда в «Тирпица» не пошла. Один из германских эсминцев, когда увидел, что

грозит линкору, принял торпеду на себя!

— Так. Дальше.

— Эсминец затонул. Глубинные же бомбы, видать, были установлены на дистанцию взрыва заранее. Когда тонущий эсминец достиг той глубины, которая была установлена минерами на взрывателях бомб, эти бомбы стали рваться на корме одна за другой. Отсюда и продолжительность очень сильного взрыва.

Они помолчали, раздумывая.

— А было еще два взрыва потом? — напомнил Головко.

Лунин честно признался, что не понимает — или это последствия его попаданий, или грохот тех глубинных бомб, которые противник наугад швырнул за борт, желая если не поразить, то хотя бы отпугнуть его «К-21» от линкора…

Арсений Григорьевич впоследствии записывая: «Не слишком ли поторопилось Британское адмиралтейство с приказом английским миноносцам бросить караван?.. На фоне таких действий атака, произведенная „К-21“, особенно выделяется смелостью, скажу больше — героизмом наших людей, и думаю, что не ошибусь, если определю заранее дальнейшее поведение Британского адмиралтейства в данном случае. Не

сомневаюсь, что английское командование предпримет всяческие попытки умалить значение и результативность атаки, ибо приказ Британского адмиралтейства о расформировании конвоя PQ-17 (! — В. П.) поставил моряков английских эскортных кораблей в очень неприятное и ложное положение…»

Лунин и команда его героической «К-21» четырьмя залпами из кормовых труб сорвали не только планы Гитлера, Редера и Шнивинда — заодно они спутали карты и в той авантюрной игре, которую повели сейчас некоторые из англичан.

ПОСЛЕДСТВИЯ

Как выяснилось после войны, противнику удалось перехватить и расшифровать то радиодонесение в Полярное, которое послал Лунин в свой штаб, сообщив точные координаты «Тирпица». Немцы перехватили и донесение английской лодки «Аншейки», пропустившей «Тирпица» мимо себя. Вслед за этим Уайтхолл объявил германскому флоту «электронную войну». Мощные глушительные установки, о силе которых немцы еще не догадывались, расстроили работу немецких радиостанций, связь Берлина с Норвегией прервалась.

«Тирпиц» тоже попал под удар «электронных бомб»: его рация заглохла на рабочих частотах, а из паники хаотических звуков, загромождавших эфир, словно мусором загородную свалку, радисты немецкого флагмана сумели выудить лишь два страшных префикса, которые Редер адресовал Шнивинду, — это были секретные сочетания: КР-КР… Они означали, что «Ход конем» безнадежно провалился. Впрочем, Шнивинд и сам понимал это…

Высокопарные разговоры фюрера о «дорогих игрушках» закончились обычным утверждением Гитлера, что дальнейший риск с линкорами недопустим, и «Тирпиц» закончил свою жизнь на унизительном приколе, ремонтируясь в узком чулке Ко-фьорда, который является ответвлением гигантского Альтен-фьорда.

Результат, лунинской атаки превзошел все ожидания: «Тирпиц» в дальнейшем оказывал на Северном театре лишь моральное воздействие на своих противников, а в океан он вылез только однажды — для обстрела угольных шахт Шпицбергена. Но он еще продолжал воздействовать на английский флот как неустраненная угроза, которая в любой момент способна из потенциальной перерасти в угрозу ощутимо материальную. Далее, на протяжении двух лет; все попытки британцев сводились к уничтожению «Тирпица», причем попытки эти были весьма хитроумны.

Англичане построили малюсенькие подлодки, которые моряки называли блохами. В ночь на 23 сентября 1942 года эти «блохи» покусали «Тирпица», когда он дремал на приколе в теснине между скалами (от взрыва торпеды была нарушена центровка гребных валов). А вскоре Home Fleetly удалось расправиться в открытом бою с другим

немецким линкором — «Шарнхорст». Битва во мраке полярной ночи, почти целиком построенная на технике радиолокации, разыгралась в зоне Северного флота; англичане уходили в бой из нашей бухты Баенга, туда же и вернулись после победы. Свидетелями этой беспримерной дуэли, вроде секундантов, были наши подлодки, причем «К-21» снова выходила в атаку…

Я хорошо помню возвращение линкора «Дюк-оф-Йорк» в Кольский залив, помню резкую сухощавую фигуру британского адмирала Фрейзера, помню ряды носилок вдоль заснеженных пирсов Баенги, на которых под одеялами лежали раненые матросы с геройского крейсера «Ямайка». Наш эсминец выходил в море для встречи победителей, как положено — с музыкой, имея на борту сводный оркестр. Но когда из мглы океана выросла несуразная глыба «Дюк-оф-Йорка», на палубу смог вылезти только один барабанщик (весь нежно-зеленого цвета). Как бы он ни был талантлив, но он не брался исполнить на барабане сложную вариацию «Боже, храни короля…». А все флейты, тарелки и даже неустрашимый геликон валялись сейчас вповалку на рундуках наших кубриков — укачались!

Отдавая союзникам все, что имел, Северный

флот в эти дни сидел буквально на голодном пайке: британская эскадра забрала у нас последние запасы — 10000 тонн мазута. Североморцы обеспечивали англичанам оперативные тылы по потоплению «Шарнхорста», и потому вице-адмирал Головко с большим почетом был принят адмиралом Фрейзером на борту линкора «Дюкоф-Иорк», причем начало этой встречи приобрело анекдотический характер…

После всех торжественных церемоний Фрейзер спросил Головко:

— Известно ли адмиралу, что я уже бывал в России и сражался против большевиков?

Арсений Григорьевич, конечно, был подготовлен к свиданию, заранее предупрежден, что Фрейзер участвовал в интервенции.

— Знаю, — отвечал Головко с улыбкой. — Осенью восемнадцатого года вы, адмирал, были на Каспии… Там вас и взяли в плен!

Фрейзер был удивлен осведомленностью Головко.

— Но есть один факт в моей биографии, о котором вы, доблестный адмирал, вряд ли слышали… Большевики посадили меня в свою ужасную тюрьму! Известно ли вам об этом?

Головко сознался, что даже об этом прискорб-

ном случае он достаточно осведомлен.

— А знаете ли вы, что я чрезвычайно благодарен большевикам именно за то, что они меня посадили в тюрьму?

Вот тут Головко растерялся с ответом…

— Да, — продолжал Фрейзер, поправив хрусткую, как рафинад, ослепительную манжету, — я до седых волос благодарен большевикам. Они меня посадили в тюрьму, где держали на таком скудном рационе, что моя язва желудка, которой я страдал смолоду, окончательно залечилась, и с тех пор я уже никогда не болею. (Это правда. Б.О. Фрейзер, впоследствии первый лорд Британского адмиралтейства, скончался совсем не давно — в. 1981 году, в возрасте девяноста трех лет.) Фрейзер от души благодарил Головко за помощь, оказанную Северным флотом флоту британскому, а Черчилль поблагодарил Сталина за сердечность североморцев, которые столь доброжелательно встретили и проводили английских моряков эскадры адмирала Фрейзера…

Американский исследователь морской войны С. Морисон назвал этот период так: «Шумное веселье в высоких широтах». Верно, что в арктических водах было тогда и шумно, и весело. По рейдам шныряли шлюпки под разноцветными

парусами, опорожненные бутылки из-под виски так и порхали в иллюминаторы, вовсю ревели аккордеоны в руках британских матросов. Нам же было тогда весело от ощущения той победы, которая от руин Сталинграда близилась к развалинам Мурманска. Скоро началось мощное наступление на врага в Заполярье.

Искусанный «блохами», линкор «Тирпиц» перетащился в Тромсе, где его поставили на мелководье. Рефулеры намыли под гигантом насыпи песка, чтоб он не перевернулся. Но теперь за флагманом Гитлера следили глаза норвежцев — героев Сопротивления, активно сотрудничавших с нашей разведкой. Северный флот взял на себя и обеспечение «челночной» операции по уничтожению «Тирпица». Для англичан прибыли из США особые фугаски «Block Buster» (весом каждая около шести тонн). Сорок один британский самолет типа «ланкастер» поднялся с аэродрома Архангельска, чтобы приземлиться уже в Лондоне. В середине своего маршрута, пролетая над Тромсе, «ланкастеры» своими фугасками разделали «Тирпица» с небес как бог черепаху. Фашистский флагман все-таки перевернулся (!) кверху килем, и 1200 человек команды задохнулись в броневой коробке линкора, не в силах

выбраться наружу из глубин его бездонных отсеков.

Это случилось уже осенью 1944 года. После войны союзники «подарили»

Норвегии гигантский корпус гитлеровского линкора. Обычно о кораблях, пущенных на слом, моряки говорят: «Пошел на патефонные иголки…» С «Тирпицем» же случилось совсем иное: его стальной корпус пошел на выделку дамских булавок и шпилек. От великого до смешного — один шаг!

***

Однако сейчас еще год 1942, в пыли и жаре идут по Задонщине наши усталые солдаты, враг захватывает громадные территории нашей страны, а командование Северным флотом ждет подхода к своим портам каравана PQ-17…

Вскоре вице-адмирал Головко обратил внимание, что британский атташе Фишер ведет себя как-то странно. При встрече он отводит глаза, краснеет… Да, да, он краснеет! Кажется, это не к лицу бывшему командиру линкора «Бархэм»… «Что же там у них могло случиться?» Впрочем, такое поведение союзников было для Головко не новостью: точно так же краснели они в феврале

— после прорыва линейных сил Германии из Бреста.

«Неужели и сейчас что-то отмочили?» — думал Головко.

Пагубный приказ о рассредоточении судов PQ-17 до сведения штабов Полярного англичанами доведен еще не был. В эти дни четыре наших эсминца, вспарывая волну ножами форштевней, ушли далеко в блеск океана, чтобы встретить корабли PQ-17. Котельные установки мощно ревели, содрогая теплые палубы, насыщая паром лопатки турбин. В развернутых на ветер вентиляторах бушевали ураганы горячих сквозняков. В щелканье указателей в жужжащем хоре автоматов и визиров чуялась неусыпная готовность кораблей к бою — готовность № 1.

Но эти эсминцы никогда не встретят PQ-17…

Потому что этого каравана уже не было!

А КТО ВИНОВАТ?

Утром 5 июля 1942 года контр-адмирала Джеффри Майлса, возглавлявшего военно-морскую британскую миссию в Москве, требовательно разбудили ради дела:

— Сэр! Получена копия странной радиограммы из Лондона…

Да, странной. Дадли Паунд отвел от PQ-17 силы прикрытия, и теперь караван образовал в океане неустойчивые группы кораблей, которые следуют без охраны. Освоить это сообщение было не так-то просто, и атташе снова завернулся в одеяло.

— Я должен выспаться, — заметил Майлс. — События слишком катастрофичны, и мне надо иметь свежую голову…

Но его тут же потревожили снова:

— Адмирал Алафузов просит вас прибыть в Главный морской штаб. Он предупреждает, что болен гриппом, но обстоятельства вынуждают его не откладывать разговора…

В. А. Алафузов во время войны занимал такой же пост, какой в Англии занимал первый мор-

ской лорд Дадли Паунд (каждый в своей стране возглавлял работу Главморштаба). Больной, с очень высокой температурой, Алафузов хриплым голосом сразу же завел речь о непонятном решении первого морского лорда.

— Расформировать конвой PQ-17… что это, значит? — возмущался он. — Вы же моряк, Майлс, сами понимаете… Уйти на север корабли не могут, ибо там поджимает паковый лед, как стенка. Значит, корабли будут спускаться вниз по меридиану — как раз под удары немецкой авиации. Как найти объяснение этому абсурду?

Майлс пытался «смазать» вопрос, в основном упирая на то, что господин Алафузов, очевидно, введен в заблуждение. Но в руках советского, «первого морского лорда» вдруг оказалась пачка свежайших квитанций с моря (это навело Майлса на мысль, что русские небезгрешны и служба радиоперехвата и расшифровки у них отлично налажена).

— Все это — сигналы бедствия ваших же кораблей! — резко заявил Алафузов.

— Что тут можно отрицать? И что тут можно оправдать? Мы в Москве не понимаем ваших намерений. Будьте же так добры, срочно свяжитесь с сэром Паундом, чтобы он подробно информиро-

вал о сути всего происходящего с конвоем PQ-17… Народный комиссар флота адмирал Кузнецов ждет доклада от меня, а Сталин будет ждать, что ему скажет Кузнецов!

Через несколько дней состоялась холодная встреча Майлса с Кузнецовым, причем британский атташе не решился излагать ход событий так, как продиктовал ему Дадли Паунд, а прибег к маскировочному камуфляжу, явно сглаживая острые углы необъяснимых поступков Британского адмиралтейства…

Кузнецов отправился на доклад к Сталину, который долго и сосредоточенно молчал. Затем спросил:

— А имелась ли необходимость прекратить конвоирование? Я ведь все-таки на флоте не служил и, может, чего-то не понимаю.

Нарком флота отвечал, что, насколько ему известно, серьезных причин к распадению каравана у англичан не было. Здравый человек не станет сам себе отрубать голову…

— Черт знает что там у них творится! — возмутился Сталин и пальцем примял в трубке свежий табак. — Я буду писать об этом безобразии Черчиллю, — сердито закончил он.

Об этом его письме — позже! Загадочная подо-

плека последних событий в океане еще не была известна в мире, и письмо Сталина к Черчиллю в дипломатических кругах сочли тогда неоправданно резким, почти грубым. Но теперь многие тайны Уайтхолла просвечены насквозь, словно рентгеном, и мнение Сталина о гигантской катастрофе выглядит даже слишком мягким…

После войны в Лондоне вышла монография о линкоре «Тирпиц», где подробно изложен весь его путь. Подборка иллюстраций наглядно показывает нам «Тирпиц», и в боевом могуществе, и в том виде, когда он уже валялся кверху килем. На днище линкора виден лист обшивки, аккуратно отодранный, словно немцы через эту искусственную «пробоину» желали спасти остатки команды…

Касаясь судьбы каравана PQ-17, автор монографии пишет:

«Это было отвратительное дело! Каждый чувствовал весь ужас того пути, на котором были брошены торговые суда, одинокие перед лицом угрозы со стороны воздушных и подводных сил противника…»

Дело было действительно отвратительное…

Крейсера Хамильтона и эсминцы Брума еще летели в сторону эскадры Дж.

Товей на 25 узлах. Один из крейсеров нес на своей палубе обгорелый костяк германского самолета, врезавшегося в его надстройки, и среди обломков — никем не убран! — сидел за штурвалом, оскалив зубы, мертвый фашистский пилот. Перехваченная радиосводка противника гласила, что американский крейсер уничтожен смелым тараном торпедоносца, что вызвало веселое оживление на крейсерах США: «Уиччита», — запрашивали с мостика «Тускалузы», — это, случайно, не вас ли вчера угробили?» — «Лучше посмотрите на себя, — мигал прожектор на „Уиччите“, — мы давно подозреваем, что за нами гонится один глупый призрак».

Хамильтон многое понял за ужином, когда вестовой, обычно не раскрывающий рта, вдруг сказал со слезами в голосе:

— Простите, сэр, но я думаю, что мы напрасно бросили этот несчастный караван. Боже, что с ним творят сейчас немцы!

Хамильтон полагал, что своим маневром на запад он увлекает за собой и «Тирпица» с его эскадрой. Крейсера как бы наведут линкор Гитлера на линейные силы Товея, а тот — мастер своего дела! — как следует всыплет немцам из главного калибра башен. Каково же было адмиралу узнать,

что Дадли Паунд издал бессмысленный приказ! И никто за ними не гнался. А крейсера, по сути дела, дезертировали с позиции.

В кубриках было неспокойно. Матросы открыто осуждали Уайтхолл, который, по их мнению, попросту велел им удирать от немцев… Ничуть не лучше было и самочувствие на эсминцах Брума, которые, закусив удила, галопом неслись за Хамильтоном, уверенные, что спешат в сражение. Известие, что «Тирпица» нет в океане, повергло экипажи в состояние тяжелой депрессии. Брум поднес к лицу эбонитовый набалдашник радиотелефона связи TBS:

— Сэр, я вполне созрел для того, чтобы повеситься. Великий боже, что же мы натворили! Мои эсминцы будут счастливы броситься назад — к несчастному каравану PQ-17.

— Которого они уже никогда не найдут, — подавленно отвечал Хамильтон. — Очень жалею, что я не родился адмиралом Нельсоном, который побеждал только потому, что смолоду взял за правило поплевывать на все приказы из Уайтхолла…

Положение было безвыходным. Ведь случись так, что PQ-17 сохранился в целости, крейсера уже не могли вернуться к нему, ибо форсирован-

ный отход, похожий на бегство, истощил запасы их нефтяных «Ям». Утром 6 июля Хамильтон и Брум настигли линейные силы Товея. Немецкая эскадра — после атаки Лунина — уже втянулась обратно в «чулки» фиордов, как щупальца осьминога, по которым больно ударили. Напрасно брошенные транспорта истошно призывали корабли Home Fleeta вернуться для их защиты — они не пришли! Рядовые матросы боевых кораблей чувствовали себя предателями, но трагическая ситуация войны была решена заранее, и честные моряки — англичане и американцы — уже не могли спасти положение. Флот британской метрополии медленно разворачивался на «собственную спальню» его величества — на Скапа-Флоу! Гнев нижних палуб сочился через люки, достигая кают-компаний. Надо было что-то предпринимать, чтобы утихомирить матросов.

Хамильтон велел экипажу флагманского «Лондона» собраться на палубе. С микрофоном возле посеревших губ адмирал сначала предупредил: пусть все, что они услышат сейчас, здесь же, под флагом «Лондона», навсегда и останется.

— Очевидно, мы предали караван, но учтите, что нас тоже предали. Меня заставили исполнить то, чего нельзя было исполнять. Еще ни разу в

жизни, — говорил Хамильтон, — я не выполнял приказа с таким нежеланием, как этот дикий приказ об отводе наших крейсеров. День четвертого июля — это черный день биографии британского флота. И моей биографии тоже! Я, как и вы, уверен, что, покидая караван, мы приносили жертву не богу войны, а дьяволу тайной политики. Я еще не во всем разобрался как следует, но чувствую, что виноват в этом один большой дурак, которому помогали его дураки помощники…

Произнося свою речь перед матросами, адмирал и сам понимал, что карьера его затрещала, как водонепроницаемые переборки корабля, — ломаемые давлением океана. Хамильтон не был другом Советского Союза, но, честный человек, он не мог молчать. В письмах к своей престарелой матери адмирал давал выход гневу. Черчилль, по мнению Хамильтона, сознательно затягивает войну, нанося Англии вреда гораздо больше, нежели все немецкие подлодки, вместе взятые.

Война — слишком жестокая вещь, и надо ее кончать скорее, а не заниматься бомбежками немецких детей и женщин…

***

…А теперь нам интересно, что скажут амери-

канцы?

***

Они-то как раз взирали на англичан почтительно — немного снизу вверх. Это плохо, когда много денег, но очень мало традиций. Правда, традиции — штука хорошая, но лучше бы англичанам вместо старинных традиций иметь новейшую радиолокацию. Американцев раздражало еще и то, что их учителя очень много следят за противником, однако было похоже, что следят не для боя с ним, а лишь затем, чтобы вовремя уклониться от боя. По мнению американцев, не для того же в дни мира нещадно дерут налоги на флот, чтобы в дни войны флот перекидывали с базы на базу, словно кучу старой гнилой картошки…

«Тускалуза» и «Уиччита» драпали от каравана вслед за англичанами, безропотно полагая, что в таком деле, как война на море, лучше всего подражать англичанам. Уж кто-то, а они-то знают, что делают. Но матросы, почуяв неладное, стали дерзко задерживать на трапах офицеров с вопросом:

— Сэр! Мне хотелось бы знать, куда мы так торопимся, словно у нас в буфетах кончается выпивка? Насколько я понимаю в этом деле, Россия

находится на востоке, а тогда ради какой цели мы улепетываем в обратную сторону?

В такт содроганиям корабельных машин стучали и линотипы крейсерских, типографий. Тираж за тиражом газеты внушали американским матросам, что нельзя думать, «будто у англичан кишка тонка», а «эти берлинские ублюдки еще у нас попляшут»… Наконец настал момент, когда и до судовых редакций дошло, что караван PQ-17 попросту брошен, как котенок, с которым поиграли — и хватит! Офицеры заговорили, что учиться воевать на море можно даже в том случае, если английские корабли будут следовать за кормою американцев. Если это и ошибка Уайтхолла, то она обошлась в 700 000 000 долларов. Две трети каравана шли от берегов Америки с американскими грузами и под флагом США, а… что сделали англичане?

— Стыдно не только перед теми, кто остался в океане. Стыдно и перед русскими. Там ведь было шестьсот танков. И самолеты! Москва в своих военных планах наверняка учла их поступление. Теперь русские вправе спросить у нас:

«А где обещанный товар?»

Американский линкор «Вашингтон» оторвался от британской эскадры и самостоятельно пришел

обратно в Рейкьявик. Здесь произошел случай, почти небывалый в истории американского флота. Большие мастера погулять и побушевать на берегу, американские матросы на этот раз отказались сойти на берег. Вся команда — как один человек!

Это тебе не взвод, это тебе не рота… Когда 2500 человек (почти целая дивизия!) выстраивается на борту, выкрикивая проклятья по адресу своего командования, — это уже политическая демонстрация.

— Позор! — орали матросы. — Мы никуда не пойдем с корабля, потому что нам стыдно смотреть людям в глаза…

Что бы там потом ни говорили политики, но эта бурная первичная реакция непосредственных участников событий лучше всего отражает идейную сущность отвратительного дела.

Об этой «сидячей забастовке» на линкоре «Вашингтон» рассказывается в упомянутой мною монографии о «Тирпице».

В нашей стране об этом случае мало кто знает.

Москва отказывалась понимать абсурдные решения Уайтхолла, но и в Берлине тоже не понимали всей «Мудрости» маневров англичан, называя их «непостижимыми».

— Что происходит? — говорил Редер. — Может, распуская караван, англичане подстроили нам какую-то хитрую ловушку?

Но постепенно «непостижимое» решение раскрывалось немецкой разведкой: никакой ловушки здесь нет, PQ-17 рассыпался, теперь подходи и бей любой корабль на выбор… Склонные к анализу морские специалисты наконец пришли к «логическому» выводу:

— Теперь все ясно! Опытные в морских делах англичане никогда не допустили бы подобной глупости. Всей этой историей, надо полагать, заправляли американцы. Только эти краснощекие дуралеи и могли придумать расформирование каравана. Ну уж теперь-то можно не сомневаться, что англичане не допустят американцев к управлению операциями на море…

Пропагандистская машина Германии работала в эти дни на полную мощность.

Разгрому PQ-17 отводились первые полосы центральных газет, лорд Хау-Хау в программах радиовещания на Англию охрип от воплей восторга, берлинские кино-корреспонденты срочно вылетали на бомбардировщиках в океан, чтобы экранизировать из бомболюков страшные картины гибели кораблей. Всю первую декаду

июля в радиосводках германского командования завывали победные фанфары и гремели воинственные барабаны…

Гитлер ликовал и придумывал темы для карикатур на Рузвельта и Сталина (фюреру было известно, что основная часть грузов на PQ-17 американского происхождения). Но что бы ни восклицал Берлин о караване PQ-17, англичане… молчали. Уайтхолл никак не реагировал на германские сводки и не опровергал их! Англичане вляпались в «коровий блин» и теперь стыдливо помалкивали, не желая признаться, что это от них пахнет.

Сейчас собачий лорд Хау-Хау лаял на Англию не напрасно — на этот раз Берлин возвещал о разгроме каравана правду:

— Только факты, одни голые факты! Даже Черчилль при всем его нахальстве не сможет опровергнуть коммюнике достоверных германских сообщений…

Слушайте Берлин! Говорит Берлин…

За «стратегической ошибкой» прощупывался коварный умысел тайной политики Альбиона, и лорд Хау-Хау с ехидством, но не без оснований спрашивал в эти дни англичан:

— Что ж! Теперь, после разгрома каравана

PQ-17, русские опять могут задать фатальный вопрос мистеру Черчиллю: когда же вы, друзья, соизволите открыть второй фронт в Европе?

Теперь, читатель, вместе с моряками PQ-17 нам предстоит покинуть палубу корабля и с криком окунуться в ледяную купель полярного океана.

Вот это — правда страшно!

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. ЛЕДЯНАЯ КУПЕЛЬ

Мне хочется сказать слово благодарности тем тысячам и тысячам иностранных главным образом английских и американских, моряков, которые приняли участие в северных конвоях...
Надо было обладать большим мужеством, решительностью, выносливостью чтобы пускаться в такой путь...

Акад. И. М. Майский. Воспоминания советского посла

ПОСВЯЩАЕТСЯ ЛЮДЯМ

Корабль тонул, но не седел от ужаса. Груз разбивали бомбами, но еще ни один контейнер не вскрикнул от боли. Металл покрывался инеем, но бездушное железо не ощущало холода. Все страдания выпали на людскую долю… Тяжело было заканчивать вторую часть, но еще труднее приступать к последней.

Минувшая война была безжалостна к людям, и только одна наша страна потеряла в ней 20 миллионов своих граждан, способных заселить и освоить целый континент. Казалось бы, что на фоне грандиозных событий, охвативших весь мир, навсегда затеряется караван PQ-17, словно капля воды в океане.

Ведь среди астрономических чисел произведенного оружия, среди гигантских терриконов пороха, сгоревшего в битвах, среди бискаев нефти и байкалов бензина, что выпиты моторами танков и самолетов, — после всех гомерических расходов ради общей победы, что, спрашивается, могли значить корабли каравана PQ-17?

«….Итак, все было кончено. Но пока люди будут

сражаться в войнах и плавать на морях, проблема PQ-17 еще неоднократно будет всплывать самыми несхожими путями. Трагедия PQ-17 всегда отыщет людей, увлеченных ею, и люди еще долго будут об этом спорить», — так писал английский историк Дэвид Вудворд.

Сейчас на Западе текут обильные мутные воды литературы о минувшей войне, и течение их порою столь бурно, что они сметают указатели фарватера истины.

А где-то рядом с ними, пробивая для себя очень сложное русло, журчит и тоненький ручеек особой темы — трагедийной темы PQ-17.

Будем же и мы, читатель, помнить от этом караване!

Тем более что он направлялся к нашим берегам, именно мы ждали его прихода, мы же его и спасали… Если вдуматься, то ведь даже после отхода крейсеров и эсминцев еще не все было потеряно. Мы оставили караван на самом роковом распутье утром 5 июля, когда транспорта еще не успели разбрестись по океану. Останься тогда с ними не одиночки из охраны ПЛО и ПВО, а все 12 конвойных судов и караван, конечно, понес бы тяжкие потери, но зато никогда не испытал бы той участи, какая ему выпала! На время забудем,

читатель, о грузах (хотя летом 1942 года они для нас были крайне необходимы). Мы начинаем рассказ о людях, которые плыли с этими грузами. Картина разгрома PQ-17 слишком контрастна — тут всего хватало в избытке: трусости и бравады, паники, отчаяния и холодного ожесточения боя. Но даже поверженный и разбитый, сквозь взрывы торпед и бомб, сквозь злорадное бахвальство Геббельса, сквозь адское пекло пожаров, захлебываясь водой и мазутом, обмороженный и обгорелый, караван PQ-17 все-таки идет к нам.

А корабли не плывут сами — их опять-таки ведут люди.

Людям и посвящаем эту последнюю часть!

***

Удивительнее всех повел себя тральщик «Айршир» — один из немногих, кто остался при исполнении союзного долга. В момент распадения каравана, не поддавшись общей суматохе, он пошел на север, склоняясь к западным румбам, — туда, где смыкались арктические льды. А попутно законвоировал три транспорта, приказав им повиноваться. Командир тральщика, лейтенант Грэдуэлл, до войны был адвокатом, а помощник его — присяжным поверенным.

Эти два юриста оказались отчаянными моряками… «Айршир» полез сам (и повел за собой других) прямо в массы плотного льда, где их могло раздавить в лепешку, но зато немцам не пришло бы в голову искать их именно здесь. В малярках были собраны все белила, корабли срочно перекрасили в белый цвет.

Сбросив давление в котлах и не дымя трубами, четыре судна затихли среди ледяной пустыни, а пушки танков, стоявших на палубах, они развернули в сторону моря. Сами в эфир не выходили, но эфир держали под наблюдением.

Би-Би-Си о делах каравана помалкивала (сигналы SOS, летевшие с океана, сами по себе были достаточно красноречивы), зато отзвуки берлинских фанфар достигали и полярного безмолвия. Если верить Геббельсу, то выходило так, будто от PQ-17 остались рожки да ножки. Грэдуэлл понимал, что в радиосводках Берлина немалая доля истины, и критическое время разбоя на «большой дороге» он решил переждать. Потом корабли выломали себя из ледяных заторов и благополучно достигли Новой Земли, где на берегу матросов атаковали местные собаки. На крыльцо барака метеостанции выбежала русская женщина в ватнике и, призвав псов к порядку, долго

допытывалась у англичан — кто они такие и чего им здесь надобно? Вступив в тесный контакте местными властями, военными и гражданскими, преодолев массу трудностей, Грэдуэлл сумел сохранить все три корабля, которые и разгрузились в Архангельске.

Маленький я дерзкий «Айршир» пришел к нам, как боевой союзник, а ушел от нас, как хороший друг… Англия могла гордиться, что у нее есть такие адвокаты и такие присяжные поверенные, которые, встав на мостики кораблей, не посрамили чести хлопавшего на ветру британского «юнионджека»!

Но одним из первых прорвался к Архангельску героический «Донбасс» под командованием М. И. Павлова. Советские моряки шли напролом, решив не жаться к скалам Новой Земли, возле которых немцы уже опустили плотную завесу своих подводных лодок. Им повезло, но зато повезло и тем американским морякам с потопленного «Д. Моргана», которых «Донбасс» подхватил из воды. Янки были сильно изнурены пережитым, но, попив чаю, они самым охотнейшим образом заняли боевые места у носовой пушки. «Вскоре Павлов имел случай выразить американцам искреннюю благодарность: одиночный „юнкерс“ дважды

пытался атаковать танкер… Снаряд, посланный американскими артиллеристами, разорвался столь близко от самолета, что тот сразу выскочил из пикирования!» Этот самолет не дотянул до аэродромов Норвегии, пропав безвестно, а «Донбасс» подал швартовы на причалы Архангельска. Михаила Ивановича, благо он был первым с моря, сразу же вызвали к высокому начальству.

— Ну, что там? — спросили капитана.

Павлов провел ладонью ото лба к подбородку, словно желая смахнуть липкую паутину какого-то кошмарного сна.

— Там… каша, — сказал кэп. — Нас бросили! Если и дойдет кораблей пять, так и на том спасибо.

— А где «Азербайджан»?

— С ним поганая история: торпеда вырвала ему кусок борта, а из пробоины самотеком выходит в море груз масла. Не хочу быть пророком, но если придет, то придет пустым.

Павлова пошатнуло.

— Сегодня, кажется, девятое, — сказал он. — Так вот, с первого июля я не сходил с мостика. Больше недели на ногах — возле телеграфа… Вы уж меня извините, товарищи, но мне трудно даже рассказывать. Я — действительно чертовски хочу спать.».

Его отпустили без разговоров — спать, спать, спать!

Но это все исключения — другим так не повезло...

(ИЮЛЬ 1942 ГОДА)

Хроника ТАСС. (июль 1942 года)

11 — Советские войска вели ожесточенные бои с противником на подступах к Воронежу.

15 — Советские войска после ожесточенных боев оставили Богучар и Миллерово.

19 — Советские войска оставили Ворошиловград.

21 — В советской печати опубликовано сообщение о налете советской авиации на Кенигсберг.

23 — Югославские партизаны за последние 12 дней заняли и освободили семь городов.

24 — Наступление англичан на Египетском фронте приостановилось.

27 — Советские войска после упорных боев оставили Ростов и Новочеркасск.

29 — Получены документы о чудовищных зверствах, творимых гитлеровцами в Польше, тысячи людей подвергаются нечеловеческим пыткам.

30 — Митинг на Трафальгар-сквер в Лондоне с участием около 70000 человек обратился к правительству с призывом ускорить открытие второго фронта в Европе…

Перед Северным флотом постепенно вырисовывалась ужасная истина, которую до сих пор союзники скрывали. Теперь надо было спасать то, что еще можно спасти… Флот! Что ты можешь сделать сейчас, флот? Ведь перед тобой бушуют, качая мертвецов и вздымая обломки кораблей, громадные просторы — от Шпицбергена до Канина Носа. Все свободные самолеты были брошены на поиски транспортов. Эсминцы по четыре раза насквозь прошли все Баренцево море — от баз до кромки льда и обратно.

Радиостанция Северного флота круглосуточно ощупывала эфир. Но над океаном нависало тяжкое, безысходное молчание — корабли PQ-17 боялись обнаружить себя. Служба радиоперехвата противника только и ждала треска морзянки, чтобы по пеленгу навести на «заговорившего» свои подлодки и самолеты.

Но иногда кораблям терять уже было нечего. И тогда эфир взрывался в каскаде жалоб, призывов, надежд и мольбы: «Торпедирован… погружаюсь с креном… шлюпки разбиты… меня обстреливают… Спасите, чем можете и кто может!»

А потом снова наступало молчание, которое ужаснее любых самых страшных слов.

ВОЛКИ И ОВЦЫ

Волчья стая действует умно и жестоко. Она выходит на большую дорогу, а вожак, забегая вперед, выслеживает добычу. Вот добыча показалась, и тогда вожак голодным воем созывает своих товарищей. Вывалив между зубов покрытые пеной языки, с подведенными от голода животами, волки набрасываются на одинокого путника... Именно этот звериный принцип был положен Деницем в основу тактики по разгрому караванов на море, отсюда же и название этой тактики — «волчья стая»!

«Волкам» всегда сопутствовала в их разбое так называемая «дойная корова» — большая транспортная подлодка, которая сама не участвовала в торпедировании. Но брюхо ее было наполнено припасами и горючим. Время от времени, обессилев, боевые подводки подходили с моря к этой «корове», примыкали к ней шланги. Торопливо они сосали из ее железного вымени соляр, пресную воду, воздух высокого давления — и снова срывались на позицию.

Пользуясь выигрышем в скорости, «волки»

старались за ночь обогнать транспорта на дизелях, а на рассвете они шли под воду, спокойно выжидая, когда цель сама придет в пересечение нитей перископа… Такой способ атаки у немцев назывался «кабинетной атакой»!

Операция «Ход конем» вступила в свою решающую фазу; вдогонку «волчьим стаям» Дениц послал из Лориана свое обычное традиционное напутствие:

«Преследуйте! Атакуйте! Топите всех!» После чего деловито добавил открытым текстом без шифра: «Поменьше неприятных известий с моря! Это портит настроение тем командам, которые собираются уходить на позицию…»

Агония беззащитных кораблей и людей, плывущих на них, была ужасна, и пусть она послужит укором мертвецов совести тех, кто допустил это неслыханное предательство!

— Их сразу два, — сказал Ральф Зеггерс. — Один под британским, другой — под флагом Штатов… Собачий холод, мои руки не могут выносить этого.

Пальцы на перчатках Зеггерса были отрезаны, как у торговок, чтобы на морозе пересчитывать монеты. Он подул на замерзшие пальцы и снова повел перископ вдоль горизонта.

— Можно даже всплыть… Они же как овцы сейчас! — Без пастуха и без овчарок…

— Не советую. На «либерти» установлены «эрликоны», — сказал штурман и крикнул коку, чтобы им заварили кофе покрепче.

Зеггерс глянул на счетчик лага: винт толкал сейчас лодку на скорости в восемь узлов, и при этом они шли, не отставая от транспортов (скорости противников были равнозначны).

— Ладно, — решил он. — Одну вколотим… Курсы у нас параллельны, лишь возьму упреждение. Тут не надо даже тригонометрии, будь она проклята…

Носовой аппарат, можно открывать заслонки… Левой трубой… одну… внимание… пли!

Глухо булькнув, вся в пузырях воздуха, обильно смазанная тавотом, торпеда пошла на транспорт. Следя в перископ за туманной дорожкой торпедного следа, взбившего поверхность моря отработанным керосиновым газом, Зеггерс стал смеяться:

— Всегда забавно видеть, как волнуются на кораблях при виде наших хрюшек!

Нет, им не увернуться… сейчас… вот!

Банг — раздался взрыв, гидравлический «молот» двинул в корпус лодки, и четвертый отсек

вдруг доложил:

— Фильтрация заклепок… у нас появилась «слеза»!

— Ах! — огорчился Зеггерс. — До чего же ослабел корпус.

— Виноват ты сам, Ральф, — недовольно заметил штурман. — На кой черт ты всегда стреляешь с дистанции, на которой нас контузит от собственных взрывов?

— Зато не нужно ломать голову в тригонометрии…

На лодке услышали треск: это море рвало стальные переборки пораженного корабля, и Зеггерс скомандовал на всплытие.

— Американец удирает, — сказал он. — Очевидно, у него хорошие машины…

Мы его сейчас прикончим артиллерией!

Всплыли. Транспорт под флагом США наращивал скорость. Торпедированный же «англичанин» быстро тонул, переворачиваясь. В его трюмах, кажется, были запасы мазута, и теперь толстым слоем, очень медленно, как асфальт по мостовой, мазут растекался по стылой воде, а в нем беспомощно барахтались ошеломленные взрывом и ужасом люди.

— Полный вперед! — скомандовал Зеггерс,

и внутри субмарины, чихнув от напряжения, открыли пальбу запущенные дизеля, клапаны которых давали сейчас больше 2000 выстрелов в минуту; люди в отсеках, как рыбы, разевали рты, но объясняться им приходилось больше на пальцах. — Добавить оборотов!

«Американец» поднатужился турбиной — стал удирать.

— Огонь! — велел Зеггерс комендорам, но пушка смолчала.

Заряды наружных кранцев отсырели в морской воде при частых погружениях, а сухой боезапас изнутри погребов лодки наверх подать еще не успели…

— Стоит ли нам утруждать дизеля? — сказал Зеггерс, — Этого «американца» подберут другие из нашей стаи…

— Там бродят шлюпки, — показал сигнальщик за корму.

Зеггерс поднял к глазам тяжелый бинокль с фиолетовыми, как тюльпаны, линзами. Цейс приблизил к нему шлюпки со спасающимися англичанами. Сухой боезапас уже подали наверх.

— Разбейте их… — с ленцой приказал Зеггерс и нагнулся над люком, откуда несло ужасным зловонием. — А когда будет готов кофе?

Комендоры расстреляли шлюпки. Мазут растекался по морю, сглаживая своей пленкой острые гребни. Кое-где круглыми мячами прыгали среди волн головы англичан.

— Ну, я думаю, тронемся дальше, — заметил Зеггерс.

Громадный крест (черный, в белом круге), выведенный на носовой палубе лодки, — чтобы не бомбили свои самолеты! — окатывало водой. Зеггерс велел комендорам убраться в отсеки, перевел субмарину в позиционное положение, чтобы над морем двигалась только рубка... Там он и стоял, в укрытии козырька рубки, попивая кофе, куря сигарету и слыша вопли гибнущих людей. В глубину поста он передал рулевому:

— Возьми немножко вправо... тут барахтается один Чарли Чаплин, и я хочу малость с ним позабавиться!

Подводная лодка подцепила тонущего человека своей палубой, полупогруженной в воду, и человек вдруг почуял под собой опору, не веря в свое спасение. Но вид его был ужасен в даже отвратителен. Весь черный и липкий от мазута, со следами ожогов на голом черепе, он катился сейчас через всю палубу, взмахивая руками, пока волной не ударило его о железо рубки. Пальцами

он протер себе глаза, слипшиеся от мазута. Ухватясь за пушку, стал подниматься. Его тут же стало рвать черной маслянистой нефтью.

Вряд ли сейчас он понимал что-либо: куда попал и что это за море… Он не сразу увидел склоненное над ним лицо гитлеровского подводника. А выше билась на ветру мокрая тряпка флага со свастикой. И тогда человек стал понимать, куда он попал. Зеггерс меж тем охотно наблюдал за ним и его действиями. Было любопытно, что станет просить этот человек сначала: водки?.. пощады?.. убежища?

— Откуда вы шли? — дружелюбно спросил его Зеггерс.

Мешая английские и немецкие слова, британец заговорил:

— Мы шли на Архангельск… из Хваль-фьорда. Возьмите меня, комендор… я же не сделал вам ничего дурного…

— А какой был груз? — опять спросил его Зеггерс.

— Самолеты… и еще что-то в ящиках. Я не знаю, что там лежало…

Возьмите меня, я не много места займу на вашей лодке!

— А как называется это судно США, что ушло

от нас?

— Это был сухогруз «Винстон-Саллен», он шел от Бостона… Возьмите! Ради бога, который един для всех нас, христиан… Ради себя возьмите: в старости этот поступок послужит вам утешением… Ради матери, если она ждет вас с моря!

— У меня нет матери, — жестко ответил ему Зеггерс. — Вы, англичане, убили ее при налете на Кельн… Советую вам остаться мужественным до конца.

Легкой вам смерти — прощайте!

Он захлопнул над собой тяжелую крышку люка.

— Принять балласт!

— Может, все-таки возьмем? — осторожно заметил штурман.

— Зачем? — удивился Зеггерс. — Я же видел, как он откачивался соляром. У него внутри уже сгорели легкие и желудок. И завтра он бы тут корчился, подыхая в муках… Зачем он нам?

Глухие удары кулаков оставленного наверху человека едва доносились через бронированный тубус люка. Зеггерс велел горизонтальщику подвести лодку на глубину перископа.

— Пусть он за него схватится, — сказал Зеггерс штурману. — Иногда не мешает поразвлечь ко-

манду…

Моторы давали сейчас минимальные обороты, перископ выставился над морем, и человек — там, наверху — схватился за него со всей неуемной верой в спасение. Матросы шлялись по очереди в центральный пост, чтобы глянуть в перископ, какое чудовище сидит там сейчас, вроде букашки на булавке. Через окуляры они видели искаженное ужасом черное лицо человека, уже потерявшего человеческий облик. Вот до какого скотства доходит человек после крушения!

Забавно им было, весьма забавно…

— Ну и хватит, — распорядился Зеггерс. — Утопимся поглубже, и пусть букашка сорвется со своей любимой булавки…

Перископ, как скользкое бревно, вырвался из объятий человека, и смутные очертания подводной лодки медленно растворились под ним в разъятой бездне океана. Распластав руки, перевернутый кверху ногами, он начинал свое падение следом за лодкой.

Вечером этого же дня Зеггерсу удалось торпедировать танкер. Это была картина незабываемая! Разом вспыхнули миллионы галлонов стооктанового бензина — факел огня выбрасывало к верху до туч. В мгновение ока пламя сожрало

весь кислород над волнами, и те, кто не сгорел, тут же погибли от удушья…

Зеггерс с трудом оторвал руки от перископа, его колотило.

— Знаешь, — сказал он штурману, — такого я еще не видел. Это было страшно. Хорошо, что мы стреляли из-под воды…

Сейчас с наружных обводов танкера сочился расплавленный в пекле металл, словно воск со свечки. Когда столб пламени осел книзу, от корабля осталась лишь пустая, коробка выжженного изнутри корпуса, похожая на кратер потухшего вулкана. Подводная лодка быстро уходила прочь…

***

Дениц вскоре радировал на лодки, чтобы они экономили торпеды, не расходуя их напрасно там, где можно пользоваться артиллерией. Рекомендовалось наводить на цель авиацию, которая ныне круглосуточно барражирует над путями распыленного каравана PQ-17… Корабли превратились для лодок в плавающие мишени, которые безропотно принимают удары торпед и снарядов.

***

Поначалу в Берлине радовались, что между «люфтваффе» и флотом достигнуто полное взаимопонимание: снизу корабли торпедировали подлодки, а сверху их громили самолеты. Неприятных инцидентов пока не отмечалось. Но один выкормыш Геринга все же не удержался и — бог шельму метит! — свалил бомбовой груз на свою же подлодку «U-334», наверное, просто так, ради профессионального интереса или ради профилактики, чтобы жалкий сморчок, гросс-адмирал Редер, не слишком-то зазнавался перед великолепным рейхс-маршалом Герингом.

ЖЕСТОКАЯ ВИБРАЦИЯ

Никакой информации — шли вслепую, или вглухую…

Решено было идти напрямик курсом почти восточным, чтобы выйти к северной оконечности Новой Земли, а оттуда, таясь вдоль побережья, спускаться к югу, начиная выходить в эфир для связи с русскими.

Хриплый Дик, уже прошедший однажды с караваном до России, был настроен, не в пример другим, весьма оптимистично;

— Русские очень внимательно несут службу. Как только их эсминцы зажмут нас в свой ордер, ты можешь играть на банджо сколько тебе влезет… Немцы уже не проскочат!

— У них здесь разве большой флот? — спросил Брэнгвин.

— Да нет, флот как раз маленький.

— Как же они умудряются проводить нас без потерь?

Хриплый Дик сплюнул на ветер, чтобы плевок отнесло за борт, и поддернул спадавшие штаны.

— А черт их там разберет, этих русских, — ска-

зал он, почесав спину о пиллерс. — Я и сам не знаю, как они это делают. Но у них, поверь мне, это здорово получается…

Транспорт-сухогруз шел нормально, и погода могла бы только радовать. Но теперь она скорее пугала — слишком спокойно море, слишком ясны небеса.

Первый самолет-разведчик противника облетел транспорт так низко, что едва не задел мачты, и Брэнгвин сказал штурману:

— Вот, кажется, сейчас начнется вибрация души и тела. Мой приятель Сварт изучил уже молитвенник наизусть…

Самолет удалился, но в команде многие уже «завибрировали».

— Может, его надо шарахнуть из «эрликонов»?

— А что нам это даст? — горько усмехнулся штурман. — Он, едва заметив нас, уже успел передать наши координаты…

Из каюты поднялся на мостик заспанный капитан.

— Что тут было без меня? — спросил недовольно.

— Мы тут корчимся от смеха, сэр… Нас засекли, и сейчас немцы устроят всем нам показательный заплыв на короткую дистанцию.

— Боцман! — приказал кэп. — Проверьте на спасательных плотах наличие банок с тушенкой и анкерки с водой из запаса неприкосновенности… Также и весла! Не извели ли их наши матросы на зубочистки?

— О нет, сэр, — с издевкою отвечал Брэнгвин, — мы еще не дошли до того, чтобы веслами чистить зубы. Для этого мы использовали клавиши от вашей фисгармонии…

— У нас, — вставил штурман, — еще и катер под капотом.

— Какой вы умный у меня! — восхитился кэп. — Так и быть, я заберу вас на катер… вас обоих!

И капитан потащился обратно в каюту, волоча по ступеням трапа полы халата.

— Каботажник много берет на себя, — сказал Брэнгвин. — Ему кажется, что он плывет по родимой речке… Он даже не понимает, что плот в океане надежней катера! Удивительный народ эти дураки. Я бы стал их коллекционировать, если бы они стоили дешевле умных…

Полярный океан почти ласково стелил перед ними свои зеленоватые, как японская яшма, воды. После полудня пришли немецкие самолеты с бомбами (торпеды они берегли). Глядя, как они заходят для метания, Брэнгвин отодвинул

ветровое стекло, чтобы лучше видеть маневры противника…

— У вас руки не заняты, сэр, — попросил он штурмана, — так суньте мне в морду бутылкой, пока не поздно…

Штурман, как заботливая нянька, дал ему пососать виски, и Брэнгвин стал отрабатывать рулем уклонения корабля от бомб. Он не сплоховал — две атаки прошли впустую, бомбы взорвали воду по бортам.

— Почему молчат наши «эрликоны»?! — орал Брэнгвин, орудуя манипуляторами.

— Или наш кэп договорился с Адольфом?

Тут их и накрыло. Бомба пронизала полубак, рванув отсеки в оглушительной вспышке. Словно рельсы, выперло наружу стальные бимсы. Волна горячего воздуха закручивала железо палубы в уродливый массивный рулон. Бомба не дошла до днища и то хорошо. Корабль долго трясло в никому не понятном грохоте. Это произошла самоотдача якорей, и они долго, минуты три подряд, убегали в пучину, пока не кончились цепи; сорвав за собой крепления жвакагалсов, якоря ушли в океан навсегда…

Кто-то заорал в дыму начавшегося пожара. Другой лежал, тряпкой провисая через поручни, и

медленно скатился за борт вниз головой. Ветром чуть отнесло дым, и первая кровь, увиденная Брэнгвином, показалась ему такой яркой, такой неестественной, что Брэнгвин даже не поверил, что это кровь…

Под ногами визжало битое стекло. Когда вылетели рубочные окна — не заметил. Штурман стоял рядом и лицо его было ужасно — в страшных порезах.

Стекла, разлетевшиеся острыми клинками, распороли нос, щеки, уши — он заливался кровью!

— Брэнгвин, помогите… я ничего не вижу…

Брэнгвин еще раз глянул на пробоину в полубаке, откуда уже с гулом выхлопнул первый язык огня.

Трубы водяных гидрантов или перебило, или так уж было задумано раньше, чтобы они не работали. Ни один «минимакс» на корабле не действовал.

Пеногоны жалобно шипели, и только!

— Зато у нас нет пятен на костюмах, сообщил Брэнгвин.

Он срывал подряд все «минимаксы», нещадно бил их капсюлями о палубу. Один сработал — тетрахлорметанавая струя ударила по пламени, словно кулаком, загоняя огонь в глубину трюма.

Визжа от боли и ожогов, Брэнгвин прыгал по развороченной палубе, рискуя свалиться в жерло трюмного вулкана. Но огонь пошел дальше, и люди, побросав пеногоны, отступили…

Капитан в том же боксерском халате, стоя в сторонке, ротозеем глядел на пожар. Брэнгвин подскочил к нему:

— Прикажите впустить забортную воду.

Кажется, он принял Брэнгвина за сумасшедшего, который хочет затопить корабль… Дурак! Брэнгвин спустился вниз. В холодном отсеке, возле самого днища, горели тусклые лампы, Тяжело и громко дыша, Брэнгвин ползал среди заржавелых клапанов. «Этот… или не этот?» Маховик с трудом провернулся в его руках. Он приложил руку к переборке и тут же отдернул ее, заорав: переборка была раскаленной, как утюг. Она стала шипеть, значит, вода пошла из-за борта, значит все правильно… Транспорт сразу получил сильный дифферент на нос, волны полезли к нему на палубу, но пожар прекратился.

Четырех убитых при взрыве сложили на спардеке.

— Они спали… им как раз в ноль-шесть на вахту!

Брэнгвин нашел на рострах чью-то ногу.

— Эй, признавайтесь по чести — чья нога?

Четверо лежали на спардеке — все с ногами.

— Это нога Хриплого Дика, — сказал радист в испуге. — Он всегда носил старомодные носки без резинок…

Самого же боцмана не нашли. Видать, его шибануло за борт. Сильно размахнувшись, Брэнгвин отправил в море и ногу.

Мертвых, чтобы они не портили настроение живым, быстро покидали за борт.

На возвышенности спардека с требником в руках стоял бледный Сварт, посылая в небо молитвы.

Он был вдохновенен и прекрасен в этот момент. Брэнгвин не удержался, чтобы не хлопнуть его по жирной заднице.

— Только бы нам, старушка, добраться до Мурманска, — сказал он Сварту, — а там мы напьемся с тобой так, что русские нас никогда не забудут…

Он навестил штурмана в его каюте, пришел к выводу:

— Это еще не нокаут… пока лишь нокдаун, сэр!

Штурман попросил сделать ему укол морфия. Брэнгвин никогда никому не делал уколов. Но решительно отбил головку на ампуле. Засосал в шприц мутную жидкость.

— Ничего в жизни делать я не умею, но за все берусь…

И засадил в тело иглу. Потом отбросил шприц, как гвоздь.

— И кажется, — заключил, — мне все понемножку удается…

На верхней палубе взвизгнула кран-балка на развороте.

— Ого! Я вас покину…

Кран-балка уже держала на талях полуспущенный катер. Под капот его летели вперемешку одеяла, банки со сгущенкой, пузатые банки мясных консервов.

Капитан транспорта и несколько человек из команды покидали корабль.

— Кэп, — сказал Брэнгвин капитану, — вам примерно пятьдесят. А мне двадцать семь, и я хочу жить не меньше вашей особы… Не лучше ли нам посмотреть на русских?

— Смотри! Где ты их увидел? Где они, твои русские?

— В русские корабли, — продолжал Брэнгвин, — Адольф тоже кидает бомбы. В них такие же дырки от торпед, как и в наших кораблях. А тонут они меньше нас… Почему бы это, кэп?

— Спроси у них, — огрызнулся капитан.

— Потому что они борются за свои корабли. А жизнь корабля — это жизнь моряка. Пока палуба дрожит под ногами, моряк живет. Не будем же раньше времени раскидывать кости от собственных скелетов… Я сказал, что думаю, кэп!

Капитан сплюнул.

— Сварт, поговори ты, — обратился Брэнгвин к приятелю. — Скажи как следует. Представь, что ты нарвался на девку, которая тебе не дается… Это ужасно! Что ты сказал бы ей, Сварт?

Сварт шагнул к капитану. Упрятав молитвенник в карман.

— Кэп! Приходилось ли вам в тихом семейном кругу открывать банку с рольмопсом?

— Бывало… — рыкнул капитан и дал Сварту в ухо.

Сварт отскочил и сказал Брэнгвину:

— Он не дает мне довести мою мысль до конца!

Брэнгвин взял капитана левой рукой за грудь, причем весь свитер собрался жгутом в кулаке, а правой рукой он уложил капитана на палубу… Тот вскочил в бешенстве:

— Рольмопс… дальше! Пусть говорит. Я слушаю.

— Я хотел сказать, — продолжал Сварт, — что

вода здесь ужасная. Я здесь когда-то плавал… Вы все погибнете!

Капитан, топая ногами, не мог понять одного:

— Но при чем здесь рольмопс, черт тебя побери?

— Не рольмопс, а поросячье ухо, — вмешался Брэнгвин. — Сварт хотел сказать, что катер ваш опрокинет, а вода в этом океане закручивает людей от холода в поросячье ухо…

— Спускай! — приказал капитан на катер.

Тали запели блоками. Днище катера плюхнулось об воду, и сразу застучал мотор. Под высоким капотом, с запасом бензина и компасом… на что надеялись эти люди?

Брэнгвин решительно сорвал чехлы со стволов «эрликонов»:

— Маленький салют человеческой глупости нам не помешает!

Потом он снова навестил штурмана, которого было жаль.

— А мы движемся, — сказал он. — Я сейчас опробовал наши «эрликоны». Там плыл какой-то ящик, и я рассадил его в щепки. В конце концов… Вы позволите мне выпить? Благодарю… В конце концов, говорю я вам, стрелять не так уж трудно. Самое главное — быть спокойными помнить, что

ты мужчина.

Больше всего в жизни я не терплю сопляков, уличных девок и человеческой несправедливости… Гитлера я ненавижу! Потому я и пошел в эту сумасшедшую экскурсию к «берегам России…

У себя в каюте он переоделся в пижаму, отправился в душевую. Водосистема и фановая еще работали. От хода машины слегка дрожала прогретая палуба.

Насвистывая, он принял горячий душ. Пока ничего страшного. Бывает в море и хуже.

«Чья нога? Твоя, дядя Дик? Так чего ты молчал раньше?»

Брэнгвина вдруг вырвало, когда он подумал, что нога и тело потонули отдельно. Вряд ля они еще достигли дна…

— Кажется, я завибрировал, — сказал он, становясь строже к своими чужим поступкам.

…ПРИ ИСПОЛНЕНИИ СОЮЗНОГО ДОЛГА

— Придется пожертвовать бортом, — сказал командир Дайк и передал бинокль с усиленными линзами помощнику Баффину.

Тот недолго рассматривал тонущее вдалеке от них судно.

— Ветер будет бить справа, — ответил. — Но уйти от них мы тоже не можем, хотя инструкции и

призывают нас не увлекаться спасением людей… А вдруг и с нами случится такое?

Судно ПЛО — «Орфей» — всего в 840 тонн, недавно покрашенное в доках Ливерпуля, теперь казалось красным, будто обваренный краб. Корпус его разъело солью и ржавчиной. «Орфей», которому выпало продолжать путь до СССР, изо всех сил стремился сплотить вокруг себя безоружные транспорта.

Однажды ему удалось законвоировать два из них, но одно немцы торпедировали, а другое в страхе забилось в паковый лед. И вот случайная встреча: наткнулись на одиноко тонущее судно. Пологая волна, внешне спокойная, на самом деле била сильно.

— Баффин, я попрошу вас на бак, — сказал командир.

— Отлично, сэр. Вы не волнуйтесь, хотя борта у нас скоро превратятся в лохмотья… Желаю удачи!

На палубе тонущего транспорта стояли люди. Внешне они были, как и волны под ними, почти спокойны. Но это обманчивое впечатление: у людей уже лопались нервы. Только один был с чемоданом, остальные вещей не взяли.

— Что с вами случилось?! — проорал Дайк, но

с борта ему не ответили. — Я задал им глупый вопрос, — хмыкнул Дайк. — Если тонут, значит, есть дырка.

Только она с другого борта, и мы ее не видим… В машине! — наказал он по трубам. — Это вы, Эйш? Предупреждаю: у вас в котельных скоро будет вода.

— Это к чему вы сказали? — прогудели медные трубы.

— Просто так, пришлось к слову… не обижайтесь, Эйш!

«Орфей» подошел под корму транспорта, н тот всей массой своего борта тяжко навалился на хрупкий корвет. Раздался хряск металла, словно не кораблю, а человеку ломали кости.

— Прыгай! — И на палубу вдруг одиноко упал чемодан. — Прыгай! — вопил Дайк, и вслед прыгнул владелец чемодана.

Два борта разомкнулись на волне, и он попал между ними — в воду. Жалкий вскрик, и борта неумолимо сдвинулись. Потом, хрустя шпангоутами, они снова разошлись, а Дайк заметил на воде красное. пятно. От человека остался только его чемодан!

— Следующий… прыгай! — заорал Дайк.

Вдруг щелкнул динамик на мостике:

— Носовой погреб — мостику: у нас вода.

Дайк сунулся носом в микрофон, — Сколько? — спросил.

— По колено…

Ответить он не успел. С транспорта вдруг посыпались люди, как по команде, разом. Один на другого. Был очень удачный момент: борт «Орфея» поднялся на волне, почти достигнув среза палубы транспорта. Дайк отвернулся. Он-то ведь знал, что сейчас все станет наоборот: «Орфей» уйдет вниз, а транспорт вырастет перед корветом, как пятиэтажный дом… «Так и есть… вот он — хруст костей о металл!»

— В машине? — спросил он. — Эйш, скажите — воды нет?

— Обшивка лопнула. Тут хлещет, как из бочек…

— Малый вперед! — скомандовал Дайк и передал в микрофон общей трансляции:

— Подвахте — на уборку полубака…

Через ветровое стекло он глянул с мостика вниз: Баффин, молодчага, крепился, а вокруг валялись и кончились люди с перебитыми ногами, палуба была забрызгана кровью.

На расблоке Дайк переключил свой микрофон:

— Мостик — носовому погребу: сколько у вас

воды?

— Было по колено, теперь по грудь, сэр.

— Удивляюсь! — отвечал Дайк. — Вы что-нибудь делаете там, кроме того, что не забываете измерять ее уровень? — Бросил микрофон и прокричал вниз:

— Баффин, вас просят в погреб…

«Орфей» медленно уходил прочь от гибнущего корабля. В этот день они повстречали «Винстон-Саллен» и оттуда американцы через рупоры стали облаивать англичан:

— Эй, на корвете! Когда вы нужны с пушками, так вас не доищешься… Вы бы видели, что тут творилось вчера вечером… мерзавцы!.. трусы!..

«Орфей», шумно дыша трубами воздуходувок, проследовал мимо. Сигнальщик перебирал в руках фалы для поднятия ответного сигнала. Дайк тронул шелковые струны фалов с нежностью, как волосы своей пожилой подруги перед разлукой с нею.

— Никогда не следует отвечать на брань, — сказал он печально. — Лучше законвоируем этих грубиянов и делом докажем янки, что наш «Орфей» способен постоять за безоружных.

— Они не безоружны, сэр: у них спаренные «эрликоны».

— Что толку? — вздохнул Дайк. — Или не умеют, или боятся, но «эрликоны» на транспортах молчат…

Подвахта недолго копалась на баке. Море смыло все!

Сколько мы не спали уже? — спросил Баффин.

— Почти сутки, если не ошибаюсь… Я не хочу спать.

Командир сидел в кожаном кресле, воздетом, как трон, над высотой мостика.

Перед ним лежал бинокль, сигареты, две зажигалки, фонарь, карандаш от головной боли и перчатки.

— А вы поспите, — сказал он, вытирая слезы от ветра.

— А разве можно уснуть? — Баффин привалился плечом к комингсу двери, заглядывая в рубку, где светился голубой экран локатора. — Что-нибудь видно, Кристен? — спросил, зевая.

Радиометрист прокатил вкруговую шарнир настройки:

— Вы же сами видите — ничего!

Баффин лениво, пересилив себя, треснул его по лицу:

— Надо добавить «сэр»!

— Экран чист, сэр. На правом пеленге мерцание

точки, сэр. Очевидно, плавает айсберг, сэр… Об изменениях доложу, сэр. — Баффин, — послышался голос Дайка, — не мешайте ему… Лучше посмотрите на карту: где мы сейчас?

Выслушав ответ, он закрыл глаза, как мертвец.

— До рандеву с русскими осталось двадцать два часа.

— Нас уже не будет в живых… До русской зоны далеко.

— Если выживем, Баффин, мы их встретим. И они — нас…

Радиометрист засек рубку всплывшей подводной лодки. Дайк передал направление курса на «Вивстов-Саллен» и сказал:

— Пусть янки уйдут, мы их нагоним потом… В машине, — скомандовал он, — дайте что можете. А чего не можете — тоже дайте… Баффин, а вам — вниз!

Баффин сначала залез в носовой погреб, где в промозглых потемках, в свете тусклейших ламп, суетились вокруг воздушного лифта люди. В лотках подачи — по трубам — уползали наверх противолодочные снаряды. Все гремело и качалось в этой могиле, с переборок зловонно текло. Изоляция после затопления отсырела (людей часто дергало током). Баффин ушел отсюда и на

палубе, враскачку стоя у пушки, соединил себя с мостиком:

— Дайк, в погребе — как в аптеке… А что на локаторе?

Нос корвета уходил в небо, потом рушился в пропасть, с трудом выгребаясь из океанских хлябей. Соль разъедала кожу. Никогда Баффин не задумывался над тем, что двигает людьми в бою, и правая рука его взмахнула почти равнодушно:

— По противнику… дослать! Замок… отскочи! Огонь!

Над местом погружения лодки рвались снаряды. С кормы сбросили три «ежа» бомб. Баффин, широко расставив ноги, стоял на баке, как чурбан, его воспаленное лицо было мокрым. Он слушал скрип корпуса, воспринимая на слух грохоты обшивки, листы которой болтались на последних заклепках.

— Кто бы мог подумать, — ворчал он, — ведь недавно из дока…

На мостике его встретил упорный взгляд Дайка:

— «Немка» где-то здесь. Она под нами. Но у нас роковое несчастье: с днища сорвало поисковый меч шумопеленгатора.

— Может, проще: лишь полетели предохра-

нители?

— Уже заменили. Мы оглохли. Надо нагнать транспорт....

Дайк умудрился заснуть в своем кресле. Баффин стоял рядом, оберегая спящего, чтобы его не вышвырнуло с мостика за борт при крене. Командир вдруг вскинул голову.

— Почему не объявлена тревога? Я слышу Шум...

— Сигнальщики, — крикнул помощник, — горизонт от солнца!

Конечно, если они прилетят, так именно оттуда, откуда их труднее заметить усталым глазам. Баффин в бешенстве бросился в рубку радиометриста.

— Может, ты скажешь опять, что твой экран чист?

— Да, сэр! Экран чист.

— А что это здесь ползет, как навозный жук?

— Экран фиксирует охраняемый нами «Винстон-Саллен», сэр!

— За борт надо твое кино вместе с тобой...

Баффин выскочил на крыло. Успел сказать:

— Локатор, кажется, тоже сел... Нам крепко не везет!

— Огонь — по готовности, — спокойно распо-

рядился Дайк.

— Транспорт быстро уходит от нас, — доложили сигнальщики.

— Куда?.. — Баффин выругался. — Спешит на дно?..

Установки автоматов заработали разом. Дула «эрликонов», двигаясь за самолетами врага, неслись по кругу, пока не уперлись в ограничители. В мертвом секторе огонь «эрликонов» подхватили спаренные тяжелые пулеметы.

Первый торпедоносец прошел так низко, словно немцы задумали всем на мостике сорвать головы с плеч. Было даже странно, что этот самолет сразу сел на воду, подпрыгнул… снова сел… и скрылся в море. «Эрликоны» опять затряслись под мостиком, их дула, казалось, просто распирает от обилия выстрелов. Был тот момент боя, когда приказы ни к чему. Кто мог — тот делал. Кто не мог — тот не делал, и его уже не заставишь делать. Но враг убивал одинаково всех — и сражавшихся, и молившихся!

Когда самолеты ушли, в столбе дыма, поднимавшегося над мостиком, вдруг выросла из кресла длинная фигура командира:

— Баффин, вы живы?

— В корме, — отвечал помощник, — что-то не в

порядке. Я пойду туда. Там всегда много шуму, а людей не хватает.

— Нас что-то поджаривает от погребов, — заметил Дайк. — Передайте команде, что захоронения по уставу не будет: освобождайте корабль от мертвецов сразу же… вы знаете как.

Баффин, уходя, стукнул Пальцем по стеклу указателя лага:

— Двенадцать узлов. Неужели это все?..

К командиру подошел сигнальщик.

— Сэр, — сказал он, показав на небо. — Они не ушли…

В разрывах облаков плавала гудящая машина врага.

— Это их наблюдатель, — поморщился Дайк. — Обычная история, удивляться нечему. Мы все время на прицеле теперь. И никуда не скроемся. Пока их не разгонят русские… Больше ничего не спрашивайте: отныне я знаю не больше вас!

Баффин — весь в саже — поднялся на мостик.

— Это уж совсем глупо, — сказал он. — В пятом отсеке, где священник разместил спасенных, нет живого места. Одна из бомб рванула через люк — прямо в кашу. Сейчас там сгребают всех за борт лопатой.

— Пройдите в машину, Баффин… Я чувствую,

что «Винстон-Саллен» дает лишние узлы, и нам их просто не нагнать. На что они рассчитывают, эти американцы, сказать трудно…

С высоты мостика он видел, как через разбитые ростры, будто через загородную свалку обгорелого металлолома, пробирался сейчас его помощник.

Люк в котельную был сорван, оттуда парило, голова Баффина скрылась в этой парящей скважине. К этому времени счетчик лага отмечал всего восемь узлов…

Дайк опять закрыл глаза и стал думать: что с ними сделали? Кто виноват в этом преступлении? Неужели эти политики в мундирах совсем лишены мозгов? С линкоров спрос невелик — их берегут в Уайтхолле, как пасхальные яйца. Но почему ушли крейсера? Эсминцы? Каждый англичанин всю жизнь исправно платил налоги на флот. И… где теперь этот флот? Если это стратегия, то это — идиотизм! Если это политика, то это предательская политика…

— Сэр, — раздалось над ним, — я исправил локатор.

Дайк в удивлении оживился:

— Благодарю вас, Кристен, вы всегда любили свое дело.

— За это я получил сегодня по морде, — ответил матрос.

— Ну… вы должны понять и лейтенанта Баффина: ему нелегко на этом переходе… А что у вас видно на экране?

— «Винстон-Саллен» заходит за кромку экрана, и скоро мы потеряем его на нашем радаре.

— Завидная скорость… Что ж, ступайте к прибору, Кристен.

Дайк дождался возвращения помощника.

— Я затопил носовой погреб через спринклеры, — сообщил тот мрачно. — Нас на мостике поджарило бы, не сделай я этого.

Половины всего боезапаса корвет лишился одним поворотом клапана затопления. — Дайк спросил, — много ли обожженных…

— Пеленг сто сорок пять, в строе фронта — двенадцать самолетов, — раздался голос радиометриста.

— Ну, вот и конец, — Дайк потянулся к микрофону трансляции, но тут же передумал. — К чему мои слова? У каждого в команде нашего корвета кто-либо из близких на родине уже пострадал при бомбежках. Если они ненавидят врага, то исполнят долг…

Через шесть минут «Орфей» был уже развали-

ной. Без кормы, с двумя пробоинами (наружной и ниже ватерлинии), он неторопливо, как и все делал в жизни, погружался сейчас в океан. Большое и светлое солнце Арктики слепило глаза матросам.

— Баффин, хотя это и глупо, но взгляните на карту…

— До встречи с русскими осталось семнадцать часов.

— Вот и хорошо. Постарайтесь спустить на воду все, что осталось у нас из плотов и шлюпок…

Палуба вдруг задрожала. Обломки рваного железа при этой вибрации зазвенели краями. Тяжелая зыбь шла с запада, раскачивая омертвелый корабль.

Дайк, свесясь из своего кресла, заглянул через борт, определяя:

— Мы поехали очень быстро… пусть команда поторопится. Но, боже, накажи тех, кто повинен в нашей гибели!

Крен доходил уже до 43° на левый борт, Баффин захохотал.

— Простите, вот этого я не понял, — сказал ему Дайк.

Баффин сунул руку в карман реглана и достал пистолет. Тут матрос Кристен шагнул вперед и

врезал Баффину пощечину.

— Теперь вы мне уже ничего не сделаете, — сказал он лейтенанту.

Ноги офицера в тяжелых штормовых сапогах, на которых медные застежки стали изумрудно-зеленый от морской соли, — этот Баффин сейчас, как медведь, зашагал к борту, под которым бешено крутилась вода океана… Дайк видел всю эту сцену.

— Баффин! — окликнул он помощника. — Куда вы заторопились?

— За борт! Или вы знаете другие пути на тот свет?

— Мы еще не попрощались. — Дайк слез со своего кресла и протянул ему руку. — Мне было нетрудно служить с вами, — сказал он, следя за кренометром, который показывал уже предел.

— Благодарю! — ответил Баффин, и звук выстрела совпал с всплеском воды…

Командир вернулся в свое кресло, оглядывая море.

— Может, он и прав… не знаю… Кристен! — окликнул он радиометриста. — А ведь последнее слово осталось за вами…

Он раскурил сигарету. Ветер разбросал порванные фалы над его головой. Они зацепили щеки

командира, обвили всего, словно хотели привязать его к кораблю навсегда.

— Неужели никто из вас не прочтет молитвы? — спросил Дайк у матросов. — Неужели вы не помните ни одной?..

Странное дело, крен вдруг исчез. «Орфей» пошел на глубину на ровном киле, словно его топили через кингстоны. С плотов, разбросанных в море, видели, как погружался мостик в океан. Вот море коснулось и самого Дайка… — Он поднял руку с сигаретой. Потом руку опустил. Он смотрел в небо…

И ушел вниз — прямо, неизбежно, в полном сознании.

Все это рассказал почерневший от стужи человек, которого спасли матросы с нашего тральщика. «Орфей», подобно «Айрширу», до конца исполнил свой союзный долг — не в пример другим конвойным судам, которые укрылись в заливах Новой Земли… Тело спасенного моряка уже затвердело от холода настолько, что игла медицинского шприца не входила под кожу. В лазарете тральщика его обложили грелками, без жалости растирали спиртом, для него носили еду из офицерской кают-компании. Он говорил внятно, благодарил, но, кажется, его разум все

более затемнялся от пережитого… Он не выжил!

Документов при нем никаких не оказалось, номерных знаков на одежде, какие обычно носят моряки для опознания их трупов, тоже не было, а тонкое обручальное кольцо сняли с пальца и передали в британскую военно-морскую миссию.

В ЛЕДЯНОЙ КУПЕЛИ

Корабли, как я люди, умирали по-разному… Иные встречали смерть в торжественном молчании, только потом из-под воды слышался долгий зловещий гул — это взрывались раскаленные котлы, не выдержавшие объятий холода. Другие жалобно стонали сиренами, Их конструкции разрушались с грохотом; разломленные пополам, корабли сдвигали в небе свои мачты — словно руки для предсмертного пожатия. Иногда они тонули сразу, и люди не успевали покинуть их отсеков и коридоров, похожих на мифические лабиринты. Другие, напротив, стойко выдерживали взрыв за взрывом, будто понимали, что надо держаться, пока не спасутся люди. А потом корабли с ревом зарывались в пучину, почти яростно сверкнув на прощание «глазами» — окнами своих рубок. При этом некоторые увлекали за собой и гондолу аэростата, купавшегося под облаками.

Это были страшные минуты! Дети другой стихии — высоты, аэростаты не хотели тонуть. Но иногда, уже побывав на дне океана, они все же обрывали тросы креплений — их взмывало ввысь,

и гондолы уносилось обратно под небеса, словно в ужасе от всего увиденного там, в чудовищной мраке бездны…

Корабль умирает, но человек остается, и к его услугам: шлюпки, плоты, надувные понтоны. Цепляясь за спасательный шкерт, человек, обожженный взрывом, ослепший от мазута, тянет руку к товарищам на плоту и хрипло кричит, в восторге:

— Кажется, мне повезло… Мне чертовски повезло!

Века сон — торжественный и хрупкий.

Человек не предает мечты, Погибая, он спускает шлюпки, Скидывает сонные плоты.

Синевой охваченный, он верит, Что земля родимая близка, Что ударится о светлый берег Легкая, как жалоба, доска.

Для начала послушаем, тех, кому «чертовски повезло»:

***

«После пяти дней сидения все начали чувствовать себя так, будто у них сломана спина. Лейтенант Хэррис и Блокстоун, казалось, все время опираются на меня. Я их отталкивал… Кэлли и Гонзалес предложили флягу виски первому,

кто увидит землю… В тот же день заболел второй механик. Его ступни начали пухнуть, став багровыми от обморожения. Через три дня он умер. Хэрли прочитал молитву, и мы столкнули механика за борт шлюпки. Море бушевало, высота волн достигала 5-10 метров. Все мы начали ссориться друг с другом. Мы поймали вестового Бенни, когда он воровал воду. За это его совсем лишили воды… У всех нас были длинные бороды, и, я полагаю, мы очень походили на бандитов».

Правда, что хорошо одетые и плотно застегнутые имели больше шансов на спасение. Но таких счастливцев было немного. Люди, как правило, покидали корабль в том, в чем застал их взрыв. Когда палубу уносит из-под ног, вокруг все с треском рушится, начинается пожар, кричат раздавленные и смытые за борт, а вода летит по коридорам, срывая с петель каютные двери, тогда ты не станешь раздумывать — какие штаны теплее? Оттого-то буфетчики были в фартуках, радисты в ковбойках, кочегары в майках, рулевые в безрукавках, а некоторые, разбуженные взрывом, вообще спасались в ночных пижамах. Героем выглядел один старик механик, успевший пристегнуть к ноге деревянный протез. «Что бы я без него делал?» — горделиво спрашивал он

товарищей…

Над уцелевшими — вечный день, а ночи нет и не будет!

Люди, как и корабли, тоже погибали по-разному, а мудрое человечество, тысячелетиями качаясь на морях, еще не изобрело такой шлюпки, которая могла бы заменить человеку корабль. Случалось, что моряки, попавшие в шлюпку, стояли в ней по грудь в воде. Их глаза стекленели. Люди засыпали от холода.

(В борта спасательных шлюпок вделаны воздушные цистерны, Отчего шлюпки, даже полностью залитые водой, все-таки не тонут.) Более бодрые пытались растормошить их, но все было бесполезно. Выброшенные за борт мертвецы не тонули и долго (иногда сутками) сопровождали своих товарищей, качаясь на волнах рядом с ними… В море законов для смерти нет, и порою выживали старики, а цветущие молодые матросы «отдавали концы». Выживали пессимисты, настроенные озлобленно-мрачно, считавшие, что всем — амба, капут и баста!

И, наоборот, погибали оптимисты, полные розовых надежд на то, что все это — ерунда, о которой потом будет приятно вспоминать в старости… Хотя был июль, но о холоде полярных

широт забывать не следует (а вода не замерзала, ибо она соленая). Эгоисты хотели отсидеться, ничего не делая, чтобы сберечь силы, и умирали! Зато боевые ребята, не жалея сил, брались за весла, и выживали! В смерти тоже была последовательность: сначала она забирала лежащих, потом настигала сидевших, но она не трогала тех, кому не хватило места ни лежать, ни сидеть. Такие люди стояли в шлюпках, как в переполненном трамвае. Стояли сутки, вторые, третьи, четвертые сутки подряд… Вот они и выжили! Физиологически это понятно: шлюпку бросало с волны на волну, в поисках равновесия, чтобы не вылететь за борт, стоящим приходилось постоянно двигаться, отчего кровь не застывала в их жилах, а сердце билось нормально. Естественно, думает читатель, что если в шлюпке вода, то воду надо вычерпать. В таких случаях никто уже не спрашивает — а есть ли у нас ведро? Можно вычерпывать шапками. Даже ладонями. Но… стоит ли, вот вопрос! Легко вычерпать воду, когда ее собралось в шлюпке по колено, но когда она плещет у самой шеи, ты будешь рад хотя бы тому, что твои ноги ощущают под собой шлюпочное днище. Обычно на шлюпках полагался НЗ, в который входила питьевая вода, консервы, спиннинги

для рыбной ловли, сухой спирт, весла, лимонный сок, галеты. Однако на большинстве шлюпок все съедобное было разворовано докерами еще в Англии… Среди уцелевших в борьбе за жизнь иногда возникали драки и страшная поножовщина, причем к мелочным обидам из-за тесноты или лишнего глотка рому примешивалась и расовая неприязнь. Офицеры ограждали себя многозарядными кольтами. «А меня не трогать», — говорили они…

Идущие в одиночку корабли из состава PQ-17 не раз натыкались в океане на плоты и шлюпки со спасавшимися, предлагая им подняться на борт. Но психический шок после торпедирования оказывался чрезвычайно сильным. Шаткое днище шлюпки представлялось людям во много надежней тверди корабельной палубы. «Мы уже дома! — кричали они в сторону судна. — Вчера мы испытали такое, что второй раз лучше не пробовать… Готовьтесь и вы к пересадке!»

«Таким образом, мрачная сага о трагической судьбе конвоя PQ-17 дополняется рассказом о том, как 150 моряков с потерпевших бедствие судов предпочли целые недели дрейфовать в открытых шлюпках, но не пожелали еще раз оказаться на палубе…» Их можно понять! Корабль, предло-

живший им свои услуги, скрывался вдалеке, а они, оставшись в шлюпках, вскоре могли наблюдать за его концом. Сложное явление полярной рефракции открывало даже то недоступное, что творилось сейчас за чертой горизонта. Моряки не раз видели такое, что в обычных условиях увидеть попросту невозможно. За много миль от них самолеты и подлодки противника торпедировали суда, и уцелевшие люди, словно находясь в необъятном зале фантастического кинотеатра, следили за дрожащим в небесах отражением чужой гибели. Рефракция приподнимала над горизонтом страшные сцены взрывов на кораблях, причем атакованные суда плыли вниз мачтами, и погружались они не в море, а в… небо! Понятно, что разум многих не выдержал напряжения. Сошедших с ума уговаривали не смеяться, не петь и не двигаться резко, ибо в перегруженной шлюпке это опасно. Но граница между разумом и безумием где-то уже сместилась.

Иногда вполне здравый моряк, до этого разумно рассуждавший, вдруг — ни с того. ни с сего! — прыгал за борт и уплывал прочь от спасательного понтона, что-то восторженно крича, и навсегда пропадал в вечности океана. Оставшиеся на понтоне еще теснее прижимались друг к другу, а их

изъеденные солью глаза до боли всматривались в пространство. Они разбивали капсюли дымовых шашек, но бурый дым, лениво текущий над волнами, привлекал внимание авиации и подлодок противника, которые не приносили людям спасения, а лишь издевательства, угрозы, брань и наглые допросы, которые немцы не гнушались вести прямо посреди океана…

***

Геббельсу понадобился свежий пропагандистский материал для своих газет.

Иначе говоря, пленные…

— Громадные самолеты «дорнье», барражировавшие над океаном в поисках сбитых летчиков, стали присаживаться на воду возле понтонов и шлюпок.

Немецкий пилот вылезал на желтое крыло, на котором Красный Крест международного милосердия плохо совмещался со зловещей свастикой, и поднимал над собой два или три пальца:

— Двух или трех я возьму… без плацкарты! Решайте быстро, кто из вас хочет закончить войну в победившей Германии…

Находились и такие, кто добровольно обрекал

себя на жизнь за колючей проволокой. Санитарные «дорнье» быстро перебрасывали пленных в норвежский Киркинес, где их всячески фотографировали — небритых, зачумленных от соли, грязи и переутомления, они давали интервью в угодном для противника духе («Я не думаю, что кто-либо из вырвавшихся из этого ада когда-либо еще изъявит желание вновь отправиться с конвоем в Россию!»). Абвер выжимал из них на допросах все, что только можно выжать из людей, павших духом, а конец был один — концлагерь! Причем англичан и американцев немцы строжайше предупреждали:

— Вы будете расстреляны без промедления, если попытаетесь установить контакт с русскими военнопленными…

Постепенно, по мере опроса моряков с каравана PQ-17, немцы составили подробную таблицу дефицитных товаров, в которых нуждалась тогда советская экономика: технические кожи, листовая сталь, лекарства для раненых, стооктановый бензин, красители, дюралевые сплавы, никель и молибден, радиолокаторы, сахар, кордит и прочее, включая сюда паровозы, танки, самолеты и тяжелые грузовики для нужд фронта…

Уничтожив корабль, немецкие подлодки, как

правило, всплывали. Порою на поверхность выпрыгивали сразу две гитлеровские субмарины. Сойдясь бортами, они лениво покачивались невдалеке, ведя киносъемку и неизменно держа спасшихся под прицелами пулеметов. У людей в такие минуты лопались нервы: ведь в любой момент их могли перебить градом свинца или выпустить из понтонов воздух, чтобы они потонули… Быстро опросив уцелевших, немцы иногда запускали в их головы буханкой походного хлеба, завернутого в серебристую фольгу, и весело кричали на прощание:

— Спасибо за новости! Теперь плывите к Новой Земле.

— Спасибо за совет, — доносилось с воды. — Он бы нам здорово пригодился, если бы у нас были весла.

— Странно, что вы, англичане, морская нация, и не подумали об этом раньше. Но теперь выкручивайтесь сами, а Германия не будет стругать для вас весла из ясеня…

Они забирали в плен только капитанов и механиков, чтобы лишить союзников ценных и опытных кадров. В плен попадали и танкисты с летчиками, плывшие в СССР для передачи русским своей боевой техники по договору о

ленд-лизе.

Конечно, в этой немыслимой куче измазанных в нефти людей, облепивших понтоны, словно мухи блюдце с патокой, трудно отличить матроса от офицера, и порою немцы хватали из воды ни в чем не повинного стюарда во фраке, приняв его по ошибке за очень важного господина.

— Клянусь! — вопил тот в ужасе. — Я занимался только посудой в буфете. Не думайте, что я дипломат... Поверьте, что мне, всю жизнь хотелось плевать на эту политику!

— Потом разберемся, — отвечали немцы, втягивая его на палубу подлодки; это верно, что они разбирались, и кой-кого из взятых ранее, но не представлявших интереса для абвера, они бесцеремонно высаживали обратно в шлюпки:

— Эй... забирайте своего!

Но бывали и такие случаи, когда люди, не в силах выносить страданий, сами просили забрать их на подводную лодку. Таким отказывали! Одна американская шлюпка, залитая до такой степени, что из воды едва виднелся ее планширь, а поверху, словно футбольные мячи, плавали людские головы, — вот эта шлюпка оказалась возле самого борта гитлеровской субмарины.

— Нам от вас ничего не нужно, — говорили

янки. — Ни хлеба, ни курса, ни марли, ни весел… Позвольте лишь выбраться на вашу палубу и постоять там минут десять, пока мы не откажемся от воды и не поправим снаряжение шлюпки.

Такая просьба развеселила «волков» Деница.

— Не будьте так наивны! — раздалось с мостика. — Вас, зажравшихся американцев, потянуло испытать острые ощущения на русских коммуникациях…

Что ж! Мы не возражаем: таких впечатлений у вас будут полные штаны. Всего вам доброго, безмозглые идиоты!

В нескольких метрах от погибавших в ледяной купели лодка взяла балласт и медленно растворилась в темной глубине, где ее команда хотела выспаться как следует в тишине бездны.

***

Читатель! Вода, близкая к точке замерзания, — это тот последний барьер, который суждено преодолеть человеку после гибели его корабля. В 1942 году в фашистских концлагерях смерти уже активно проводились опыты над живыми людьми. Врачи службы СС отбирали среди заключенных самых здоровых и выносливых и погружали их в ванны с битым льдом, где тем-

пература воды приближалась к температуре вод полярного океана. Немцы были заинтересованы в оживлении своих моряков и летчиков, воевавших на Севере. Однако всемогущая германская химия здесь оказалась бессильна. Врачи СС выяснили, что вернуть испытуемого к жизни способно лишь естественное тепло женского тела…

Да, полярная вода — штука страшная! Именно в такую воду однажды добровольно нырнул Эрнст Кренкель, самый знаменитый радист нашей страны, чтобы спасти ценную рацию. Он тогда был молодым парнем, но даже в маститой старости Кренкель вспоминал об этом случае с содроганием: «Первое впечатление — ошеломляющее. Трудно о нем рассказать, это нужно испытать самому. Вероятно, такое же испытываешь, упав в кипяток. Меня ошпарило холодом… Сказать: „было холодно“ — значит, ничего не сказать. Холод пронизал буквально до мозга костей… Ований не надо!»

Ований не надо, ибо особый подраздел медицины, медицины полярной, и поныне не разрешил проблемы выживания человека в полярной воде. Об изуверских опытах СС стало известно лишь после войны, а мирная наука идет другим путем — от изучения рыб, в крови которых недавно

обнаружен биологический «антифриз», позволяющий рыбе выживать даже среди льда.

«ПОДАТЬ СЮДА ЧЛЕНА ПРАВИТЕЛЬСТВА!»

Новая Земля, к пустынным заливам которой устремлялись сейчас все уцелевшие корабли, словно правоверные в Мекку, эта земля не сулила союзникам ничего доброго — при общей безлюдности острова крохотный гарнизон ничем не мог помочь иностранным морякам, попавшим в беду. Советское командование имело здесь посты наблюдения, метеослужбы и радиостанции, даже лабораторию для геофизиков, но оно не имело здесь самого главного-баз, однако советские моряки осветили навигационные знаки, показывая кораблям фарватер в проливе Маточкин Шар… Впрочем, союзники из лоции уже знали, что тут не шумят русские волшебные города — под сенью угрюмых скал Новой Земли они искали не комфорта, а лишь передышки от вражеских атак. При этом некоторые из капитанов были уже настолько травмированы всем случившимся, что, достигнув русских берегов, делали попытки к затоплению своих кораблей, чтобы раз и навсегда избавиться от опасного груза, за которым

охотится противник. Оставалось пройти последний отрезок пути — до горла Белого моря, но, как сообщили русские, южнее Новой Земли море загромождено плотным паковым льдом, который следует обходить мористее, как раз там, где корабли поджидали немецкие подводные лодки.

Новоземельский военный госпиталь не мог, вместить всех пострадавших.

Северный флот спешно перебросил в преддверие Арктики своих военных врачей (в основном это были женщины!). В условиях, малоприспособленных для операций, они делали все, что было в их силах. Большое количество обмороженных требовало срочных ампутаций. Раненых англичан и американцев эвакуировали самолетами на дальние береговые базы — вдоль трассы Северного морского пути. Многие из союзников так и не попали в Архангельск — Россия открылась им с необжитого «полярного фасада», со стороны Андермы и Диксона.

Оттуда их кружным путем, морем и по воздуху, переправляли после лечения в Мурманск, из которого они уплывали обратно на родину. Сейчас, по прошествии большого времени, отчетливо видно, что командование Северного флота прилагало старания спасти в первую очередь

пострадавших людей, а уж потом — только потом! — грузы. Тогда же, в спешке трагических событий, на это обстоятельство мало кто обратил внимание.

***

Ох и тяжелая же эта работа… Не так-то легко отыскать корабли в грандиозных просторах полярного океана. Когда боевой авиации не хватило, бросили в небо особую авиацию, мужество и опытность которой были проверены не раз еще задолго до войны… Это была полярная авиация!

Командовал ею тогда прославленный летчик в звании полковника Герой Советского Союза Илья Павлович Мазурук…

Он уже не раз облетел Новую Землю, вывозя в тыл раненых союзников; от него же лейтенант Грэдуэлл узнал, что никакого сражения с «Тирпицем» в океане не было — все это липа, Мазурук доставил от союзников и первую почту в Архангельск…

Ровно и глухо ревут моторы «каталины», тянут над океаном широко распростертые крылья. Фонарь кабины, где сидит полковник Мазурук, пропитан солнцем, блеском приборов, запахом — тем неуловимым запахом — электротехники,

который может понять только человек, поплававший или полетавший… Время от времени Мазурук переговаривался с базой через стрелка-радиста:

— У нас чисто… пока чисто… Под нами прошел мотобот с пушниной… мы уже за Красимо, идем к Мучному!

Новая Земля — целый мир, мир древний в притаившийся, загадки которого еще не разгаданы до конца. Материк будто накидали камней одноглазые циклопы и, сильно устав, разошлись, не закончив работы. Берег изрезан фиордами и проливами, которые здесь называют «шарами»…

За дюралевой переборкой — молодой голос радиста:

— Идем вдоль Костина Шара… У нас пока чисто!

— Да, чисто, — сказал Мазурук. — А жаль… Я думал, тут кого-нибудь у Костина сыщем: удобное место для стоянки…

Моторы серебристо струились от работы, пронося большую тяжелую птицу над бестолочью камня, воды, неба, снега. Где-то очень далеко внизу бежали дикие олени, гордо запрокинув назад свои ветвистые головы. Иногда — очень редко — мелькнет под крылом крыта метеостанции,

вокруг нее разбросаны бочки с горючим; видны тонкие ниточки, на которых нанизаны белые пушистые шарики, это собаки сидят на привязях…

— Может, товарищ полковник, еще снизимся малость?

— Да и так все отлично видать, — отвечал Мазурук штурману. — Если какой корабль и застрял здесь, так непременно сыщем…

Они прошли Гусиную Землю, скоро уже становище Малые Кармакулы (столица Новой Земли), где можно совершить посадку, попить чайку у хозяина этой громадной земли-охотника и художника Тыко Вылки… Мазурук положил машину в разворот. чеканно и послушно легла она крыльями на синий простор, разом перевернулись под «каталиной» земля и море. И вдруг взгляд Мазурука заострился, он выправил машину на киле и сказал:

— Передавай… нашли… транспорт!

«Каталина» с ревом прошла над обширным заливом Моллера, в глубине которого лежали Малые Кармакулы с их нехитрой цивилизацией из движка и самовара. А как раз напротив губы Литке, приткнувшись носом к каменистой отмели, стоял, недвижим, транспорт. На корме его хлопал флаг.

— Американец… брошен… будем садиться) — А где садиться?

— Найдем место…

Мазурук провел «каталину» над бухтой, залитой солнцем и яростным блеском воды. Кое-где еще мерцали призрачно-голубые глыбы льда, между камней искрились фирновые поля.

— Передай на базу: сажусь — залив адмирала Литке!

Под фюзеляжем самолета стремительно отлетели назад камни… мох… снег… кочкарник… опять камни.

— А не гробанемся? — спросил стрелок-радист.

— На то мы и полярная авиация, чтобы садиться где угодно, только не на аэродромах. — ответил Мазурук, и машина, срывая крыльями ветви кочкарника, покатилась прямо в котел бухты. Моторы смолкли. Мазурук сбросил с рук тяжелые перчатки, откинул фонарь, и… тихо-тихо тут стало.

— Штурман, — сказал он, — вылезай… проветримся. А ты, Сашка, посиди здесь без нас, поскучай малость.

— Поскучаю, — уныло ответил стрелок.

Громадный американский сухогруз, совершенно исправный, но с заглохшей машиной, стоял

совсем рядом.

— Дрыхнут, наверно, — предположил штурман.

— Да нет. Чует мое сердце — брошен… Полезем?

Им удалось подняться с отмели на транспорт. Ни души не встретило их на судне. Но в каютах чувствовалось, что они покинуты совсем недавно. На камбузе еще слышался запах кофе. Вдоль спардека, подобрав под себя шатуны могучих блестящих локтей, Стояли два сверкающих американских паровоза. Из глубины транспорта, мрачно и нелюдимо, как пришельцы из иного мира, глянули на летчиков башни тяжелых танков. В другом трюме были пачками сложены крылья истребителей.

— Добра… хоть завались, можно второй фронт открывать!

— Не, умотались ли они в Малые Кармакулы? — подсказал штурман. — Здесь же, в губе Литке, никакой цивилизации. А они без этого не могут… Им хоть самовар — да покажи!

Между прочим, при осмотре покинутого корабля Мазурук обнаружил, что замки у орудий были отвернуты.

— Или они их с собой унесли… или за борт

бросили?

На самолете их встретил встревоженный стрелок-радист:

— Я слышал выстрелы… Здесь, недалеко, за сопками!

На земле было тепло, и летчикам стало жарко в их сорока одежках, пока они перевалили через сопку. А за сопкой увидели целый лагерь команды американского транспорта…

Все живы, здоровы. Этим ребятам здорово повезло — их транспорт «Винстон-Саллен» прорвался на своих турбинах!

Встретившись с капитаном транспорта, Мазурук так и начал:

— Поздравляю с прибытием. Вам здорово повезло, и нам тоже, что нашли вас… Какой порт назначения?

— Архангельск, — отвечал капитан «Винстон-Саллена».

Мазурук присел на кочку.

— Очень хорошо, вы уже в зоне действия нашего флота и под охраной его можете быть спокойны… Вы же с PQ-17?

Капитан кивнул, и Мазурук опять повторил:

— Вам, конечно, повезло. Не так, как другим. Вы, очевидно, опытные капитан, если сумели

избежать и лодок, и авиации.

— Все это так, — сказал ему капитан. — Мы уже достаточно клали свою башку на рельсы… Больше не станем! Я, как и было условлено, довел транспорт до советских берегов…

— Порт назначения — Архангельск!

— А я говорю вам, что я уже доставил корабль в порт.

— Какой же здесь порт? — возмутился Мазурук. — Вот эта отмель, на которую посадили коробку носом, — разве это порт?

— А мне плевать — порт или не порт, — шумно, размахивая руками, отвечал капитан Мазуруку. — Я уже привел корабль в Россию… Или я ошибся? Или эта земля не ваша?

— Новая Земля — наша территория, — сказал Мазурук, тоже разъярясь. — Но кому нужны здесь ваши танки и самолеты? Чтобы здешние собаки больше лаяли?

— Безразлично! Мне плевать! — уперся капитан. — И вообще я требую выслать сюда ко мне члена Советского правительства. Я сдам ему груз, и пусть он переправляет нас обратно в Штаты!

Американец все-таки вывел Мазурука из терпения.

— Советскому правительству только вами те-

перь и заниматься… как же!

Послушай, комрад, — обратился он поласковей, пытаясь уговорить капитана, — ну, имей же голову на плечах. Тысячи миль от железной дороги. Здесь даже комары не летают: им кусать некого! А ты называешь это портом…

— Мне с летчиком говорить не о чем, — отрезал капитан. — Пусть прилетит сюда член Советского правительства.

— Да на кой он сдался вам, этот член правительства?

— Я стану говорить только с ним. И не поведу корабль, пока сюда не прилетит с неба ваш советский сенатор!

Мазурук в бессилии отступил и сказал штурману, который все это время исполнял обязанности переводчика:

— Ну… ты видел?

Штурман развел руками:

— А что делать? Осталось одно: покажись ему… Мазурук печально вздохнул.

Одним движением руки он рассек на летном комбинезоне застежку «молния».

Стал раздеваться. Американские матросы, давно бросив игру, глядели на русского пилота во все глаза (спор его с капитаном был для них

любопытен)…

Мазурук не спеша скинул комбинезон.

Снял он и куртку.

Через голову потянул меховой жилет.

Снял и китель, бросив его на руки штурману.

Остался в свитере.

А на свитере — значок депутата Верховного Совета СССР.

— Ну вот, — устало сказал Мазурук. — Ты своего добился. Как хотел, так и вышло; я и есть член Советского правительства… Смотри сюда, а документы там! — и он показал рукой за сопку, где стояла, медленно остывая, его тяжелая «каталина».

Вряд ли когда-нибудь Мазурук видел еще человека, растерянного более, чем капитан «Винстон-Саллена». По всей вероятности, он малость ошалел от такого сказочного оборота событий. Захотел он видеть члена Советского правительства — и тот явился перед ним. Правда, капитан, не совсем точно представлял себе, что ему нужно от Кремля, и для начала попросил русской водки с русской икрой, на что Мазурук ему ответил, что ближайшие лет десять — пятнадцать ресторана на Новой Земле не предвидится…

Матросы переглядывались:

— Смотри, советский сенатор… прямо с неба!

Мазурук теперь заговорил другим тоном — приказным:

— Пусть ваша команда идет на корабль и стаскивает его с отмели машиной.

Не забудьте взять всю документацию на груз…

— Мне нужно быть срочно в Архангельске, — неожиданно заявил капитан «Винстон-Саллена», — Надеюсь, я полечу с вами?

— Со мной лучше не связывайся, — ответил ему Мазурук. — Я тебя забабахну прямо на Игарку, и тогда солнышко тебе уже не так светить станет… Сейчас по радиовызову придет сюда наш «ТЩ-38» под командой капитан-лейтенанта Стрельбицкого, вот он вас и отконвоирует до горла Белого моря… Все ясно?

Нет, ему не было ясно. Капитан «Винстон-Саллена» клянчил целый миноносец для своей команды, требуя в свое личное распоряжение самолет, который прямым ходом с Новой Земли отправил бы его в Нью-Йорк…

Мазурук прекратил этот бесплодный разговор словами:

— Сейчас война… надо же соображать!

Снова запели моторы, самолет ушел в небо. Опять за дюралевой переборкой звенит молодой

голос стрелка:

— Прошли Малые Кармакулы, идем дальше на север, продолжаем поисковый облет… Как слышите? Как слышите?

***

Адмирал Головко заявил союзной миссии, что, если дело пойдет так и дальше, он будет вынужден послать американцев к черту, а на их место пришлет советскую команду. С помощью североморцев «Винстон-Саллен» все-таки доставили к месту назначения, но часть ответственного груза была уже выброшена американцами за борт…

Советский парламентарий И. П. Мазурук снова в полете.

Ревут «каталины» над океаном… дальше, дальше, дальше!

В краткие сумерки, заменяющие здесь ночь, на горизонте появляется

Полярная звезда, которую местные каюры, охотники и следопыты называют звездой Нгер-Нумгы.

Ты самая яркая в звездном посеве, Ты летишь над землею, что в толще снегов, Твое имя-стремленье на север, на север…

Нгер-Нумгы! — я не знаю прекраснее слов.

ЧЕРЧИЛЛЬ – СТАЛИНУ. СТАЛИН – ЧЕРЧИЛЛЮ.

Честные люди в США и Англии понимали, что союзный долг — прежде всего, и сэр Хамильтон в эти дни заявил: «Размышляя о будущем, я счастлив, когда думаю о планах проводки конвоя PQ-18!» Да, уже вставал вопрос о посылке следующего каравана под литерами PQ-18… Хамильтон указал и на главного виновника трагедии PQ-17 — буквально ткнул пальцем в Черчилля, за что и пострадал (был удален с флота на береговую службу).

Черчилль дважды занимал ответственный пост первого лорда Адмиралтейства и, наверное, имел право причислять себя к породе людей просоленных. Но тот же адмирал Хамильтон говорил, что самые мрачные страницы британского флота, так или иначе, всегда связаны с именем «необузданного диктатора»

Черчилля…

Когда караван PQ-17 был уже разгромлен и лишь некоторые транспорта-одиночки еще тащились через океан, ожидая или встречи с

советскими эсминцами, или жуткого конца в пучинах, в эти дни (а именно 18 июля 1942 года) премьер У. Черчилль отправил послание И. В. Сталину:

«…В случае с последним конвоем под номером PQ-17 немцы наконец использовали свои силы таким способом, которого мы всегда опасались. Они сконцентрировали свои подводные лодки к западу от острова Медвежий, а свои надводные корабли держали в резерве для нападения к востоку от острова Медвежий. Окончательная судьба конвоя PQ-17. еще не ясна.

В настоящий момент в Архангельск прибыли только четыре парохода, а шесть других находятся в гаванях Новой Земли. Последние могут, однако, по отдельности подвергнуться нападению с воздуха. Поэтому в лучшем случае уцелеет только одна треть. Я должен объяснить опасности и трудности этих операций с конвоями, когда эскадра противника базируется на Крайнем Севере.

Мы не считаем правильным рисковать нашим флотом метрополии к востоку от острова Медвежий или там, где он может подвергнуться нападению немецких самолетов, базирующихся на побережье.

Если один или два из наших весьма немногочисленных мощных судов погибли бы или хотя бы были серьезно повреждены, в то время как «Тирпиц» и сопровождающие его корабли, к которым скоро должен присоединиться «Шарнхорст», остались бы в действии, то все господство в Атлантике было бы потеряно».

Из этого письма уже отчетливо видно, к чему клонит У. Черчилль. По сути дела, это письмо — дипломатическое предупреждение СССР, чтобы русские помощи в дальнейшем не ожидали.

Мы могли бы обойтись и без поставок по ленд-лизу.

Но отказываться от ленд-лиза мы не желали…

23 июля И.В. Сталин дал ответ У. Черчиллю на его послание от 18 июля…

Вот что он писал премьер-министру Англии:

«Наши военно-морские специалисты считают доводы английских морских специалистов о необходимости прекращения подвоза военных материалов в северные порты СССР несостоятельными. Они убеждены, что при доброй воле и готовности выполнить взятые на себя обязательства подвоз мог бы осуществляться регулярно с большими потерями для немцев.

Приказ Английского Адмиралтейства 17-му

конвою покинуть транспорта и вернуться в Англию, а транспортным судам рассыпаться и добираться в одиночку до советских портов без эскорта наши специалисты считают непонятным и необъяснимым.

Я, конечно, не считаю, что регулярный подвоз в северные советские порты возможен без риска и потерь. Но в обстановке войны ни одно большое дело не может быть осуществлено без риска и потерь.

Вам, конечно, известно, что Советский Союз несет несравненно, более серьезные потери. Во всяком случае, я никак не мог предположить, что Правительство Великобритании откажет нам в подвозе военных материалов именно теперь, когда Советский Союз особенно нуждается в подвозе военных материалов в момент серьезного напряжения на советско-германском фронте…»

Письмо Сталина вручал Черчиллю лично советский посол И. М. Майский.

Британский премьер был одет в синий комбинезон на застежке «молния», у него было дурное настроение (что-то опять не ладилась война в Египте). Вспоминая об этом дне, И. М. Майский пишет: «С горя Черчилль, видимо, немножко перехватил виски. Это заметно было по его лицу,

глазам, жестам. Моментами у него как-то странно дергалась голова, и тогда чувствовалось, что, в сущности, он уже старик… страшное напряжение воли и сознания поддерживает Черчилля». Премьер, прочтя послание Сталина, испугался, мысли о возможности выхода СССР из войны, что он и дал понять советскому послу.

Иван Михайлович Майский резко возразил премьеру:

— Никому у нас в голову не приходит мысль о прекращении борьбы. Наш путь определен раз и навсегда — борьба до конца… Однако надо считаться и с реальностями ситуации…

«ПУСТЬ ЯРОСТЬ БЛАГОРОДНАЯ…»

Сторожевик, который недавно по неопытности пробомбил свою же подлодку, стучал машиной далеко в океане… На мостике посапывал трубкой «батя» в звании лейтенанта, и когда он спал, то ему снились сны — прежние сны, еще довоенные: подъем трала лебедкой, после чего наступало видение плещущей на палубе рыбы: треска тут… пикша…. палтус! Это были сны мирные, а до военных снов он еще не дослужился…

Вахту на мостике, подсменяя командира, нес минер сторожевика Володя Петров, досрочно выпущенный из училища в наискромнейшем

звании младшего лейтенанта. Недавно на борту сторожевика установили шумопеленгаторную станцию, снятую с поврежденной подлодки. Прислали в команду и акустика, списанного с Подплава, где он оглох, прослушивая воду при бомбежках, а теперь слух к нему опять возвратился…

За стеклом кабины, покрытым каплями брызг, виднелось молодое угрюмое лицо акустика. Этот парень уже изведал однажды неимоверный холод океанской пучины, чудом остался жив и теперь не мог обходиться без электрогрелки — он сильно мерз. Тонкие, изящные пальцы матроса удивительно красивым жестом держали винт поискового пеленга. Накануне войны скрипач, лауреат всесоюзного конкурса, акустик теперь не играл. Для него на все лады играл таинственные мрачные мелодии великий маэстро — океан. Акустик был теперь не исполнителем — он был лишь придирчивым слушателем… Вращая винт компенсатора, он настраивал аппаратуру на каждый подозрительный шум, которых всегда такое множество в океане…

Лицо стало озабоченным. Углы рта опустились. Рука замерла. Глаза он закрыл. И доложил о пеленге:

— Контакт есть!

— Контакт есть, — одновременно доложили с «нибелунга».

— А что за судно? — спросил Ральф Зеггерс.

— Русская галоша… на одном винте. Я даже слышал, как гремели заслонки в паровом котле.

— Носовые — к залпу… двумя торпедами!

Зеггерс поднял перископ.

— Посмотри и ты, — сказал помощнику.

— Типичный траулер, — определил штурман.

— Но под военным флагом… у него пушки.

Придя на сближение, выбросили торпеды. Одна прошла мимо, а от второй сторожевик очень ловко увернулся.

— Третью не истратим на это барахло, — сказал Зеггерс. — Не лучше ли всплыть и покончить с ним снарядами?

Но в этот момент акустик донес:

— Пеленг уходит влево… шум винтов идет на нас!

— Этого нам еще не хватало, — возмутился Зеггерс…

Первый бомбоудар толкнул лодку так, что из гнезд выбило командные койки, обрушив их с переборок на людей и машины. В «ямах» лопнули эбонитовые баки аккумуляторов. Винт

сторожевика стегал воду, словно плетью: чух-чух-чух-чух… Затем русские удалились, и стук машины исчез.

— Но они не ушли, — доложил акустик. — Они лишь отошли. Они даже остановили машину, чтобы слушать нас…

Кажется, по корпусу лодки кто-то осторожно постучал коготками — цок-цок… и еще раз: цок-цок!

— Вот они, звонки московского дьявола, — приуныл штурман.

— Да, — согласились с ним, — это заработал русский «дракон»…

Ощущение было неприятное. Кто-то, невидимый и жуткий, казалось, плавает сейчас на глубине а требует, чтобы его впустили внутрь лодки. Акустик доложил, что на русском корабле запущена машина…

— Слышу и без тебя, — ответил Зеггерс.

Серия бомб легла рядом — метрах в тридцати. Слышно, как их сбросили в воду. Потом, звонко булькая, они тонули. И — взрыв! взрыв! взрыв! Казалось, вода превратится сейчас в клокочущий кипяток. В адской теснотище лодки, колотясь телами о механизмы, катались люди. На глазах Зеггерса картушка гирокомпаса вдруг поехала в

сторону, совершив полный оборот. Гирокомпас тоже спятил и показывал «тот свет».

— Вырубите его к черту! — приказал Зеггерс. — Моторы остановить... Кто там шляется? Кто там что-то уронил? Тихо...

Ах, какая убийственная тишина в океанских пучинах! Они не вырубили только регенерацию воздуха. Только регенерацию...

— Видит бог, мы нарвались на опытных истребителей. Мне это надоело, — сказал Зеггерс. — Носовые аппараты: в левый — пакет спасения, а правой трубой выстрелить пузырем воздуха. Добавьте в пузырь из погребов кочнов капусты и насыпьте туда отходов с камбуза, чтобы у русских не оставалось сомнений...

В самый разгар очередной атаки носовые аппараты дали залп. На поверхность океана выбросило громадный пузырь, словно лопнули отсеки. Зеггерс машинально глянул на глубиномер — сейчас они были на 95 метрах.

Конечно, не часто можно наблюдать, как содержимое гальюнов плавает среди капусты и картошки. Пузырь воздуха был великолепен! По волнам раскидало решетки мостика, растеклась нефть. Море выбросило это из глубин, словно напоказ, и с борта сторожевика увидели газет-

ный лист — «Фолькишер беобахтер», главной берлинской газеты…

— Может, подцепим? — сказал Володя Петров, загораясь. — И в штабе покажем. Как доказательство гибели… вот и газетка!

— Так ей же подтирались, — брезгливо ответил «батя».

А на лбу акустика — две вертикальные складки:

— Пеленг… глубина около девяноста.

— Олух царя небесного, она же погибла!

— А я говорю, что она здесь: пеленг… погружение…

— Минер, — велел командир Володе, — давай на корму. Сам расставь по бомбам дистанцию взрыва…

Отослав Петрова, «батя» постучал в окошечко кабины.

— На тебя вся надежа, — сказал акустику, — Уж ты не подгадь, миленький.

Высокая корма сторожевика, приспособленная для выборки трала, по всему круглому обводу была плотно уставлена бочками глубинных бомб. В каждой такой бочке — там, где ее донышко, — блестели стаканы взрывателей. Тончайшие диафрагмы, точно воспринимая давление воды

при погружениях, сообщали бомбе, когда в на какой глубине ей взрываться.

Володя Петров стал работать ключом, готовя бомбы к атаке.

Первые три он поставил для взрывания на глубине в 60 м.

Вторую серию – чтобы рвануло на глубине в 30 м.

Третью – на 100…

— Вот это, — сказал матросам, — называется ящик…

И, спрятав ключ в карман, помчался обратно на мостик. Сторожевик уже лежал в развороте и, толкая волны, спешил в следующий заход. Минер с мостика отмахивал на корму флажком:

— Первая — пошла… вторая — бросай!

Его юную душу волновала в тешила романтика боя.

***

В этой атаке, когда вокруг рвались бомбы, что-то тяжелое вдруг свалилось на мостик. При этом глубиномер отметил «приседание» лодки, будто она приняла на борт лишнюю тяжесть.

Каждый слышал этот удар. Каждый понял, что на мостике что-то лежит. И каждый страшился думать об этом. Больше всех ощущал опасность сам Зеггерс, но… молчал.

Он уже догадался, что его лодка приняла на мостик глубинную бомбу, которая не взорвалась. Или она неисправна, эта бомба. Или она раскололась от удара при падении. Или…

Было тихо, — Уберите регенерацию, — распорядился Зеггерс. Полная тишина — она, пожалуй, страшнее полного мрака.

Взгляд на шкалу глубины. Без моторов лодка постепенно (очень замедленно) продолжала погружение. Метр за метром ее тянуло и тянуло на глубину. Это засасывающее влияние бездны при нулевое плавучести хорошо знакомо всем плававшим под водой, и вряд ли оно улучшает им настроение…

— В отсеке вода, — вдруг тихо передали по трубам.

— «Слезы»? — с надеждой спросил Зеггерс.

— Нет. Струи воды…

Прибор показывал глубину всего в сотню метров. А ведь было время, когда они смело ныряли на все 120… В ледяной коробке поста Зеггерс вспотел и распахнул куртку.

— Выход один, — сказал он. — Придется на несколько минут врубить оба мотора и начать подъем. Этим мы, конечно, себя обнаружим, но… Корпус ослабел, лодка сочится по швам.

И вот тогда штурман, до этого молчавший, сказал ему:

— А… бомба?

— Какая к черту бомба? — прошипел на него Зеггерс. — Не разводи панику…

Мы с тобой здесь не одни!

Штурман оттянул его за рукав подальше от матросов.

— Послушай, Ральф… Такая история однажды была уже на «U-454», где этот Шмутцке. Они приняли на свой мостик бомбу, когда шли на сорока метрах. Она не взорвалась, как и наша… вот эта! — Штурман показал глазами наверх. — Когда же они всплыли, взрыватель был поставлен для взрыва на глубине в пятьдесят метров. Ты понимаешь: уйди они тогда на лишние десять метров вниз, и… Ральф, мы так влипли, так влипли…

Скользящий взгляд на глубиномер — «приседание» идет дальше, и кормовой отсек доложил со страхом:

— У нас фильтрация тоже переходит в струение…

Зеггерс пропустил этот доклад мимо ушей.

— Не дури! — ответил он штурману. — Уверяю тебя, с нами обойдется, как и с этой «U-454». Мы не котята, чтобы нас топил любой сапожник… Да и откуда знать, что там у нас валяется на мостике? Может, от взрыва рухнул прожектор?

Идя на риск, он велел моторами отработать задний ход.

Винты теперь, как штопоры, «вытаскивали» лодку из засасывающей бездны.

Зеггерс следил за набором высоты: 80… 60… 50… 40… Он понимал, что бомба ждет, когда лодка придет на ту глубину, на которой ей суждено взорваться. Они же не знают этой роковой отметки. Для них сейчас нет иного выхода. Или навеки оставайся здесь, в пучине…

— Струи воды исчезли? — запросил Зеггерс по отсекам.

— Да, — успокоили его, — только фильтрация.

— Вот и отлично. И с нами ничего пока не случилось…

Но гул моторов был услышан наверху, и сторожевик снова пошел в атаку.

Последовал первый удар — небывалый. Выключилось освещение, но лодка осветилась аварийным. Второй удар! Аварийное тоже отка-

зало, но в руках вспыхнули карманные фонари.

— Ах! — вскрикнули все невольно, обожженные холодом.

В центральном посту начался оглушительный ливень. Сверху — толщиной в палец, били вниз сильные, как стальные прутья, струи воды: это взрывами срезало над рубкой заклепки. Узкий луч фонаря в руке Зеггерса бегал по переборкам, выхватывая на мгновения то один прибор, то другой… В посту плавал густой туман, рассекаемый шумными струями, а стрелки приборов метались в разные стороны.

— Это невыносимо! — заорал штурман. — Ральф… решайся!

Сильный вихрь воздушного потока, который сшибал сейчас крышки люков, пронесся по лодке, — кто-то из команды в панике открыл баллоны высокого давления и не смог справиться со злым джинном, вырвавшимся из своего сосуда… Через отсеки пролетал теперь черный туман — из распыленных масел.

— Весь воздух — на продутие! — заорал Зеггерс, натягивая на голову каску.

— Прислуге, орудия к бою… — Будем сражаться до конца как верные сыны матери Германии. Хайль Гитлер!

В рубке стало тесно от матросов, которые стояли наготове со снарядами в руках. Подлодка с шумом вырвалась на поверхность. Люк был открыт, и по трапу бросились все — к орудиям. Зеггерс выскочил первым. На мостике, расколотая от удара, лежала русская бомба. А весь мостик, все поручни, все решетки были забрызганы противной серо-желтой слякотью взрывчатого вещества, расквашенного давлением. Но тут Зеггерс перевел взгляд на сторожевик русских — и в ужасе онемел…

Прямо перед лодкой, бивнем нависая над ней, вырастал форштевень советского корабля. Выстрелить не успели. Сторожевик врубился им в борт, ломая стальные листы, и вдруг с хрустом застрял в корпусе лодки.

При таране на сторожевике все попадали с ног.

— Полный назад! — скомандовал командир в машину.

Винт рубил в ярости воду, корма елозила слева направо, но машина была не в силах вырвать корабль из клещей развороченной стали. Форштевень распорол на лодке отсек аккумуляторных «ям», куда хлынуло море, отчего в бурной химической реакции вода сразу закипела зловонными пузырями хлора.

Сторожевик потянул противника за собой! Момент опасный, и было непонятно даже, что делать дальше…

— Полный назад! — кричали с мостика в машину.

Под навесом борта было не разглядеть, что делали враги, но зато была слышна их возня у пушки.

Противник решился на крайность, — выстрелил, снаряд, едва вырвавшись из пушки — тут же прошил борт и палубу корабля, свечкой вылетев куда-то в небо (он не успел взорваться). Машина работала на полных, но лодка не отрывалась. В отчаянии немцы стали бить снарядами в днище сторожевика. Это было страшно и для них — близкие взрывы сбивали в море людей, уже мертвых от контузии. Но на смену убитым из рубки выскакивали другие. Ожесточение опытного врага было невероятно. Битва шла на пределе человеческих возможностей.

— Вода в отсеках… заливает все! — доложили на мостик.

— Лишь бы оторваться… полный назад!

Сторожевик трясло от напряжения так, что с бортов слоями отлетала краска и пробка. Наконец последнее усилие машины чуть ли не с «мясом»

вырвало нос корабля из подлодки, оставив в ее корпусе открытой скважину пробоины. Все видели, как вода океана хлестала теперь туда, как в яму. Зловоние хлора стало нестерпимым. Но каждый моряк знает, что море заполнит только один отсек, после чего упрется в сталь переборки, и это еще не гибель врага!

А потому, едва оправясь, командир снова отдал приказ:

— Полный, вперед… Будем таранить снова!

Сработал в машине реверс, и винт закрутил воду в обратном направлении, гася инерцию заднего хода, снова устремляя корабль вперед — прямо на врага.

Но теперь — по удалении от подлодки — сторожевик сделался более уязвим.

Враг бил по нему прицельно… В ослепительно-белой вспышке разрыва ходовая рубка разлетелась в куски, жестоко раня палубные команды осколками металла и острой щепой дерева. На том месте, откуда только что раздавались команды, не осталось теперь ничего. А упавшая мачта в гармошку раздавила трубу. Дым пополз вдоль палубы, удушая людей…

Володя Петров лежал на развалинах мостика, а над ним качалась бездонная масса света и воз-

духа. С трудом он перевел глаза ниже. Вместо ног у него тянулись по решеткам красные лоскутья штанов. И это было последнее, что он увидел в этом сверкающем мире.

Вздрагивая под снарядами, сторожевик шел дальше. Он шел прямо. Никуда не сворачивая.

Так, как ему велели люди, которых уже не существовало.

Ральф Зеггерс кричал через люк — в глубину поста:

— Лево! Лево… еще левее… клади руль до упора! Ставя лодку кормою к противнику, он хотел избежать тарана. Узкая, как лезвие ножа, субмарина могла спастись — корабль мог промахнуться. Но сторожевик (без мостика, без командира) настиг подлодку. Его изуродованный форштевень снова полез на врага, круша его в беспощадной ярости разрушения.

Последним проблеском сознания, почти автоматически, Зеггерс отметил, что в кормовых аппаратах только одна торпеда, а другие уже расстреляны. Но и одной хватило на всех, когда она сработала от удара корабля.

Гигантский гейзер пламени, воды я обломков вырос над океаном. Грохочущей шапкой он накрыл два корабля, сцепившихся в жесточайшем

поединке. Когда же взрывы осели, вместо лодки осталось только жирное пятно мазута, и качало вокруг ошметки тел вражеских подводников. А из этого пламени, из туч дыма, отряхивая с себя тонны воды, вдруг вышел сторожевик…

Теперь он двигался, прессуя волны красной своей переборкой. Под его днищем волочились остатки раздробленного полубака с каютами, маляркой, провизионной, с цепным ящиком и якорями, которые вытянулись на цепях до самого дна. Но корабль шел вперед, как и было приказано ему с разбитого, несуществующего мостика. Исполняя этот приказ, машина корабля, стучала, стучала, стучала… даже без перебоев!

Борта дребезжали листами рваного железа. На качке двери корабля сами собой открывались а закрывались. Внутри отсеков из-под сорванных взрывами люков били упругие струи воды, которая быстро разбегалась по коридорам.

Корабль колотило в страшной вибрации. Все звенело, трещало в быстро разрушалось в агонии стали, дерева, резины, огня и пара.

С грохотом, отметившим его конец, сторожевик вдруг начал прилегать на борт, словно в изнеможении. Задымив вокруг себя волны, он в рывке последнего крена вдруг побросал с палубы

в воду все пушки, все кранцы, все шлюпки, всех мертвых, всех живых… так, будто они мешали ему сейчас.

В красную переборку билось море!

Плавающие вокруг люди вдруг увидели пузатое черное днище корабля, над которым в бессильной ярости еще крутился винт, безнадежно стегая воздух.

Внутри перевернутого корабля стучала, стучала, стучала машина… И казалось, не будет конца этой неутомимой жажде корабля; жить — только бы жить!

Со стучащей машиной, непобежденный, он ушел в океан.

ПОСЛЕДНИЕ

Казалось, все складывается не так уж плохо. Из носовых отсеков, разрушенных бомбою, откачали воду за борт — дифферент выправили. Все бы ничего, и они были бы уже, наверное, в безопасности, если бы не забарахлил индуктор в машине. Тогда транспорт не пошел, а пополз.

Брэнгвина разбудил Сварт.

— Молись! — сказал он с таким выражением лица, будто его обделили за выпивкой. — Молись, брат мой… «И пришла за ним смерть», — шпарил Сварт далее по молитвеннику.

В иллюминаторе виднелось море. Солнце было на подъеме.

— Не с того борта смотришь… Глянь по левому крамболу! «И пришла за ним смерть, а она позвала его к себе, и встал он навстречу смерти, и она повела его…» Видишь? — спросил Сварт, перелистывая страницу.

С другого борта шла волна. В потоках пены там ныряла германская лодка. По ее скользкой палубе деловито расхаживали люди в длиннополых бушлатах.

Брэнгвин с детства знал, что благородные пираты флага с черепом и костями на своих мачтах никогда не носили (у них были другие флаги). А теперь Брэнгвин своими глазами видел настоящий флаг с черепом и костями, как на будке трансформатора токов высокого напряжения. Этот псевдопиратский флаг болтался над перископами чуть повыше официального знамени со свастикой…

Ему стало обидно — очень хотелось жить.

А там не спеша возились возле орудия… Брэнгвин расслышал, как немцы через мегафон спросили:

— Назовите ваш генеральный груз.

— Одна тушенка и обувь, — соврал кто-то с палубы, но соврал неумело, и с мостика лодки раздался дружный смех, в который вплеталось динамичное стрекотание киноаппарата.

— Эй ты, идиот из Техаса! — доносилось из мегафона. — Может, ты скажешь, что в контейнерах на палубе лежат лакированные ботинки для русской пехоты?

— Я не знаю, что там.

— Зато мы уже догадались! — был зловещий ответ…

«Неужели жизни пришел конец?» — спросил се-

бя Брэнгвин. Но в тот же момент он, как большая и сильная кошка, в два прыжка очутился возле люка и стремглав провалился в его впадину.

— Не сделать ли вам укол, дружище? — спросил он как можно веселее.

Вместо лица — маска сизого, изрубленного, как котлета, мяса. Но глаза штурмана еще жили.

— Что у вас там… наверху? — простонал он.

Брэнгвин разбил на этот раз три ампулы морфия.

— Выдерните рубашку сами, сэр…

Он свалил штурмана в небытие лошадиной порцией наркоза. Ему было жаль хорошего парня. Пусть он идет на дно, так и не узнав, что на свете есть флаги с черепом и костями.

Первый выстрел с подлодки не страшен: он пристрелочный.

— С вашего разрешения я выпью? — спросил Брэнгвин.

Штурман уже одурел после укола — ничего не ответил.

Брэнгвин со стаканом в руке смотрел на часы.

Минута, вторая… «Чего они там копаются?»

Второй выстрел — тоже мимо, с перелетом над палубой.

— У, грязные собаки! — проговорил Брэнгвин

с лютейшей ненавистью. — Умеют дубасить нас только торпедами…

Выглянул в иллюминатор. Под навесом рубки на подлодке стояла пушка небольшого калибра. Вот они ее зарядили, и Брэнгвин невольно отшатнулся.

Снаряд с грохотом разорвал борт.

— Я пойду, — сказал он штурману, который его не слышал.

Раздалось сочное плюханье, будто чья-то большая ладонь во всю мочь шлепнула по воде. Брэнгвин, выскочив на палубу, видел, как закачался под бортом спасательный плот. Немцы пока их не замечали, и матросы стали звать Брэнгвина с собой.

— Нет, — мотнул он головой. — Там за меня молится Сварт.

Два весла всплеснули воду, оттолкнув плот от корабля. Они отошли, устраиваясь поудобнее, как пассажиры перед долгой дорогой. Далеко ли уплывут эти бедняги?.. Сейчас на корабле мало кто остался. Или те, кто находился в состоянии полного транса. Или те, которые надеялись на чудо…

Снаряд влетел в спардек, завертывая в узлы шлюп-балки и ростры. Чтобы избежать промахов,

подлодка теперь приблизилась, и Брэнгвин готов был поклясться, что убийцы вполне спокойны. Это больше Всего возмутило его!

Ведь если бы он стал убивать их, он бы волновался… «А они спокойны, черт их побери!»

Ему захотелось молиться. И он начал молиться.

— Мама, — сказал Брэнгвин в пустоту отсека, — ты меня уж прости… Я часто выпивал и дурил, но, поверь, я совсем неплохой парень. Мы редко виделись…

Отныне я обещаю навещать тебя как можно чаще…

В ту же минуту снаряд прошил весь твиндек насквозь, ломая металл легко, как карандаш протыкает лист газетной бумаги. С близкой дистанции, наладив свою работу, немцы стали точнее. Скоро отсеки корабля наполнились резким желтоватым дымом, от которого при дыхании появилась острая боль в легких.

Брэнгвин в отчаянии заметался по отсекам, по трапам, по рубкам. Он прятался и понимал, что глупо прятаться. Разрывы вдруг стали глуше — били под ватерлинию. Даже не глядя на кренометр, Брэнгвин почувствовал, как моряк, всю слабину корабельной жизни и… крен! Значит,

где-то внизу по трюмным трапам уже разбегается вода, она бьет сейчас через борт, как из шлангов, толстыми струями, толщиной в руку.

А эти «эрликоны», воздев к небу раструбы плазмегасителей, стоят, словно не найти для них достойной цели. Возле их площадок — высокие кранцы, битком набитые обоймами.

— В конце концов, — сказал себе Брэнгвин, — я ведь ничего не теряю... — И он опрометью кинулся в каюту:

— Сварт, не хочешь ли ты продать свою шкуру подороже?

Сварт молчал, натянув на голову одеяло.

— Пойдем! Я не могу, чтобы меня убивали эти паршивцы...

Сварт затих, одеяло тряслось. Сварт плакал.

— Да не будь ты скотиной, Сварт, — говорил ему Брэнгвин. — Мы же не последние ребята на этой ферме... Вставай!

Снаряд разорвало под ними, в трюме. В труху разлетелся плафон ночного освещения, битое стекло застряло в волосах.

— Отстань от меня! — выкрикнул Сварт. — Я молюсь...

— Кто же так молится, лежа на койке? Ты встань...

В ушах снова грохот. Брэнгвин силой потянул Сварта.

— Да будь я проклят, — хрипел он, — но я убью их…

Он дотащил его до барбета кормовых «эрликонов». Из кранца вытащил обойму с нарядными, как игрушки, зубьями патронов.

— Это делается так, — сказал он, и обойму намертво заклинило в приемнике.

— Я стреляю… ты только подноси, Сварт, и умоляю тебя — больше ни о чем не думай… Подноси, Сварт!

Очень медленно, чтобы не привлечь внимания немцев на подлодке, Брэнгвин разогнал ствол по горизонту. Навел… Дыхание даже сперло. Сердце ломало ребра в груди. «Вот, вот они!» Через визир наводки Брэнгвин видел их даже лучше — как из окна дома через улицу. Бородатые молодые парни (видать, давно немытые) орудовали у пушки так, будто других занятий в мире не существует…

«Что ж, мужчине иногда следует и пострелять», — Брэнгвин отпустил педаль боя.

«Эрликон» заработал, отбрасывая в сетку гамака пустые унитары, дымно воняющие гарью сгоревшего пироксилина. Просто удивительно, как эти «эрликоны» пожирают обоймы…

— Сварт, подноси!

Сварт, громко ругаясь, воткнул в приемник свежую обойму.

— Ты, когда стреляешь, — сказал он, — не оборачивайся на меня. Я не удеру, не бойся… Это было бы не по-христиански!

Брэнгвин опять отпустил педаль, и «эрликон» заговорил, рассыпая над океаном хлопанье: пом-помпом… пом-пом-пом…

С третьей обоймы Брэнгвин сбросил с палубы лодки ее комендоров. Он видел, как оторвало руку одному фашисту, и эта рука, крутясь палкой, улетела метров за сорок от подлодки. Пушка немцев замолчала, дымясь стволом тихо и мирно, словно докуривала остатки своей ярости.

— Больше ни одного к пушке не подпущу! — крикнул Брэнгвин.

С мостика лодки вдруг ударил по транспорту пулемет.

— Сварт, подноси!

«Эрликон» дробно застучал, глотая обоймы, как пилюли. И вдруг с криками немцы стали прыгать на выступ рубки, быстро проваливаясь в люк. Брэнгвин продолжал стегать по лодке крупнокалиберными пулями (величиной в огурец), стараясь разбить ее перископы. Мертвецы еще

лежали на палубе возле пушки, и, когда пули в них попадали, они начинали дергаться, как в агонии.

Неожиданно субмарина издала резкое и сиплое звучание — это заработал ревун сигнала.

Выбрасывая кверху облако испарений и фонтаны воды, подводная лодка китом ушла вниз, а на волнах после нее остались качаться пустые ящики из-под снарядов и трупы…

Брэнгвин остатки обоймы выпалил в небо и засмеялся:

— Сварт, неужели ты не видел? Адольфы не такие уж герои, как это пишут в газетах. Ты заметил, как они прыгали? Это было здорово.., Сварт, разорви тебя, чего ты молчишь?

Он обернулся. Сварт лежал возле кранцев, среди нарядных обойм. Его капковый жилет — точно по диагонали, от плеча до паха, был пробит дырками от пуль (удивительно симметрично).

— Дружище, Сварт… как тебе не повезло!

В сторону накрененного борта из-под капкового жилета медленно вытекала кровь. Из кармана Сварта торчал молитвенник. Брэнгвин раскрыл его наугад и возвел глаза к небу.

— Я тебе прочту, Сварт… самую хорошую молитву!

Только сейчас он увидел над собой советский самолет. Стало понятно, почему немцы так быстро погрузились. Раз за разом, четырежды, большая машина пронеслась над мачтами. Летчик откинул фонарь, было видно, как он что-то высматривает на транспорте…

Брэнгвин стоял на коленях, — плача навзрыд. Его большая рука в громадной теплой перчатке гладила Сварта по голове. Вокруг них катались нарядные, как игрушки, патроны…

«Я тридцать шестой, я тридцать шестой… Восьмерка, как меня слышишь?

Запиши координаты.» Подо мной транспорт, сухогруз. Флаг, кажется, американский. Не разберу…

— Тридцать шестой, я — восьмерка, я тебя понял… Коля, на сколько у тебя хватит горючего?

— Минут на двадцать — не больше.

— Крутись там, Коля, сколько можешь… Посылаем других!

— Я тридцать шестой, тебя понял. Но он, кажется, тонет… Повторяю, он тонет, и тут шляется подводная лодка…

— Тридцать шестой, — последовал приказ, — жди…

На смену ему прилетели сразу два. Они уже не

сводили глаз с корабля, медленно тонущего. Когда эти два опустошили свои баки, прилетели еще самолеты — сразу три… Воздушное прикрытие было надежным. Подводная лодка, пока они тут крутились, уже не рисковала всплывать, ибо нет для субмарины опаснее врага, нежели самолет…

***

Данные воздушной разведки моментально поступили в оперативный отдел штаба флота. Их сразу пустили на обработку:

— Какой из кораблей ближе всего сейчас к указанным координатам? Тральщик не годится, у него малый ход. «Грозный» — поломка в машине, у него текут трубы… Вот старый «Урицкий», который и волну легко переносит, и машины тянут выносливо…

Косо дымя из старомодных труб, эсминец «Урицкий» ложился на новый курс.

Когда-то в молодости был он «Забиякой» (это уже вторая мировая война на корабельном веку). Борта эсминца еще не остыли после битвы в Моонзунде, когда началась революция и бойкий «Забияка» в ту памятную ночь октября стоял рядом с «Авророй». А в 1933 году славный «новик» простился навеки с влажной Балтикой — окунул-

ся в полярные туманы…

«Урицкий» быстро вышел на встречу с транспортом. Аварийные команды горохом посыпали на палубу разбитого корабля. Русские матросы разлетались по отсекам, повсюду трещали их жесткие робы, они, как тараканы, сновали по коридорам, тянули шланги, ставили подпоры, и Брэнгвин сначала ничего не понимал — только отовсюду слышал непонятное для него слово: «Давай!»

— Давай, давай! — кричали русские.

Он пытался вмешаться в их работу, но его отстранили.

— Давай, давай… давай, давай, ребята!

На эсминце Брэнгвина осмотрел врач и угостил спиртом. Брэнгвин подмигнул ему.

— Давай, давай! — сказал он врачу.

Врач удивился и налил ему еще. Брэнгвин выпил и полез по скобам трапа наверх. «Итак, все в порядке», — подумал он, размышляя, где бы ему поспать.

***

Двадцать четвертого июля командование Северным флотом издало приказ о прекращении поиска судов каравана PQ-17…

В этот же день одним из последних кораблей пришел в Архангельск и «Азербайджан» — ему были, конечно, рады, хотя он вернулся пустым (через пробоины все содержимое танков вылилось в море). А транспорт, на котором плыл Брэнгвин, русские утащили прямо в Мурманск.

НА ВЫСОКОМ УРОВНЕ

Теперь пора подсчитать наши потери. Я пишу — «наши», ибо тот груз, который лежал в трюмах погибших кораблей, был уже нашим грузом.

Из всех транспортов до портов назначения добрались лишь 11, и будем считать, что эти 11 кораблей — счастливцы. Остальных навеки поглотил океан.

Из 188000 тонн военных грузов советские порты приняли от кораблей PQ-17 лишь 65000 тонн. У. Черчилль не ошибся в своих расчетах, когда в письме к Сталину указывал, что уцелеет только одна треть. Потери были колоссальны…

Вот что осталось лежать на грунте вместе с кораблями. 210 бомбардировщиков, 430 танков, 3550 автомобилей и паровозов.

Это не считая прочих военных грузов! Польский историк морских операций Ежи Липинский пришел к печальному выводу: «Такие материальные потери могут сравниться лишь с потерями в крупном сражении на суше…»

В самом деле, представим себе армию, вступившую в генеральную битву. В ходе сражения

она способна «истратить» в боях 210 самолетов и 430 танков.

Причем в этой «битве» противник имел совсем незначительные потери…

Иден при встрече с Майским сказал без обиняков;

— А вы не находите, посол, что история с PQ-17 весьма показательна и убедительна? Какой смысл для вас, русских, если мы станем отправлять к вам караваны, которые в Баренцевом море все, равно угробят немцы?

— Смысла в этом нет, — согласился Майский. — Но зато есть смысл не подставлять караваны под избиение их противником…

Теперь в Лондоне сочли неудобным посылать конвои в СССР, и Черчилль обещав Сталину усилить снабжение трансиранским путем, а это путь — кружной и долгий. Однако за океаном у нас нашелся верный союзник: президент Ф.Рузвельт отнесся резко отрицательно к прекращению поставок по ленд-лизу в Россию кораблями через арктические воды…

Разгром немцами каравана PQ-17 вызвал очень острую реакцию в политическом мире. Протесты шли к Черчиллю из Москвы, из Вашингтона, и, наконец, поступали протесты от офицеров, бри-

танского флота.

— Караваны могут проходить в СССР, — утверждали они, — PQ-17, покинутый эскортом, не может служить примером их непроходимости…

Черчилль этого натиска не выдержал и велел в узком кругу своих приближенных договориться с русскими.

— Маршал Сталин очень сердитый мужчина, — сказал он Идену. — Только не давайте русским слишком наваливаться на нашего Дадли… С них хватит и того, что в Москве они спустили штаны с нашего морского атташе Джеффри Майлса!

(За годы войны советская промышленность выпустила на фронт 102 500 танков (включая сюда в самоходные артустановки), а иностранные поставки за это же время составили всего 9100 танков. Исходя из этих цифр, читатель может иметь представление о ценности танкового груза на кораблях каравана PQ-17.

Любопытно, что в 1943 году США «оказались в довольно необычном положении, предлагая русским танки, в которых Красная Армия не нуждалась», промышленность СССР уже полностью обеспечивала запросы фронта. (См. «Секистов В. А. Война и политика. М» 1970, с. 206 и 345.))

***

Двадцать восьмого июля собрались у Идена в его парламентском кабинете.

Здесь были Александер (морской министр) и Дадли Паунд.

Советская сторона была представлена послом в Англии И. М. Майским и адмиралом Н. М. Харламовым, который в годы войны занимал ответственный пост военно-морского атташе в союзной нам Великобритании.

Паунд начал разговор весьма неудачно:

— Немцы — шляпы! Будь я на месте гросс-адмирала Редера, у меня бы не проскочил в Архангельск ни один наш транспорт…

На это адмирал Харламов, особенно возмущенный всей этой проклятой историей, заметил без отменной вежливости:

— Вы, конечно, намного лучше Редера! С вашей помощью кое-кто все-таки проскочил в Архангельск, за что мы, русские, вам особо благодарны…

Для нас было ясно, чего хотят англичане, и никто из англичан не сомневался в том, что именно станут требовать от них советские представите-

ли… По предложению Идена, первым должен был говорить Паунд. Но посол Майский опередил его;

— Вопрос стоит так: когда может быть отправлен ближайший конвой? Было бы желательно получить от адмирала Паунда исчерпывающий ответ на этот вопрос…

***

В своих воспоминаниях об этом напряженном времени И. М. Майский сообщает, что «говорил и решал с английской стороны только Паунд. Иден и Александер все время либо молчали, либо позволяли себе краткие реплики, робко глядя в такие моменты в глаза Паунду. Похоже было, точно Паунд — учитель, а Иден и Александер — ученики, которым больше всего хочется заслужить хорошую отметку у учителя…»

Паунд пытался увильнуть от прямого ответа:

— Наш премьер в своем последнем послании к мистеру Сталину высказал желание отправить в Москву одного из высших офицеров воздушного флота, дабы согласовать вопрос именно об охранении караванов с воздуха. Однако мистер Сталин оставил наше предложение безо всякой реакции с его стороны…

Затем Д. Паунд вскользь обронил, что они соби-

раются с помощью сильного воздушного флота сделать Баренцево море опасным для «Тирпица», Майский опять спросил напрямик:

— Так сколько же, по вашему мнению, следует ним иметь самолетов в Мурманске, чтобы обеспечить безопасность конвоев?

Паунд отвечал с хмурым видом:

— Шесть эскадрилий для бомбовых ударов и четыре — не меньше, для нанесения торпедных ударов.

— Хорошо, — утешил его Майский. — Сегодня же запрошу об этом наше правительство…

Вопрос, после гибели PQ-17, касался теперь PQ-18. Будет или не будет послан PQ-18 в скором времени? Англичане уходили в сторону от ответа, ссылаясь на мнение Черчилля.

— Надо ждать, — говорили они, — когда полярный день сменится на театре полярной ночью. В условиях незаходящего солнца корабли конвоев подвержены большей опасности… Пусть полярные дни станут короче…

Если ответ Сталина Черчиллю сводился в конечном результате к политическим соображениям, то адмирал Харламов, как моряк, обрушился на Паунда профессионально… Он в лицо лорду Адмиралтейства высказал, что вся эта

история с «Тирпицем» не стоит выеденного яйца. «Тирпица», конечно, можно бояться, но этот страх пока лежит глубоко в потенции, и англичане еще не ощутили материальной силы германского линкора. Ясно видно, утверждал Харламов, что в основе разгрома каравана PQ-17 заложена явная нелепица и стратегическая ошибка (мягко выражаясь) самого Британского адмиралтейства…

— О какой ошибке идет речь? — резко отвечал ему Паунд. — Я лично отдал приказ о расформировании конвоя. А что иное, по-вашему, адмирал, надо было нам сделать?

Александер выступил на защиту Паунда и своего Адмиралтейства, на что Майский ответил с усмешкой.

— Никто и не отрицает больших заслуг британского флота в этой войне.

Но… английские адмиралы тоже не безгрешны!

Паунд просто взорвался, — Завтра же, — сказал он советскому послу, — я стану просить мистера Черчилля, чтобы он назначил вас командовать Большим флотом Великобритании!

Иден просил обе стороны не поддаваться волнению.

— Итак, — сказал он послу, — запросите свое

правительство о создании сильного воздушного флота на Севере, мы подождем полярной ночи и тогда решим, что делать дальше…

Вопрос о посылке к берегам СССР следующего каравана (PQ-18), таким образом, повис в воздухе. Однако, уступая англичанам в их требованиях, невзирая на страшное напряжение своих фронтов, советское командование все же отыскало резервы. Скоро на Мурманск, как того и хотел Черчилль, прилетели воздушные эскадрильи. Казалось бы, мы союзникам уступили — дело теперь только за ними: пусть идет караван PQ-18!

Но англичане решили помогать СССР по принципу «too little and too late» («слишком мало и слишком поздно»), — караван PQ-18 не шел. А он был необходим сейчас, как никогда, и Северному флоту предстояло наглядно доказать всем сомневающимся, что караваны — даже с боем! — пройдут.

Незаметно подкрадывалась осень. Дни становились короче.

Тяжелели облака над океаном. Пожухли скромные березы на сопках за Колой, на болотах вызревала — в больших рубиновых гроздьях — брусника, тянулись птицы в строю кильватерном и в строю уступа, как эскадры.

Между тем еще в августе проскочил до Мурманска тяжелый американский крейсер «Тускалуза» в сопровождении миноносцев. Рузвельт, посылая эти корабли в Россию, кажется, решил доказать Черчиллю, что океан проходим и в условиях полярного дня. И ему удалось доказать это!..

Американцы так ловко перекрасили свой крейсер, что на горизонте моря он «читался» как сухогруз. С таким камуфляжем они и двинулись в путь, имея на борту 400 тонн особо важного груза, направленного из США в СССР, согласно личной просьбе Сталина к Рузвельту.

Двенадцатого августа американцы были еще в Гриноке на реке Клайд, а 28 августа «Тускалуза» уже свалила последнюю тонну своего груза на причалы Ваенги в Кольском заливе.

В обратный путь американцы приняли на борт крейсера 240 человек с потопленных немцами кораблей PQ-17; эсминцы сопровождения забрали в свои жилые палубы много пассажиров и четырех советских дипломатов.

На крейсере «Тускалуза» ушел на родину и наш Брэнгвин.

НЕНОРМАЛЬНЫЙ БРЭНГВИН

От русских — в числе других моряков PQ-17 — Брэнгвин получил медаль «За отвагу». Медаль не блистала яркостью, но она ему понравилась, потому что была крупной, и на родине ее не станут путать с пуговицей. Такую медаль все видели издалека. Ползущий по медали танк тоже был вполне доступен для широкого понимания американской публики.

— Это же за танки! Мы доставили русским парочку вот таких же… Видишь, русские учли и это!

Теперь, когда медаль получена, пора подвести итоги. Не моральные, не политические, а лишь финансовые.

За 44 часа вахты в неделю он должен получить по 110 долларов (с надбавкой по 85 центов за час). А таких недель скопилось немало! Плюс еще 100 долларов за страх, царящий сейчас над Атлантикой. За вход в район боевых действий дважды по 100 долларов. За каждый воздушный налет по 125 долларов. За торпедные атаки по 300 долларов. За пребывание в артогне… за тушение пожаров…

за пробоины…

— Кажется, я становлюсь богатым, — сказал Брэнгвин себе.

Доллары всегда хороши, особенно если жить в такой стране, как США, и Брэнгвин отлично знал им цену. Но главное — он помог русским, хорошим ребятам, в их беспощадной борьбе с «этими сволочами», и совесть Брэнгвина была чиста. Он в этом рейсе не только дал от себя, но многое получил и от других. Познал и величие, и низость человеческой души. Никогда не следует человеку отказываться от получения тех впечатлений, которые могут обогатить его сердце! Брэнгвин помнит, как наплечники «эрликонов» трясли его тело тогда, в тот памятный день. Не забудет, как разлетелись фрицы от пушки и долго кувыркалась в воздухе грязная рука убийцы… Что ж, дело сделано, и будет ему что рассказать внукам под старость!

— А где тут можно выпить? — спросил он в Мурманске.

Выпить, увы, было негде. Но ему показали неказистый домишко вроде барака, наверху которого размещалась столовая для иностранных моряков. Ступая ботами через лужи, оглядывая руины города, Брэнгвин шагал, за выпивкой. Он

был сейчас одинок, н ему не хватало Сварта: они умели качать бутылки…

В столовой несколько столов, накрытых скатертями, в вазах воткнуты ярко-ядовитые цветы, свернутые из бумаги. Он выдернул цветок прочь, покрутил в руках узкую вазу и понял, что лучшей посуды для питья русской водки не придумать…

— Бармен! — позвал он. — Давай, давай!

И он долго стучал вазой об стол. Обшарпанная радиола, что-то прошамкав, сбросила проигранную и водрузила на диск свежую пластинку. Брэнгвин невольно засмеялся — эта песня напомнила ему Хвальфьорд в Исландии, откуда все и начиналось.

Здесь вы на вахте, мистер Джон, Здесь вы матрос, а не пижон, Чистить гальюны, любезный друг, Вам придется без помощи слуг…

К нему подошла непомерно толстая молодуха с накрашенными губами.

Вырезанный из бумаги кокошник украшал ее прическу, взбитую надо лбом высоким коком. Низким грудным голосом, идущим откуда-то из теплой женской глубины, она спросила у Брэнгвина равнодушно:

— What do you want, mister?

Брэнгвин оглядел ее толстые ноги и выгреб из

своих карманов на стол все, что имел, — доллары, фунты, мятые исландские эре, русские трешки и пятерки.

На вопрос официантки Брэнгвин ответил кратко:

— Уодки!

Женщина расправила комки денег, выбрала из них советские. Потрясла бумажками перед носом Брэнгвина.

— That be enough, — сказали она.

Ладонью он шлепнул ее под обширную кормушку, чтобы она развила узлы, спеша за водкой.

— Давай, давай, — поощрил он ее…

Брэнгвин пил русскую водку и смотрел через оконные тюлевые занавески на тот город, которого не существовало и к которому они все с каравана так тщетно стремились… Он видел руины, прах золы, разброс обугленных бревен.

В завалах битого кирпича скрутились оплавленные в огне детские кроватки.

А за всем этим вставало и другое. Плыли еще перед ним маслянистые волны Атлантики, свистели в ушах струи воды. И не пол русской столовки был под матросом, а уходящая ко всем чертям корабельная палуба. Опять пикируют сверху… опять целят торпедой под мидель. Про-

рваться, проскочить, дойти!

Он пропил все деньги, а ночью того же дня крейсер «Тускалуза» подхватил его в свои светлые отсеки, насыщенные гамом матросских голосов и прогретые паром воздуходувок.

***

Свою машину он оставил у ворот порта — пошел в контору.

Он сказал там, что хочет идти вторично в Россию.

— Со следующим караваном! Русским сейчас еще тяжелее, чем тогда, когда я пошел в первый рейс… Денег я им дать не могу. Пушку мне для них не построить. Так я помогу им делом!

И клерк, выписывая ему аванс за будущий рейс, сказал, как и тогда, при первой встрече:

— Только ненормальные могут идти сейчас в Россию…

— Что вам угодно, мистер?

— Этого хватит.

— А наша Америка держится на ненормальных, — ответил Брэнгвин серьезно. — Вы все, слишком нормальные, даже президента Рузвельта считаете ненормальным… Ты потише, приятель, а то я

сдую тебя в форточку!

За рулем машины он проскочил по улицам города. Сразу вырвался на центральную полосу автострады, которая была создана только для таких горячих голов, как его голова. Америка, его любимая Америка, теперь неслась перед ним, вытянутая от скорости в узкую, стремительную ленту, будто сшитую из ярких цветных лоскутьев. Относились назад, пропадая, фермы, коттеджи, щиты реклам, мосты и акведуки… Нужна была разрядка тому напряжению, в каком ему пришлось жить недавно!

Он до изнеможения вел машину на пределе, потом устал.

Сбавив скорость, переехал на крайнюю полосу…

Тут выяснилось, что нежность сердца приобретается только в замедленном движении, близком к волшебному покою. И ему вдруг захотелось повидать мать.

Ведь он так редко вспоминал о ней, но душой всегда чувствовал, что она-то помнит о нем постоянно… Эта мысль ему понравилась, и Брэнгвин — через весь континент! — повел машину к дому своего детства.

«Где он, мой дом? — размышлял печально. — А

что сказать матери? Ладно, она сама найдет первые слова…» Он ей сознается, что, когда ему стало однажды в океане очень кисло, тогда он поклялся себе, что вернется… «Как у Тебя дела?» — «Ничего, мама, дела идут хорошо… Не надо ли тебе денег, мама? Я тут привез тебе немного… возьми!»

И тогда мать заплачет. И.., может, он тоже заплачет.

Красивая девица подняла руку на перекрестке:

— Хэлло, парень! Ты меня подвезешь?

В дороге она полезла к нему с поцелуями, и к матери он так и не попал. В пьяном угаре разбил свою машину, прогулял с красоткой все деньги (теперь они казались ему легкими деньгами), и осенью его опять закачало и понесло вдаль по зыбким, ненадежным водам…

***

С грустью смотрел Брэнгвин, как пропадает за сеткой дождя берег его богатой и шумной родины. «Ты прости меня, мама… Черт его разберет, как это получилось, но опять нам не пришлось повидаться».

Осенний океан — в предзимье — ненастен. Он — страшен!

Брэнгвин погиб в числе прочих на караване

PQ-18…

Это был добропорядочный американец, не умевший сидеть сложа руки, когда другие дрались с фашизмом. Я не раз встречал подобных моему Брэнгвину, и я помню их белозубые улыбки, их сильные, трудовые ладони, расстегнутые на шеях цветные ковбойки, их желание понять нашу трудную русскую речь.

***

Если же верить английским источникам, то караван PQ-18 был отправлен в Россию «только напоказ — чтобы уменьшить гнев маршала Сталина»!

И ПРОШЛИ С БОЕМ

Хроника ТАСС (сентябрь 1942 года)

7 — За проявленную доблесть и мужество при доставке вооружения из Англии и США Указом Президиума Верховного Совета СССР награждены орденами СССР 12 офицеров и матросов королевского военного и торгового флотов Великобритании.

9 — Личный представитель президента США Рузвельта Гарриман выступил в Нью-Йорке с речью, в которой рассказал о своей поездке в СССР. «Русские не требуют, — сказал Гарриман, — чтобы с них сняли все бремя войны, а просят снять лишь достаточную часть бремени, чтобы конфликт был равномерно поделен между союзниками…»

Весь август контр-адмирал Фишер — сознательно или просто так — информировал Головко о проходе каравана на Мальту. Конечно, этот остров очень далек от Баренцева моря, но Арсений Григорьевич терпеливо слушал.

Потери англичан в этом конвое, составленном из авианосцев, линкоров и крейсеров, были столь

велики, что можно было ужасаться. — Прослушав информацию о бедственном положении на Мальте, вице-адмирал Головко не забывал напомнить Фишеру:

— А как обстоит дело с выходом каравана PQ-18?..

Со стороны Арктики на океан, в преддверии зимы, стал наступать, ломаясь в грохоте, мощный ледяной барьер. По ночам корабли, проходящие там, видели, как небо жемчужно разгорается над паковыми льдами; работа радиостанций перебивалась треском от разрядов полярных сияний, В первые дни сентября британская миссия в городе Полярном проинформировала командование Северного флота: караван PQ-18, под вымпелом адмирала Бурнетта, вышел из Лох-Ю, и сейчас вокруг него собирается эскорт.

Линейных сил в прикрытии нет, в конвое следует авианосец «Авенднир», предпочтение отдано миноносцам и корветам охраны. Англичане считали, что немцам уже все известно и надо ждать выхода в океан «Тирпица».

Но «Тирпиц» уже был на консервации. Он не вышел! Вдоль побережья Норвегии сейчас на больших скоростях двигались германские крейсера «Хиппер» и «Кельн», из Нарвика спешил

«карманный линкор» «Адмирал Шеер». Британская подлодка «Тайгрес», вышедшая недавно из Полярного, нарвалась на эту эскадру так неожиданно, что проходящие корабли чуть не своротили ей перископы.

«Тайгрес» выбросила торпеды безрезультатно.

Восьмого сентября британская миссия доложила, что караван PQ-18 производит дозаправку топлива в заливах Шпицбергена. А потом все началось…

Контр-адмирал Фишер, сказал Головко:

— Нам пустили первую кровь. Не авиация — подлодки. Теперь следует ожидать, что придут самолеты.

— Постараемся предупредить эти удары с воздуха — сказал Головко. — Наш флот нанесет превентивные бомбоудары по скоплению авиации противника.

Хотя… вы знаете, контр-адмирал: эти бомбежки немецких аэродромов в Норвегии дорого обходятся нам по соображениям политическим. После каждого такого налета германские бомбардировщики взлетают в небо и начинают кидать бомбы на ярко освещенные города Швеции, приписывая все жертвы нейтральной страны действиям нашей авиации…

Тринадцатого сентября пришло известие о первых потерях. По сведениям британской миссии, немцы потопили 10 кораблей. 15 сентября над караваном продолжался воздушный бой. Немцы потеряли 7 торпедоносцев, англичане — 3 самолета, но корабли эскорта сумели спасти своих пилотов. Британская миссия внесла поправку: кажется, не 10, а лишь 2 транспорта потоплены противником.

— Один из них — ваш… это транспорт «Сталинград»!

В радиорубках Северного флота — настороженная тишина: берлинский диктор орет на весь мир о потоплении 19 судов в Баренцевом море… Удивительная путаница! Никак не разберешься, сколько же в действительности погибло кораблей.

— Этот конвой PQ-18, — говорит Головко, — мы не отдадим; флот будет драться за него… за каждый транспорт!

Британская миссия снова внесла поправку: потоплены немцами не 2 и не 10 кораблей, как было. указано выше, а все 13! Если эта цифра окончательная, то потери каравана внушительны еще до его подхода к советской зоне. Будем надеяться, что, может опять какая-то неувязка в

британской информации…

Между тем мысли североморцев сейчас прикованы к той великой битве, которая начиналась возле стен Сталинграда. Было решено на флоте списывать на берег не больше семи человек с каждого корабля. В экипажах матросов быстро переодевали в гимнастерки, и отряды морской пехоты Северного флота уходили под Сталинград… Во главе одного из таких отрядов навсегда ушел и мой отец Савва Михайлович Пикуль — комиссар с Беломорской флотилии. Я не видел, как он ушел. Меня уже тогда закачало на палубах…

С тяжелым сердцем прослушав последние сводки Информбюро, в океан сейчас уходили корабли навстречу PQ-18. Первыми ушли эсминцы «Сокрушительный» и «Гремящий»… Тогда пели:

Где враг ни появится, только б
Найти нам его поскорей;
Форсунки на полный, и в топках
Бушуют потоки огней.
Врывайтесь, торпеды, в глубины,
Лети за снарядом снаряд,
Пусть дремлют в пучине коварные мины-

«Гремящий» не знает преград…

С ними пропали в ненастье шторма «новики», о которых не сложено песен:

«Куйбышев»… «Урицкий»… «Карл Либкнехт». Старые корпуса, старые машины.

Но, поднатужась, дают хорошие узлы. Дерзко вступают в бой, ведя огонь с открытых площадок. При виде врага в «новиках» словно просыпается бесшабашная балтийская юность, и опять они становятся прежними молодыми «забияками»… Миноносцы скользят сейчас по воде, как бы затаенное видение славного прошлого русского флота! Волна идет с океана — крута… Она их бьет. Склоненные трубы отбрасывают за корму клочья рваного дыма.

Сталинград в огне. Океан — в огне. PQ-18 должен пройти!

***

Это случилось возле Канина Носа, где на распутье трех морских дорог началась беспощадная битва за корабли каравана. Штаб флота постоянно терял радиосвязь со своими эсминцами. Виной тому дождь осколков, которые рвали антенны кораблей.

Битва у Канина Носа выявила предел того напряжения, на какое способен противник; она же выявила и всемогущую беспредельность наших возможностей.

Никогда еще мы не испытывали такого натиска врага с воздуха, как в этой битве у Канина Носа.

Противник запускал свою торпедоносную авиацию в несколько эшелонов — волна за волною. Корабельные радиолокаторы не срабатывали, если цель шла в низком полете. Четырехмоторные махины летели на бреющем, готовые для низкого метания, и эскорт замечал противника лишь визуально, когда до него оставалось уже немного… Риск был невероятный!

На многих самолетах в моменты атаки отказывал механизм сбрасывания торпед. Гитлеровские пилоты, не в силах совладать с управлением, разбивались вместе с машинами о надстройки кораблей, корежа мачты, трубы и мостики. Исковерканные, пылающие зеленым огнем бензина, самолеты по инерции перекидывало через корабли, и только тогда торпеды взрывались, но уже вместе с пилотами, гробя в раскаленном облаке газа десятки людей на палубах эскорта… Одна волна самолетов ушла. Другая — пришла. Туча… Слева их 20… Справа 30… Заходят с кормы!

С короткой палубы «Авенджера» взлетают, как мечи, острорылые «суордфиши». Их отгоняет в сторону свой же огонь…

Дробным лаем заливаются «эрликоны». Автоматы крутятся на барбетах, все в гулком звоне отстрелянных патронов. Но что больше всего поразило в бою англичан — так это главный калибр русских… Советские эсминцы в битве у Канина Носа, в нарушение всяких традиций, применили по самолетам свой главный калибр, 130-миллиметровые гранаты творили просто чудеса!

Вот он, низко гудящий над морем строй торпедоносцев.

Ближе… ближе… ближе.

Команды на «эрликонах» не в силах остановить эту смерть, неумолимо летящую на корабли. Надо еще знать тех людей, которые вцепились сейчас в штурвалы своих машин, готовые нажать красную кнопку «залп». Они, эти асы Геринга, отступать не любили. Им только дай цель — они идут на нее, уже не сворачивая в сторону. Ближе… ближе… ближе… смерть твоя!

И бьет калибр эсминцев. Дистанционные гранаты как бы изнутри взрывают весь четкий, несокрушимый строй противника. Пластаясь брюхом над волнами, то один, то другой торпедо-

носец косым крылом зарывается в океан, и строй редеет. Но остальные идут. На «эрликонах» уже нельзя работать — барбеты сплошь засыпаны отстрелянными унитарами. Подносчики-негры ногами сгребают их за борт, чтобы расчистить радиус поворота автоматов, снова раздается: пом-пом-пом… пом-пом-пом…

А наши эсминцы проносятся, осиянные вспышками и громом своего беспощадного главного калибра. На стволах орудий пучится обгорелая краска.

В низах воют элеваторы, подавая из погребов новые снаряды. Богатыри в ватниках кидают их на лотки орудий. Досылающие с лотков подают в стволы.

Звучит короткий ревун, синяя лампа дает, проблеск, и… залп! Опять воет элеватор, стук лотка, клацанье замка, синяя вспышка, желтое пламя залпа и… грохот!

Немецкие самолеты побросали торпеды куда попало и ушли…

Они ушли на свои базы, клокоча перетруженными моторами, стеля за собой струи дыма, фюзеляжи их были облеплены огнем. А над кораблями притихшего каравана, плавно оседая, колыхалось много-много парашютов. Ноги сби-

тых асов еще на высоте трусливо поджаты — в предчувствии ледяного озноба воды.

Американцы потеряли сейчас свой транспорт «Кентукки». Теперь они развернули «эрликоны» мордами кверху и крупными пулями — каждая с банан! — разорвали гитлеровцев в куски. Красными комками асы противно шлепнулись в волны, а парашюты тут же прикрыли эту неприглядную картину.

Но это было только начало. Враг, не отпускал PQ-18 на протяжении многих часов. И опять наши эсминцы ввели в дело свой главный калибр, гася силу и скорость торпедоносцев. PQ-18 отбивался на два фронта сразу: авиация шла сверху, подлодки шли снизу. И караван прорвался!

Уже в Белом море корабли попали в сильнейший шторм, три транспорта, вылезли на мели, но их удалось стащить на воду при высокой точке прилива.

Геринг потерял в этой битве над PQ-18 лучших своих летчиков. Это его разъярило: он отправил самолеты далеко — к Архангельску, где корабли уже стояли под разгрузкой на рейдах. Но и там, на земле поморов, враг получил жестокий отпор…

27 транспортов пришли в СССР!

Потери:

12 транспортов, когда PQ-18 охранялся союзными силами; 1 транспорт, когда в охранение вступили наши корабли.

Причем транспорт «Кентукки», подорванный возле Канина Носа, не затонул.

Его расстрелял союзный миноносец. В горячке боя нашим командам было уже не до «Кентукки», но в более спокойной обстановке североморцы наверняка дотянули бы до Архангельска и этот несчастный корабль.

В самый разгар сражения в Сталинграде поставки по ленд-лизу были опять приостановлены. Караваны уже не шли, хотя глухая полярная ночь и стояла над океаном — беспробудно, беспроглядно. Англичане проводили операцию «Frickle», что в переводе на русский язык означает — «по капле». Именно так — по капле! — и поступал ленд-лиз в нашу страну в эту грозную зиму.

Одиночные транспорта в операции «Frickle» следовали по «челночной» системе. Расчет был на добротность механизмов и спаянность команды. Они шли в СССР, почти касаясь бортом кромки паковых льдов. На пути их следования — в кромешном мраке — были расставлены лишь несколько траулеров, которые должны подбирать из воды тех, кто уцелел, если «челнок»

будет потоплен противником. Из 37 запущенных в операцию кораблей погибло 9, остальные «накапали».

Под конец 1942 года немцы провели в океане операцию «Хоффнунг», в которой главную роль играл тяжелый крейсер «Хиппер». Рано утром он разбил нашего охотника за подводными лодками «МО-78», а потом встретил транспорт «Донбасс», участвовавший в «капельной» операции. Этот корабль, уцелевший даже в разгроме PQ-17, был погублен «Хиппером»... Впрочем, его экипаж и команду с охотника крейсер принял на борт — как пленных.

Капитаном «Донбасса» тогда был уже не М. И. Павлов, а В. Э. Цильке. Мне сообщили читатели: «У него очень тяжело прошло пленение после гибели судна, немцы держали его в плену в Норвегии, затем перевели в Гдыню, где наши войска его освободили». В условиях концлагеря он сумел сохранить, орден Ленина. Впоследствии В.Э. Цильке работал капитаном-наставником в Черноморском пароходстве.

1942 год заканчивался. Он заканчивался очень хорошо для нас, для всей нашей страны. Сталинград решил судьбу второй мировой войны, и именно с этого времени начался тот железный,

необратимый процесс, который привел нас к победе.

Больше караванов PQ не было ни одного — англичане запускали их в СССР под другими литерами, словно желая уничтожить даже память о прошлом позоре.

ВОЛЧЬЕ ЛОГОВО

Тридцать первого декабря 1942 года мир стоял на самом острие переломного времени: наступал новый год — год побед нашего оружия…

Гитлер встречал этот год в своем «Вольфшанце» («Логовище волка») в Восточной Пруссии. Приближался двенадцатый час ночи, и свита фюрера уже наполнила бокалы шампанским. Для Гитлера был налит вишневый сок… С напряженным видом, волоча ногу, фюрер обходил рождественскую елку, сверкавшую нарядом и фонариками.

Радиостанции «Вольфшанце» продолжали работать, и сейчас сюда притекали одновременно два потока информации. Один поток — самый мощный — струился из Сталинграда, где уже была решена судьба 300-тысячной армии Паулюса; второй — краткими импульсами — бился от скал Нордкапа. Сталинградский котел мрачно вещал о своем поражении, оттуда доносились вопли и скрежет. А с моря летели краткие радиоточки, — пик, пик, пик! — и в них читалась тревога, растерянность, поражение.

Дело в том, что гросс-адмирал Редер, прежде

чем уйти, решил сильно хлопнуть дверью. В самый последний день 1942 года далеко в полярном океане (в 150 милях от Нордкапа) он бросил свои надводные силы в отчаянную атаку против союзного каравана TW-51B, находящегося на подходах к Мурманску.

Ровно в полночь Гитлер поднялся с бокалом в дрожащей руке, и …пик, пик, пик… — стучали импульсы с моря: два немецких эсминца в этот момент уходили на дно. Затем англичане засадили два снаряда (рождественских!) в котельные отсеки «Хиппера». В сражение у Нордкапа фюрер тут же вмешался:

— Пусть они вылезают из драки, если их бьют…

На выходе из боя германский эсминец «Фр. Экольд» принял во мраке английский крейсер за своего «Хиппера», и британцы, не будь дураками, расстреляли его тут же со всей командой… А из Сталинграда — вой! Все это, вместе взятое, переплелось в один крепкий узел, и Гитлер отметил праздник Нового года очередной истерикой:

— Паршивец Редер, он создал мне флот — лишь жалкое подобие флота! Мои корабли абсолютно беспомощны. Своими позорными действиями флот Германии способен лишь вызвать револю-

цию в стране. Да, да! Я знаю — революцию!

Охрана кинулась к радиоприемникам, чтобы прослушать станцию Би-Би-Си, которая в ночной программе, добивая Гитлера, подтвердила весть о разгроме немецких кораблей. Редеру, таким образом, не оставалось ничего другого, как только уйти, что он и сделал 6 января 1943 года.

Кстати, Редер был одним из тех неглупых гитлеровцев, которые давали себе отчет в том, что все их усилия на сушей на море напрасны, — СССР победить нельзя!

Известный фальсификатор морской истории Фридрих Руге, касаясь отставки Редера, пускает вдруг слезу умиления. По его словам, Редер, «будучи человеком верующим, не допускал грязи ни на флоте, ни в методах ведения войны на море. Он крайне резко противодействовал всем попыткам высшего партийного руководства вмешиваться во внутренние дела флота, особенно же — в области религии…»

Воображению Руге рисуется какой-то чистый, молитвенно настроенный человек, заботящийся лишь об удалении грязи с гитлеровского флота. Но этот «добрый дедушка» отлично знал о приказах Деница (еще от 1940 года), в которых подводникам предписывалось уничтожать

команды потопленных кораблей, даже если в волнах окажутся дети и женщины. Эти приказы советские люди испытали на себе. Сколько трагедий разыгралось, когда гибли госпитальные беззащитные суда в печально памятном «таллинском переходе», сколько потоплено гражданских судов и рыболовных траулеров, половину команд которых составляли тогда русские женщины…

Мы это знаем. Мы это помним. Мы ничего не простили!

Может, Руге и прав, когда говорят, что Редер оберегал от нацистов священников на кораблях флота. Но варварские приказы налицо, они пришпилены к документам Нюрнбергского процесса. И если бы гросс-адмирал только молился в своей каюте, то Международный трибунал не осудил бы Редера (за компанию с Деницем) в 1946 году как военного преступника именно за бесчеловечные методы ведения войны на море!

И не потому Гитлер убрал Редера с флота, что Редер верил в бога. И не потому Гитлер поставил над флотом Деница, который в бога не верил. После Сталинграда Гитлеру не оставалось иного выбора, как выдвинуть вперед мрачную фигуру главного разбойника в стане плавающих под флагом со свастикой — адмирала Деница! Пусть

он топит всех…

В эти дни Гитлер имел очередную беседу с японским послом в Берлине, которому он четко повторил:

— Мы, будем убивать как можно больше членов экипажей с потопленных нами торговых судов… Мы должны, — доказывал Гитлер, — расстреливать все спасательные шлюпки!

Дениц вполне мог бы подписаться под этими словами. Доктрина подводной войны победила не выдержавшую испытаний доктрину войны крейсерской. Гитлер так и не понял широкого значения надводных кораблей — он понимал лишь узкую суть подводной «неограниченной» войны, когда каждый взрыв торпеды приносил фашизму моментально ощутимую пользу.

«Каждые день — новая лодка!» — вот мечта Деница.

Словно в тяжких родах, в спазмах и ужасе, растворялись ворота верфей, в брызгах масла и кипении сала выбрасывая на воду новые и новые субмарины.

Вот как помесячно, начиная с января, колебалась амплитуда графика этой небывалой гонки, чтобы «каждый день — новая лодка»: 20… 18… 19… 23… 20… 23… 18… 20… 17… 23… 17… 26 (в де-

кабре). Итого, за один год — 244 субмарины, В следующем, 1943 году Германия породит уже 270 лодок, в 1944- 387 лодок, в 1945 — 132…

Дениц добился своей цели. Германское судостроение полностью переключилось лишь на строительство подлодок, которые были усовершенствованы, покрыты слоем резиновых пластиков, чтобы затруднить их поиск, они уже имели локаторы и «шнорхели», позволяющие им идти под дизелями на глубине.

Наконец, в закутах флотских лабораторий была создана торпеда типа «цаункениг». Это акустическая торпеда на электроходу, которая не оставляла следа на поверхности моря. Она шла на шум винтов или на шум механизмов корабля, и спастись от нее было почти невозможно… Северный флот под конец войны понес потери именно от этой торпеды!

Дениц совмещал в себе две должности сразу — главнокомандующего всем флотом Германии и командующего подводным флотом. Он и вдвойне ответственен за все преступления. Из Лориана он перебрался в Берлин — под крылышко фюрера. Руге пишет, что Дениц «отлично умел обращаться с Гитлером и его важнейшими сотрудниками и благодаря этому добился необычайно многого

для милого его сердцу строительства подводного флота, правда, уже в то время, когда подводная лодка сделалась единственной надеждой на возвращение к наступательному образу ведения войны…».

Гитлер был гораздо ближе к истине, когда в том же январе 1943 года, ставя Дениц над флотом, заявил ему:

— Мы должны ясно понять, что эта подводная война будет бесполезной, если мы не сможем победить Россию на Востоке…

Пресыщенные риском, «волки» из «стаи» Дениц были пресыщены и жизнью. Они густо мазали свой хлеб маслом и медом, ничего не желая знать о голоде и муках других людей. Когда Гитлер забился в бункер имперской канцелярии, они еще верили в него, как в бога. Все уже рушилось: Геринга он объявил предателем нации, Гиммлера лишил всех чинов, он не верил даже эсэсовцам.

Власть свою Гитлер перепоручил опять-таки Деницу!

Конец близился… На страшной высоте летели к Берлину самолеты. В них сидели вооруженные до зубов подводники. Именно они в последний момент краха фашизма должны были составить личную охрану Гитлера! И когда Гитлер был

сожжен, словно облитая керосином крыса, даже тогда «волки» продолжали воевать за те идеи, которые им были внушены их «папой» Деницем.

Советский флаг уже реял над куполом рейхстага, а они еще снимались от пирсов на позицию. До самого конца, срока автономности (месяц или два) они рыскали, как волки, на коммуникациях мира, расстреливая запасы торпед по ярко освещенным кораблям, на которых ликовали победившие люди.

Лихорадочно дожирали они свой шоколад и апельсины, спешно опустошали бутылки с превосходным «мартелем». Они кончили разбой, когда их аппараты уже не могли ничего выбросить… Это была ярость обреченных!

КОРАБЛИ ЮНОСТИ

Там, где клубится пар над теплынями Гольфстрима, там, где ветер раскачивает воду, вздымая ее до мостиков, — там прошли, сверкая бортами, корабли моей юности.

Юность на эсминцах — не зря проведенные годы. С этих узких и теплых палуб, залитых мазутом, я научился строже смотреть по сторонам…

***

Теперь мне за пятьдесят, и мне уже не снятся корабельные сны.

Где они, легкокрылые корабли с широкой трубой, продутой сквозняком — ревущих, как гроза, котельных отсеков? Где они, эти лихие наездники морей, которые из мрака полярной ночи, из любого ненастья вынырнут, поразят и опять сгинут во тьме, свистя обтяжкой антенн и такелажа?..

Мне уже не снятся сны моей юности. Увы, не снятся.

Но стоит закрыть глаза, и я снова вижу их как наяву.

Вот идет, горделивый и статный, дивизион

— один: «Гремящий», «Громкий» и «Грозный».

Строем фронта, порывист и резок, следует дивизион — два: «Разумный» и «Разъяренный» во главе с лидером «Баку».

«Новики» режут волну, как лемехами плугов, и не черная сыть земли, а стылая вода отваливается на сторону, обессиленно отступая прочь с пути ветеранов.

За ними — «Доблестный», «Дерзкий», «Достойный». Концевыми — «Жаркий», «Жестокий», «Живучий»... В ярком сиянии дня проходят корабли моей юности.

Как мальчишка, я снова хочу кричать от восторга:

— Это они... это они!

Я люблю их, эти корабли. Любовь моя к ним неизбывна, как и все, что любишь по-человечески — чистым сердцем.

НЕОБХОДИМОЕ ПОСЛЕСЛОВИЕ. РАЗГОВОР С ЧИТАТЕЛЕМ

Ни у кого… нет оснований сомневаться в храбрости, стойкости и неустрашимости моряков английских кораблей… Было достаточно времени, случаев и фактов, чтобы оценить по достоинству серьезное отношение английских моряков к своим обязанностям и к союзническому долгу в борьбе с общим врагом…

Личные качества британских моряков и политика английского правительства — вещи разные.

Адмирал А.Г.Головко, Вместе с флотом

Караван PQ-17 блуждает еще в океане среди причудливых айсбергов, по черной воде медленно дрейфуют мертвые корабли.

Кажется, что PQ-17 продолжает свой путь! Но идет уже не в порты назначения-каравая входит в историю, в политику, в литературу.

У этого каравана загадочная судьба. Но судьба слишком продолжительная.

Как будто мы еще не устали ждать его прибытия.

Потопленные на PQ-17 всплыли на поверхность моря сразу после войны; тени кораблей-призраков заколебались на горизонте, не выходя в эфир, не стуча машинами. Но мертвецы еще стояли на вахтах, и чья-то рука отбивала время на склянках. «Люди! Почему мы погибли?»

…Преступление — негласно, и суда не было. После памятных перепалок между Иденом и Майским, между Паундом и Харламовым палата общин потребовала правду о караване PQ-17, но правда уже сделалась тайной. Дадли Паунд заявил тогда, что у него были данные, будто в ночь на. 4 июля «Тирпиц», оставшись незамеченным, проскочил через завесу подводных лодок у Нордкапа, а потому он, первый морской лорд, и приказал каравану рассыпаться, дабы избежать массированного удара со стороны линкора и его эскадры. Но это была грубейшая ложь.

А кабинет министров дебатировал этот вопрос при закрытых дверях.

PQ-17 сразу же оказался под негласным запретом. В обстановке секретности, оправданной военным временем, тайну гибели кораблей удалось сохранить.

Правда, рядовые англичане смутно догадывались, что с одним из конвоев в Арктике стряслась

беда, но какая — этого не узнаешь. В письмах же моряков, отправленных ими на родину из германских, концлагерей, военная цензура беспощадно вымарывала строчки, в которых люди обвиняли свое командование в том, что оно привело их на бойню и сознательно подставило под топор палача…

Над величайшей драмой войны, разыгравшейся далеко в океане, был опущен «железный занавес» гробового молчания.

Но тут заговорила Москва!

В 1946 году в советской печати впервые было сделано заявление, что история PQ-17 — это не ошибка, какие в ходе ведения сложной войны даже порой неизбежны, — Нет, это планомерный расчет союзной политики. Советские специалисты, проанализировав последствия гибели PQ-17, пришли к выводу, что уничтожение противником каравана, несомненно, ухудшило обстановку на нашем фронте, и это неудивительно, ибо в трюмах погибших кораблей плыло вооружение для армии в 50000 человек.

Из области чисто военных недоразумений PQ-17 переходил в иную категорию — в область политического авантюризма!

Английские правящие круги обвинили СССР

в нелояльности к англичанам. Был сделан запрос Адмиралтейству в парламенте. Ответ на этот запрос лишь запутал истинное положение вещей. Черчилль в оправдание себе заявил, что он лишь после войны узнал о приказе Д. Паунда расформировать конвой PQ-17.

Касаясь этого факта в биографии премьера, историк английского флота С.

Роскилл не пишет, что Черчилль решил приврать — он лишь отмечает «провал в его памяти»! Упрекнуть же адмиралов Англии в незнании ими основ морской тактики никак нельзя. Планировать свои операции англичане умеют, что не раз было доказано действиями британского флота. Приказ о распадении каравана является самым бестолковым решением, недаром Редер назвал его «непостижимым».

Контр-адмирал А. Колышкин писал после войны, что «гадать на этот счет бесполезно, не зная истинных тайных пружин, приводивших в движение британскую штабную мысль. Пролить свет на это могли бы действия англичан, случись боевое соприкосновение фашистской эскадры с беззащитным караваном».

Возможно и так, что истина представилась бы нам во всей своей наготе, если бы Н.А.Лунин от-

вернул в сторону от «Тирпица», открывая перед ним дорогу в оперативный простор океана. Но все это лишь домыслы и догадки!

И все-таки, читатель, почему союзники не поставили командование Северного флота в известность о своем роковом решении, а действовали исподтишка?

Каковы были «высокие» стратегические соображения, заставившие англичан бросить на произвол судьбы не только корабли и грузы? Ведь должны были погибнуть сотни рядовых моряков, далеких ото всякой политики.

Забудем про корабли. Отрешимся от ценности грузов, Но почему же столь бесшабашно брошены на ветер людские жизни?

***

Всю войну Уайтхолл жаловался, что конвои в Баренцевом море виснут камнем на шее, что флоту Англии тяжело испытывать эту дополнительную нагрузку, но… так ли это?

Нет, это не так!

Русско-арктические конвои PQ (и позднее — IW и RA) приковали к нашему Северу главные ударные силы германского флота, и, рассуждая объективно, они могли быть только выгодны

для союзников, ибо такая расстановка морских сил противника развязывала союзникам руки для более активных действий в Атлантике, в Средиземноморье и в борьбе с японским флотом на Тихом океане.

А в том, что Германия собрала возле русских коммуникаций свои главные силы, в этом не приходится сомневаться…

Первопричину трагедии PQ-17 надо искать еще в майских днях 1941 года, когда в Атлантике британский флот потопил «Бисмарка». Страх перед суперлинкорами Гитлера не был заглушен победой над «Бисмарком» — теперь он воплотился для англичан в его собрате «Тирпице». Затем Уайтхолл позволил противнику вытащить свои тяжелые корабли из Бреста, которые тут же переместились к рубежам СССР. Коммуникации в полярных морях России вскоре же превратились в главнейшую артерию всей мировой войны, и, естественно, выросла проблема — как избавиться от «Тирпица»? В войне на море существует старинный принцип «fleet-in-being», иначе говоря — уже одно существование флота противника устрашает тебя и сковывает. Именно этот принцип и осуществлялся немцами с помощью «Тирпица», «Шарнхорста», «Хиппера», «Лютцова»

и прочих.

Но как выманить флагмана Германии из фиордов? Как завлечь «Тирпица» в океан, чтобы он, увлеченный погоней и яростью боя, оторвался подальше от своих баз, и тогда навалиться на него всей мощью линейных сил сэра Джона Товея?

Наконец, как поступить, чтобы Гитлер переборол свою боязнь перед пространствами океана и выпустил бы «Тирпица» порезвиться вдали от берегов на коммуникации Арктики?..

Злую собаку выманивают из будки не лаской. Собаке издали бросают кусок жирного мяса: жри! Тогда, бренча ржавой цепью, она с рычанием вылезает из своей будки.

Английское командование так и поступило: под нос «Тирпицу» швырнули несчастный караван PQ-17… Естественно, что, угробив «Тирпица», англичане уже до самого конца войны обеспечили бы себе полное превосходство на море.

Отрицать угрозу со стороны «Тирпица» было бы глупо.

И мы ее не отрицаем. Она — да! — существовала. Северный флот испытывал эту угрозу постоянно в самой непосредственной близости от своих баз и гаваней, ведь бронированный кулак вражеских линкоров почти всю войну высовывался из-за

скалы Нордкапа, торча возле самого Мурманска!

Но мы, читатель, все-таки впадем в опасное заблуждение, если вдруг станем думать, будто один лишь страх перед «Тирпицем» и желание с ним разделаться заставили Дадли Паунда отвести от каравана силы прикрытия, а сам караван распустить на волю божию…

Дело даже не в «Тирпице» — дело в политике! Точнее говоря — в антисоветизме Черчилля.

Нападение в 1941 году Германии на СССР называли:

«почти ниспосланным провидением» — в США, «настоящим божьим даром» — в Великобритании.

***

Вооруженные силы СССР в глазах англичан и американцев были тем мощным и верным союзником, на которого можно положиться. Но этого нельзя в полной мере признать за нашими союзниками. И потопление «Тирпица» не являлось самоцелью того обширного плана, который был обдуман Черчиллем и его соратниками. Операция с PQ-17 имела как бы двойное дно. Советский историк Б. А. Вайнер пишет, что разгром немцами PQ-17 «явился результатом политической игры

англо-американских правящих кругов. Разгром PQ-17 они использовали в качестве повода для прекращения поставок в СССР» .

Да, это так. Черчиллю нужен был повод, весьма красочный, чтобы убедить Кремль в невозможности доставлять в СССР товары по договору о ленд-лизе.

Для этого следовало пожертвовать одним из караванов, а на ярком примере его полного уничтожения пусть Сталин сам убедится в том, что караваны пройти не могут… PQ-17 они и подставили под этот удар. И это в самый канун битвы за Сталинград!

О секретной операции, обрекавшей PQ-17 на уничтожение, знало в Лондоне и Вашингтоне лишь незначительное число официальных лиц. Черчилль сам выбрал для противника жертву и сам же благословил ее. Кстати, он же явился и самым видным адвокатом этой коварной авантюры. В своих обширных мемуарах экс-премьер немало внимания отводит и судьбе каравана PQ-17.

По его версии, линейные силы Дж. Товея вышли в море исключительно для перехвата «Тирпица», если он, привлеченный добычей, вдруг вылезет в океан.

Одновременно с выходом из Исландии PQ-17 был выпущен на коммуникации «ложный» конвой для завлечения немецкой эскадры. Этот «ложный» конвой дважды (29 июня и 1 июля) выходил в направлении Норвегии, как бы имитируя подготовку к вторжению, но… немецкая разведка его прошляпила (в чем я, автор этой книги, сильно сомневаюсь!). Далее Черчилль дает понять, что Британское адмиралтейство готово было к сражению, но… опять это проклятое «но»! В составе конвоя PQ-17 находились американские корабли, и, по мнению Черчилля, от этого могли возникнуть неудобные в политике последствия.

Морскую часть мемуаров писал за Черчилля капитан 1-го ранга Аллен, а вот эту версию о том, что американцы «мешали» воевать англичанам, Черчилль вставил в мемуары собственной рукой (Аллен полагал, что Черчилль пошел на явную фальсификацию, пытаясь «найти оправдание для своего старого друга Д.

Паунда»).

Вывод: отводя прочь свои линейные силы, отводя крейсера и эсминцы ближнего прикрытия, политики Уайтхолла, не желавшие оказывать помощь СССР, сознательно поощряли немцев к полному и решительному уничтожению кара-

вана PQ-17.

Но были преданы не только те, кто погиб на кораблях. В первую очередь союзники предали нас… Это своего рода политическая диверсия!

Умышленно принижалось значение армии, и флота (особенно флота!) Советского Союза в общей борьбе с фашизмом. Действуя по принципу сообщающихся сосудов, историки переливали ядовитый раствор *лжи* из литературы ФРГ в английские монографии, из английских книг не правда перетекала в американские и французские. Не в силах найти логичное оправдание разгрому PQ-17, Британское адмиралтейство избрало недостойный вид борьбы.

Оно развернулось и пошло в атаку на… Лунина! Начал эту кампанию французский историк Жан Клод, который в 1957 году сообщил, что «торпеды не попали в линейный корабль „Тирпиц“, а взрывы (торпед) произошли лишь в воображении Лунина». Что и говорить — обвинение жестокое! После этого снимай с мундира ордена и клади их на стол. За границей, подливая масла в огонь, стали писать, что Лунин напрасно получил звание Героя Советского Союза и непонятно, «почему о его подвиге до сих пор вспоминают и ставят в пример в советском флоте…». Но Лунин

(пусть знают все!) за торпедирование «Тирпица» получил шесть строчек в сводке Совинформбюро, которые я приводил выше. А высокое звание Героя ему было присвоено задолго до атаки на «Тирпица» — еще в апреле 1942 года, когда он командовал «щукой» под № 421…

В 1962 году британские политики еще раз решили «опровергнуть» советское заявление от 1946 года. Лондон заявил, что «Тирпиц» и его эскадра отвернули в свои базы не потому, что их атаковала советская подлодка «К-21», а лишь потому, что немцев устрашила возможность встречи с английскими кораблями.

Нам, читатель, предстоит вернуться немного назад. Сразу же после атаки Лунина британская миссия принесла нам самые теплые поздравления с удачным залпом. Тогда же разведка установила, что «Тирпиц» ставится на ремонт — и ремонт линкора объяснялся лишь результатом лунинских попаданий. Читатель, наверное, запомнил сцену, в которой английские подводники, попав в дизельный отсек «К-21», откручивали от механизмов всякие там гайки — как сувениры о русском подводном крейсере, треснувшем по «Тирпицу» из четырех кормовых труб…

Тогда союзники не сомневались в успешности

атаки «К-21»! Но тайна их политических ухищрений постепенно рассеивалась, и на фоне гибели целого каравана еще отчетливее выступила на первый план событий фигура самого Лунина. Ведь, по сути дела, этот офицер и его команда за два часа страшного риска сделали то, чего не могли добиться союзники за два года…

Теперь союзники отрицали успех атаки «К-21»! На это одним из первых в нашей стране обратил внимание адмирал А. Г. Головко (ныне покойный), который пристально следил за английской военно-морской литературой. «Считаю необходимым, — записывал Головко, — обратить внимание читателей на эту неуклюжую попытку фальсификаторов, предпринятую для того, чтобы как-то затушевать подоплеку трагической истории союзного конвоя PQ-17 и тем самым посеять сомнения в героическом коллективном подвиге экипажа подводной лодки „К-21"“.

…Иногда мне начинает казаться, «что Британское адмиралтейство вызывает нас на компромиссное решение:

— Ладно, мол! Черт с ним, мы признаем свою вину в разгроме каравана PQ-17, но и вы уступите нам в том мнении, что ваша подлодка «К-21» атаковала «Тирпица» безрезультатно.

В самом деле, читатель, — попал Лунин или не попал?

Еще тогда, летом 1942 года, в штабе Северного флота нашлись критики, упрекавшие Лунина за то, что он упустил это, не учел того, пренебрег тем-то… Но подобные «поправки» к атаке «К-21» тут же резко пресек адмирал Головко — стихами из Шота Руставели:

Каждый мнит себя стратегом, Видя бой со стороны!

***

Нет сомнений, что в полигонных условиях Лунин и его команда, наверное, произвели бы атаку более ювелирно. Но не надо забывать, что испытывали тогда люди, запертые в душные и тесные коробки железных отсеков, когда над ними кромсало воду множество винтов вражеской эскадры и ежесекундно на «К-21» могла обрушиться разрывающая сталь корпуса лавина глубинных бомб…

А. Г. Головко до конца своих дней был твердо уверен в том, что из четырех торпед в борт «Тирпица» угодили две, и они-то, эти две торпеды, и сделали бесполезной всю комбинацию союзников с «заманиванием» гитлеровского флагмана

на караван!

В книгах наших историков также можно встретить самые противоречивые мнения. В одной из книг о Северном флоте сказано, что Лунин выпустил по «Тирпицу» 4 торпеды с дистанции 18 кабельтовых. Однако из-за больший дистанции залпа и по другим причинам смелая атака «К-21» окончилась безрезультатно. Это было напечатано Воениздатом в 1966 году, но в 1970 году тот же Воениздат предоставит возможность адмиралу А. Т. Чабаненко высказать противоположное мнение: «Тирпиц», как известно, был успешно атакован и поврежден советской подводной лодкой «К-21», что заставило эскадру противника возвратиться в базу и приступить к ремонту своего самого мощного корабля» (курсив мой. В. П.). А далее развивая эту мысль, адмирал А. Т.

Чабаненко настоятельно подчеркивает, что «успех „К-21“ еще более усугубляет вину английской стороны, — именно этим объясняется стремление англичан отрицать или замалчивать указанное событие и его значимость»

Это высказывание А. Т. Чабаненко удивительно сомкнулось с записью в дневнике адмирала А. Г. Головко от 1942 года. «НЕ СОМНЕВАЮСЬ, — писал тогда командующий Северным флотом, — ЧТО

АНГЛИЙСКОЕ КОМАНДОВАНИЕ ПРЕДПРИМЕТ ВСЯЧЕСКИЕ ПОПЫТКИ УМАЛИТЬ ЗНАЧЕНИЕ И РЕЗУЛЬТАТИВНОСТЬ АТАКИ ЛУНИНА…»

Звучит почти пророчески. Честно признаюсь, что эта фраза резанула и меня как ножом по сердцу. Я сразу вспомнил, что после лунинской атаки на «Тирпица» гестапо отыскало в Ростове-на-Дону старого слесаря, отца Лунина, и гитлеровцы повесили его на городской площади… Ведь это было явное отмщение врага за попадание в «Тирпица»!

Когда в нашей печати появилась тенденция к замалчиванию подвига «К-21», я решил поговорить с непосредственным участником событий… Мне предстояла встреча с В. Ю. Браманом, капитаном 1-го ранга — инженером, имеющим ученое звание доцента.

Мне было еще неясно, как отреагирует на мой вопрос этот рослый седовласый человек, прошедший суровую (даже слишком суровую!) школу моряцкой жизни.

— Владимир Юльевич, — начал я, — во время атаки на «Тирпица» вы стояли плечом к плечу с Луниным в боевой рубке… Скажите мне, как очевидец, ваше объективное мнение — куда пошли торпеды?

Возможно, мне не следовало бы задавать такого вопроса. Но каперанг отнесся к нему вполне спокойно.

— Вы ошиблись, назвав меня очевидцем, — сказал он. — На подводных лодках есть только участники, но очевидцев, увы, не бывает. «Тирпица» и атаку на него наблюдал в тот день Николай Александрович, да и то не своими глазами, а через «чечевицы» перископа.

Но это был не ответ, на мой вопрос. Браман улыбнулся:

— Послушайте, мы ведь тоже не лопухи какие-нибудь, которые считают, что, если они выстрелили, значит, уже попали. Нет, мы воевали серьезно! Дожив до седых волос, я драматизировать прошлое не стану: выпустили мы четыре торпеды, а четких взрывов было всего два. Но это не были взрывы глубинных бомб! Вы, конечно, читали записки Деница и Локвуда? Значит, вам известно, сколько мучались немцы и американцы со своими торпедами низкого качества. А мы, советские подводники, с нашими торпедами горя не знали. Они были отличные, и уж если услышал их взрывы, значит, можно смело писать — попали!

— Тогда, — спросил я, — чем же объяснить

недоверие историков к тому факту, что торпеды угодили в цель?

В. Ю. Браман подарил мне свои записей, которые в 1969 году были напечатаны «в газете Северного флота „На страже Заполярья“ (4-11 апреля).

Там он раскладывает свои доказательства по полочкам:

Первое. У многих вызывает подозрение, что атака «К-21», подготовка к которой продолжалась очень долго, так и не была сорвана противником. Но это доказывает только одно — служба наблюдения у немцев была организована безобразно, если с «Тирпица» и кораблей его эскадры не могли заметить присутствие «К-21», проникшей внутрь охранения и выпустившей по линкору торпеды.

Второе. Не обнаружив «К-21» внутри своего строя, противник не заметил и следа идущих в него торпед, отчего, надо полагать, немцы приняли торпедные взрывы за обычный «наскок» на мины, после чего «Тирпиц» все равно отвернул с генерального курса.

Третье. Отрицать серьезное повреждение «Тирпица» не может никто, даже при том, что в Германии его сознательно замалчивают, ибо линкор очень долго пробыл в бездействии,

укрываясь в глубине норвежских фиордов, а это можно объяснить только тем, что «устранение повреждений, полученных линкором, — я уже цитирую Брамана, — потребовало в условиях маневренного базирования (без докования) значительного времени»…

На прощание Владимир Юльевич сказал мне:

— Печально, что в нашей печати промелькнуло это сообщение, будто мы атаковали «Тирпица» без попаданий. Но вы, Валентин Саввич, ошибетесь, если станете думать, что в Англии существует по этому вопросу единство мнений…

Отрицать действенность атаки «К-21» было бы неразумно, и сами англичане это понимают!

***

Надо отдать должное англичанам — они следят за нашей мемуарной литературой. В Англии с успехом разошлась книга адмирала А. Г. Головко «Вместе с флотом», хотя почтенный автор не слишком-то лестно отзывался в ней о бывших союзниках; выражая свое негодование порой чересчур резко.

Англичане оперативно перевели и книгу контр-адмирала И. А. Колышкина «В глубинах полярных морей», где большая глава отведена

именно торпедированию «Тирпица» экипажем подлодки «К-21».

Появление советских авторов на книжном рынке Англии широко комментировалось в британской печати. Снова возник вопрос — попали лунинские торпеды в «Тирпица» или прошли мимо цели? Наиболее точный ответ дал военно-морской обозреватель издательства «Central books» Эдгар Янг — лицо далеко не последнее в историографии британского флота. Янг не щадит свое Адмиралтейство, справедливо считая, что действия Черчилля и Паунда «значительно подорвали репутацию королевского военно-морского флота»; атаку же Лунина и его экипажа Янг называет «блестящей». Я не могу удержаться, чтобы не выделить жирным шрифтом сказанное Янгом о мужественной атаке «К-21» на гитлеровский флагман:

«Достоверность этого успеха принималась нашим Адмиралтейством с некоторой долей сомнения, а ныне эти сомнения полностью рассеялись как у Адмиралтейства, так и у многих английских историков». А далее Э. Янг пишет, что историки Англии, отрицая успех атаки Лунина, строили свои выводы лишь на основании немецких источников, которые, вероятно, было

бы разумнее принимать скептически, ибо они, естественно, маскируют серьезную ошибку противника!

Это признание, важное для нас, сделано Э. Янгом в 1967 году.

Но тут читатель вправе задать мне каверзный вопрос:

— Каждый корабль имеет вахтенный журнал. Если сохранился такой журнал «Тирпица», то он ведь может дать самый точный ответ — были ли попадания торпедами в борт линкора 5 июля 1942 года? Это, конечно, при условии, если журнал уцелел!

Дорогой друг и читатель, такой журнал сохранился…

Эту мою книгу еще в рукописи прочел капитан 1-го ранга В. В. Тарасов, ленинградский профессор, специалист в области военно-морской истории, автор многих трудов по истории нашего флота. Тогда же он сообщил мне, что англичане после войны завладели вахтенным журналом «Тирпица», а там на листе с датой от 5 июля 1942 года никаких отметок о попадании в линкор торпед не зафиксировано!

Выходит, Жан Клод не клеветал, когда говорил, что «взрывы произошли лишь в воображении

Лунина»?..

Как же я отнесся к сообщению профессора Тарасова? Спокойно!

Как автор и как историк, я имею право на собственную точку зрения, которую и должен обосновать. Пусть она будет спорной, но даже в порядке дискуссии она будет полезна.

В. В. Тарасов сообщил мне: «Я не спорю, что и немцы сознательно могли не записать в вахтенный журнал факт атаки подлодки на „Тирпица“; и англичане тоже могли это же сознательно скрыть, чтобы приписать все лавры победы над немецким линкором себе».

Тарасов хотел, чтобы я над этой темой еще раз подумал. Я подумал и вспомнил… «Атению»!

Я вспомнил день 3 сентября 1939 года — день вступления Англии во вторую мировую войну, когда гитлеровская подлодка рванула торпедой британский лайнер «Атению» с женщинами и детьми. Желая замазать это преступление, немцы тогда поступили с вахтенным журналом подлодки так, что хуже не придумаешь. Они выдрали страницу с записью об атаке на «Атению» и заменили ее другой с иными записями, совершив юридически самый обычный подлог…

Именно — подлог!

Разве не могли они поступить так же и с вахтенным журналом своего линейного корабля «Тирпиц»?

Об этом факте подробно рассказывается в книге лорда Э. Рассела «Проклятие свастики» (М» 1954).

Тем более, что гросс-адмирал Редер знал — одна неудача, и… головы покатятся!

Стоит ли рисковать головой, если можно вырвать страницу?

Расшифровать тайну вахтенного журнала «Тирпица» мне помог Самуэль Морисон, американский историк, профессор Гарвардского университета. Морисон состоял при Ф. Рузвельте историографом войны на море. Он считал, что документа точнее вахтенного журнала быть не может на белом свете, и потому, после победы с радостью заполучил для работы «дневники» кораблей фашистского флота… Его постигло жестокое разочарование!

Вахтенные журналы немцев никак не отражали истинного положения вещей на гитлеровском флоте. «Для большинства вахтенных журналов, — писал С.

Морисон, — характерны преувеличения и даже искажения истины». Морисон заметил, что вахтенные журналы большинства кораблей флота

Германии заполнялись после возвращения корабля или подлодки на базу (что недопустимо!). Морисон пришел к печальному выводу, что показаниям гитлеровских моряков не доверяло даже собственное командование, проверяя все их боевые отчеты по сведениям нейтральной прессы и радиовещанию Би-Би-Си. Морисон убедился, что при заполнении журналов уже на берегу, а не в море, вдали от боевых действий, немецкие офицеры целиком находились под влиянием политической ситуации на сегодня.

Читатель уже знает, какова была обстановка. внутри германского флота летом 1942 года. Шла жестокая борьба за власть между Редером и Деницем. В мертвой схватке сцепились две доктрины — войны крейсерской и войны подводной, — а Гитлер выступал при этом на ринге в роли беспощадного рефери.

Понятно, что плававшие на линкорах и стояли за линкоры, а подводники Деница считали, что только они способны воевать за Германию на море… Разве при такой ситуации можно сознаться перед Гитлером, что «Тирпица» с трудом вывели в океан, но не успел он как следует развить скорость, как ему сразу всадили в борт парочку торпед, после чего пришлось ему смываться об-

ратно в коридор фиорда?..

Я убежден, что атака «К-21» потому и неотражена, в журнале «Тирпица», что такая запись была чревата опасностью для Шнивинда, для Редера и вообще для всего надводного флота Германии, — ведь все знали о паническом страхе Гитлера перед потерями дорогостоящих линкоров. Затушевав атаку Лунина, офицеры «Тирпица» спасали от неизбежной консервации и сам линкор, и свой офицерский престиж. И не исключено, что немцы тщательно замаскировали в своих документах все следы лунинской атаки…

Я знаю, что командиры советских подлодок сознательно преуменьшали свои успехи, никогда их не преувеличивая, чтобы упаси бог — не впасть в ошибку и не подвести свое командование. Ведь их рапорты отражались потом в радиосводках Информбюро, а голос Левитана: «Говорит Москва!» — разносился по всему миру… Мы не имеем права подозревать Лунина в присвоении, себе того подвига, которого он не совершил!

Когда я писал эту хронику, я знал, что Николай Александрович Лунин тяжело переживал недобрый шум, поднятый вокруг его имени. После казни отца, как мне рассказывали, характер Лу-

нина изменился не в лучшую сторону (это можно понять). В конце войны он окончил Военно-Морскую академию и продолжал служить на флоте. Но Лунин уже и сам старался не упоминать о своей атаке на «Тирпица». Если же кто и спрашивал его об этом, то получал раздраженный ответ раздраженного человека:

— Я ведь никогда не рапортовал командованию, что торпедировал «Тирпица», я докладывал адмиралу Головко только о том, что выпустил в эту большую сволочь четыре торпеды из кормовых…

Это правда. Николай Александрович доложил «наверх» только о самом факте своей атаки, но делать выводы он предоставил нашей и британской разведке: пусть проверяют!

Несмотря на подвиг, осветивший всю его жизнь, как вспышка «блица», Лунин, если выражаться языком военные, — «карьеры не сделал». В звании капитана 2-го ранга он высчитывал угол атаки на «Тирпица» летом 1942 года, а осенью 1970 года он умирал лишь в звании контр-адмирала…

Да, он умирал, когда в палату главного военно-морского госпиталя в Ленинграде друзья принесли ему журнал «Звезда».

— Коля, здесь ты попал в «Тирпица»! Прочти сам…

Лунин успел прочесть мой «Реквием» за два дня до своей кончины. «Он был неизлечим и сам знал, что умирает. Человек высокого мужества, что он доказал в боях и атаках, Лунин оставался мужественным до конца.

Перед смертью он не был одинок — его навещали боевые друзья. Пусть читатель не упрекнет меня в нескромности, я все-таки позволю себе привести здесь отрывок из письма Владимира Юльевича Брамана, который посетил Лунина в госпитале:

«…я был у Лунина, захватил с собой бутылку сухого вина, у койки сидел уже Арванов». Н.А.Лунин был очень худой, изможденный… Открыли бутылку вина, подложили ему под спину подушки, выпил он стакан вина при нас. Шутил, рассказывал анекдоты, но видно было, что он уже не жилец на этом свете…

Николай Александрович сказал мне и Арванову:

— Из всех книг, повестей и рассказов, которые я прочел про Северный флот и, в частности, про мою «К-21», только один писатель, моряк Валентин Пикуль, написал так правдиво, честно

и по-морски, что я не мог читать без слез, а вы, ребята, сами ведь знаете, что я не из слезливых людей…

Уж это-то мы знаем хорошо — на собственном опыте! Еще Лунин сказал, что очень хотел бы встретиться с Вами и поговорить. Но не придется. 17 ноября Н. А. Лунин попросится из палаты, его повезли, привезли обратно, положили на койку.

Вдруг он сказал:

— Ребята, что-то мне плохо…

Было это в 14 часов. Вызвали врача, но все уже было кончено — смерть наступила мгновенно. Похоронили его на Богословском кладбище в Ленинграде со всеми высокими воинскими почестями».

После смерти Лунина вдова его, Надежда Тихоновна, сообщила мне, что от мужа остались записки о боевых действиях «К-21», о том, как экипаж выходил в атаку на «Тирпица», и многое-многое другое для истории!

Остается сказать последнее… Краснознаменная подлодка «К-21» закончила войну, имея 17 побед. Она жива до сих пор. Героическая лодка поставлена на вечную стоянку в гавани города Полярного, а на боевых постах развернута экспозиция маленького музея боевой славы прошлого.

«К-21» еще служит нам — на ней учатся молодые подводники.

Как это хорошо, что корабли у нас остаются памятниками собственной боевой славы!

Просматривая — увы! — немногочисленные в нашей стране работы о судьбе каравана PQ-17, я хотел поведать о нем нашему читателю.

Я не ставил перед, собой чисто литературных задач. Мне лишь хотелось довести до читателя самую сущность далеких событий.

В моем произведении только два вымышленных корабля: подводная лодка Ральфа Зеггерса и советский сторожевик, потопивший эту лодку.

Официально их не было. Но они… были!

Р. Зеггерса я сложил из всего того материала о гитлеровских подводниках, который прошел через мои руки. Советский же сторожевик (вчерашний траулер) не требует комментариев — таких кораблей с подобной же судьбой было тогда немало на Северном флоте.

В самой незначительной степени на мой рассказ наложен слабый колорит личных впечатлений.

Эту летопись роковых событий я посвящаю, как скромный реквием, памяти тех, кого мы не дождались листом 1942 года. Памяти всех

честных бойцов против фашизма — советских, британских, американских и польских моряков, которые через ад проводили свои караваны.

***

Вечная, память всем им, уснувшим посреди ледяных вод в тех высоких широтах, что грохочут между Мурманом и Шпицбергеном!